

В. В. ИВАНОВ
В. Н. ТОПОРОВ

САНСКРИТ

ИЗЛ

4
1-20

И-20

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт народов Азии

ЯЗЫКИ
ЗАРУБЕЖНОГО
ВОСТОКА
И
АФРИКИ

*Под общей редакцией
проф. Г. П. Сердюченко*

В. В. ИВАНОВ
В. Н. ТОПОРОВ

САНСКРИТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва

1 9 6 0

4

U-20

SECRET

55687

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемая вниманию читателя работа В. В. Иванова и В. Н. Топорова «Санскрит» входит в серию очерков по языкам зарубежного Востока и Африки, публикуемую Институтом народов Азии Академии наук СССР.

Отдельные очерки посвящены характеристике целых языковых групп, как, например, «Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала», «Иранские языки», «Монгольские языки и диалекты Китая», «Языки Африки» и др.

В большей части очерков, как и в данном, описываются конкретные языки различных стран Азии и Африки: арабский, амхарский, турецкий, уйгурский, монгольский, персидский, пушту (афганский), фарси-кабули, белуджский, курдский, хинди, урду, маратхи, ассамский, телугу, тамильский, малаялам, китайский, чжуанский, тибетский, тайский (сиамский), бирманский, вьетнамский, кхмерский, индонезийский, тагальский (на Филиппинах), японский, корейский, зулу, суахили, луганда, хауса и ряд других, а также языки прошлого, сыгравшие большую культурно-историческую роль в жизни народов Востока: египетский, пали, авестийский, среднеперсидский, древнеуйгурский и др.

Конечно, в построении каждого очерка имеются свои особенности и отступления от общей схемы, объясняемые спецификой описываемого языка или группы языков и степенью изученности вопроса. Очерки, в которых дается описание языковых групп, композиционно и по объему материала несколько отличаются от очерков, посвященных отдельным конкретным языкам.

Очерки предназначены для широкого круга языковедов—не специалистов по данному языку или группе языков, для преподавателей различных языковых дисциплин историко-филологических факультетов университетов, педагогических институтов и аналогичных им высших учебных заведений, а также для студентов, изучающих восточные языки.

Учитывая возможное переиздание и тематическое расширение очерков, редакция обращается к читателям с просьбой присылать свои замечания и пожелания по адресу: Москва, Армянский пер., 2, Издательство восточной литературы, редакция серии «Языки зарубежного Востока и Африки».

ВВЕДЕНИЕ

Санскрит берет начало в индийской древности, широко распространяется в индийском средневековье и остается в употреблении, хотя и в более ограниченных пределах, вплоть до наших дней. Это язык одной из великих мировых литератур. На нем написаны замечательные эпические произведения и получившие всемирную известность сборники басен и рассказов. Санскрит широко использовался в древнеиндийской драматургии, лирике и других жанрах художественной литературы. Для теории искусства до сих пор сохраняют значение написанные на санскрите древнеиндийские трактаты по поэтике. Литература на санскрите включает многообразные научные сочинения, в том числе медицинские, математические, географические трактаты и грамматические работы, повлиявшие на развитие науки о языке в Азии, Европе и Америке.

Санскрит — язык богатейшей философской и религиозной литературы, создававшейся не только в Индии, но и за ее пределами. На этом языке написаны также политические наставления, сборники законов и разнообразные надписи, представляющие большую ценность для изучения истории древней Индии.

Преимущество в развитии индийской культуры обеспечивалась непрерывностью традиции санскритской литературы и живой непрекращающейся связью с этой традицией литератур на других языках Индии, которые постоянно обращались к наследию, закрепленному в санскритских текстах. Санскрит на протяжении всей своей истории взаимодействовал с другими языками Индии и до нашего времени остается источником обогащения словаря многих из этих языков, в том числе и таких, которые, как, например, хинди, приобретают мировое значение. Исключительно велико значение санскрита в истории культуры многих азиатских стран, от Центральной Азии до Дальнего Востока и

Индонезии. Санскрит явился проводником идей и образов индийской культуры, оказавших глубокое воздействие на жизнь этих стран. Этим объясняется то, что многие санскритские культурные термины проникли в ряд языков Азии и других частей света.

Словарь некоторых языков (например, в Индонезии) оказался настолько насыщенным заимствованиями из санскрита, что эти языки в определенные эпохи их истории можно назвать санскритизованными. В новое время знакомство с санскритской художественной и философской литературой, вновь открытой для Европы, оставило глубокий след в ее духовной жизни. Изучение санскрита европейскими учеными привело к созданию сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков и тем самым способствовало возникновению сравнительно-исторического языкознания как особой науки. Подобно этому исследование сюжетов санскритской повествовательной литературы явилось решающим звеном в создании сравнительного литературоведения. Анализ древнеиндийского пантеона сделал возможным возникновение сравнительной мифологии.

Лингвисты наших дней в поисках точных методов описания языка все чаще обращаются к достижениям древнеиндийских грамматиков, в некоторых отношениях остающихся непревзойденными. Все это убеждает в том, что изучение истории мировой культуры немыслимо без исследования одного из великих культурных языков человечества—санскрита.

Место санскрита в кругу родственных языков

Можно предполагать, что в I тысячелетии до н. э. (а возможно, и несколько ранее) в северной части древней Индии говорили на ряде близкородственных диалектов, на основе литературной обработки одного из которых и возник санскрит. Не все эти диалекты дошли до нас в памятниках, позднее закрепленных в письменности. Наиболее богатый материал имеется по диалекту, отраженному в древнейших собраниях гимнов—«Ведах» и соответственно называемому ведийским. Язык «Вед» отличается от санскрита во многих отношениях. Прежде всего, хронологически «Веда» много старше самых ранних санскритских текстов; отражение этих хронологических различий можно обнаружить при сравнении языка «Вед» с санскритом.

Однако эти языковые различия нельзя объяснить только разницей во времени составления текстов: если даже

попытаться отвлечься от этих расхождений, то все же останутся факты, заставляющие предполагать существование более древних диалектных различий между этими двумя разновидностями древнеиндийского языка. Именно поэтому следует избегать смешения терминов ведийский, санскрит и древнеиндийский.

Термин «древнеиндийский» в дальнейшем используется нами как общее обозначение, относящееся и к ведийскому, и к санскриту, и к тем отличным от них диалектам, которые могли исчезнуть, не оставив следов в виде письменных памятников.

Помимо указанных хронологических и диалектных различий между языком «Вед» и санскритом, следует отметить и то обстоятельство, что эти языки различались функционально.

Ведийский язык—это язык религиозных гимнов, песнопений, исполнявшихся при жертвоприношениях, при обращении к богам и в другие торжественные моменты жизни общества; поэтому он не может считаться литературным языком в узком смысле слова, скорее его можно назвать языком культовым. Вместе с тем тексты «Вед», за исключением отдельных позднейших вставок, подчиняются метрическим закономерностям, что предъявляет ряд особых условий к языку этих текстов. С этими функциональными особенностями языка «Вед» связано, с одной стороны, сохранение чрезвычайно архаических культовых формул, порой восходящих к очень глубокой древности, а с другой—относительно малая упорядоченность грамматики, еще не скованной нормами литературного языка, и возможность факультативного употребления ряда параллельных форм и новообразований. Иную картину представляет собой строго нормализованная грамматика санскрита, являвшегося прежде всего литературным языком, который использовался в произведениях самых различных жанров.

К середине I тысячелетия до н. э. древнеиндийский язык был в употреблении на территории от Гималаев до гор Виндхья, отделяющих северную и центральную части Индии от Декана. К югу от этой территории говорили на различных языках, не родственных санскриту. К этим языкам относились дравидские, не являющиеся, по-видимому, исконными в этой области, и языки группы мунда, которые есть основания считать относительно более древними.

Можно думать, что языки, не родственные санскриту, были распространены и в некоторых местах Северной Индии, где до сих пор сохранились островки языков древ-

нейшего населения Индии. В течение длительного времени санскрит взаимодействовал с этими языками, свидетельством чему являются многочисленные заимствования. Исследования последних лет показали древность этих заимствований и их большой удельный вес в словаре санскрита.

В более древнюю эпоху на древнеиндийских диалектах говорили в северо-западной части Индии (современный Пенджаб). Можно полагать, что именно об этой области идет речь в древнейшей из Вед—«Ригведе»; это подтверждается и названиями рек, упоминаемыми в «Ригведе».

Распространение санскрита шло с северо-запада и постепенно охватывало все более и более широкие области Индии. Уже поэтому есть основания предполагать, что носители древнеиндийских диалектов вторглись в Индию с северо-запада.

Это согласуется и с археологическими данными, свидетельствующими о существовании в долине Инда в более глубокой древности высокоразвитой цивилизации, создание которой нельзя приписать носителям древнеиндийских диалектов. Однако точная принадлежность языка населения древнейших городов долины Инда—Мохенджо-Даро и Хараппы—остается неизвестной, так как найденные в этих городах образцы письменности все еще не удалось расшифровать, несмотря на ряд попыток.

Гибель цивилизации древних городов долины Инда была вызвана вторжением ряда племен, стоявших на значительно более низком уровне развития. Возможно, что отзвуки этого вторжения отразились в некоторых гимнах «Ригведы», где повествуется о разрушении ведийскими племенами крепостей первоначальных обитателей страны, чья религия отличалась от ведийской. Соотношение во времени между гибелью Мохенджо-Даро и Хараппы и вторжением племен, говоривших на древнеиндийском языке, остается неясным, но тем не менее есть основания предполагать, что культура этих древних городов оказала известное влияние на завоевателей.

В верхних слоях раскопок городов долины Инда некоторые археологи видят следы этого вторжения. Кроме того, в древнеиндийской религии и литературе обнаруживаются черты, роднящие их с цивилизацией Мохенджо-Даро и Хараппы. Однако до сих пор неизвестно, была ли эта связь непосредственной или же имелись какие-то промежуточные звенья, существование которых пока нельзя доказать археологическими данными.

Точная хронология вторжения в Индию неизвестна—

тем более, что завоеватели, по-видимому, вторгались в Индию несколькими последовательными волнами, относящимися к разному времени. Распространение древнеиндийских диалектов можно достоверно связать лишь с последней волной; ее с известной вероятностью относят ко второй половине II тысячелетия до н. э. или даже к началу I тысячелетия до н. э. Более ранние волны завоевателей, по-видимому, можно связать с племенами, языки которых были близкородственны древнеиндийским диалектам, но все же отличались от них.

Следы одной из таких ранних волн завоевателей, очевидно, сохранились в современных дардских языках, распространенных сейчас в труднодоступных горных районах Афганистана и прилегающих областей Индии. В эти горные места носители дардских языков были оттеснены позднейшим потоком ведийских племен, которые при своем движении, могли смести некоторые другие близкородственные племена.

В сопредельных областях Средней Азии в это время обитали иранские племена, диалекты которых были исключительно близки к древнеиндийским. Древнеиранские и древнеиндийские племена до вторжения последних в Индию образовывали единую общность. Доказательством этому является чрезвычайно далеко идущее совпадение систем (а не только отдельных черт) древнеиранского и древнеиндийского языков. Показательно также то, что некоторые гимны «Ригведы» и древнейшего иранского памятника «Авесты», ранние гимны которого созданы иранцами еще в Средней Азии, можно рассматривать как два варианта одного первоначального текста. Древнеиндийские и древнеиранские комплексы культурно-религиозных представлений обнаруживают очень большое сходство; в частности в значительной мере пантеон древнейших частей «Авесты» совпадает с ведийским. Родство можно установить по отношению к терминам, связанным не только с пантеоном, но и с ритуалом. Так, в ведийских и авестийских обрядах большое место занимал культ опьяняющего напитка, который получали выжимая сок растения определенного вида. Ведийское название этого напитка (впоследствии обожествленного) *sóma* закономерно соответствует авестийскому *haoma*.

Существенно совпадение ряда терминов, являющихся ключевыми в лексике, относящейся к культу: вед. *yajñá-*, авест. *yasna-* 'жертвоприношение'; вед. *hótar-*, авест. *zao-tar-* 'жрец, участвующий в ритуале жертвоприношения';

вед. *átharvan-*, авест. *aθaurvan-*, *āθravan-* 'особого рода жрец' (первоначально 'жрец, отправляющий культ огня').

Тожество первоначальной структуры религиозных представлений обнаруживается даже в случаях, когда отдельные элементы этой структуры выполняют различные функции в ведийской и авестийской мифологии. Примечательно то, что ряд терминов, обозначающих в «Ригведе» высшие положительные начала, в «Авесте» выступает в качестве названий отрицательных сил. Так, ведийскому *devá-* 'бог' (первоначальность этого значения подтверждается рядом родственных языков) соответствует авестийское *daēva-* «злой дух» (ср. также клинописную надпись древнеперсидского царя Ксеркса, направленную против злых духов, которые называются в этой надписи *daiva-*).

Ведийским названиям богов *Indra-*, *Násatya-* соответствуют авестийские названия демонов *Indra*, *Nāvhaiθya*. Встречаются и обратные случаи, когда древнее значение сохранилось в «Авесте», а в ведийском то же слово приобрело противоположное значение: авест. *ahura-* 'господин (о боге)', вед. *ásura-* также и название злого духа. Эти противопоставления в системе религиозных понятий, несомненно, отражают социальную структуру обществ, говоривших на этих языках, и поэтому являются чрезвычайно ценными для структурной антропологии.

Особый интерес для изучения устройства этих обществ представляют общие для авестийского и древнеиндийского языков термины, обозначавшие социальные группы, например: др. инд. *kṣatrá-*, авест. *xšāθra-* название группы, в социальной иерархии следовавшей за жреческой. Термины, относящиеся к материальной культуре, позволяют восстановить некоторые черты, сближающие технику, производство и быт древнеиндийских и древнеиранских племен.

Наконец, последним доказательством единства древнеиндийских и древнеиранских племен является существование общего для них самоназвания *arya-*. Поэтому эти племена и языки называют арийскими. Часто вместо этого термина употребляют термин индоиранские; однако он не всегда вполне удобен, так как к арийским языкам принадлежат и такие, которые, строго говоря, не относятся ни к индийским, ни к иранским (таковы упомянутые выше дардские языки, и, возможно, другие более древние диалекты). Индийскую группу арийских языков будем называть индоарийской для отличения от неарийских языков Индии.

Единство древнеиндийских и древнеиранских диалектов не означает их полного тождества. Дело в том, что в этих диалектах встречается ряд фактов, которые не могут быть без натяжек сведены к одному общеарийскому источнику. Это справедливо и по отношению к отдельным иранским диалектам. Так, диалектный тип, представленный западноиранским языком древнеперсидских надписей Ахеменидов, в некоторых чертах нельзя непосредственно свести к источнику, общему с языком «Авесты».

Особые диалектные черты обнаруживают архаичные в ряде отношений восточноиранские языки, как живые (осетинский, памирские языки и др.), так и вымершие (скифский и ряд языков Центральной Азии, памятники которых исследованы лишь в XX в.: согдийский, сакский, хорезмийский). Диалектная дробность арийской языковой области особенно ярко выявляется в наличии таких обособленных диалектов, как дардские, сохранившие некоторые очень архаичные черты.

Конкретные пути, которыми индоарийцы подошли к северо-западу Индии, с определенностью неизвестны. Но можно думать о двух возможных направлениях. Одно из них ведет к северо-западной границе Индии через степи Средней Азии от пространства между Каспийским морем и Уралом. В пользу такого предположения могло бы говорить то обстоятельство, что Средняя Азия была очагом распространения ряда иранских языков. Вместе с тем эта гипотеза легко объяснила бы многочисленные древние арийские заимствования в финно-угорских языках, первоначальная область распространения которых лежала близ Урала.

Однако ряд фактов говорит за другой путь переселения индоарийских племен в Индию. Можно думать, что эти племена, или хотя бы часть их, подошли к Индии с запада через Иранское плоскогорье. С таким направлением движения вполне согласовалось бы наличие следов пребывания арийцев в Месопотамии во II тысячелетии до н. э.

Арийские слова и глоссы встречаются в ряде памятников на разных языках Передней Азии. В этих памятниках засвидетельствовано значительное число собственных имен арийского происхождения; в частности такие имена носили правители государства Митанни. Особенно интересно то, что в этих же документах встречаются названия некоторых богов, общих для древнеиндийского и древнеиранского пантеонов, например, *Mitra-*, и имена божеств, встречающиеся лишь в ведийском, но не в древнеиранском, напри-

мер, *Agni*-. Среди этой последней группы имен засвидетельствовано название *Varuṇa*-, которое некоторые ученые истолковывают на почве одного из древних языков Передней Азии—клинописного хеттского; это сопоставление тем более важно, что Варуна стоит особняком в древнеиндийском пантеоне.

Есть основания предполагать, что в некоторых областях Передней Азии, куда проникли арийские племена, существовало двуязычие. Так, в государстве Митанни арийский диалект употреблялся одновременно с языком коренного населения—хурритским. С арийско-хурритским двуязычием можно связать то, что в клинописных текстах встречаются гибридные образования, в которых к арийской основе присоединяется хурритский артикль *-(n)ni* (в аккадских текстах пишется как *-nnu*); например название масти *babrunnu*, связанное с ведийским *babhrú-* 'коричнево-красный'; *zirrannu*, сопоставляемое с ведийским *jīrá-* 'быстрый', и др.

Большое число арийских заимствований в древних языках Передней Азии связано с коневодческой терминологией,—она отражается и в ряде собственных имен арийского происхождения. Это объясняется тем, что военное превосходство арийских племен, способствовавшее их продвижению по Западной Азии, определялось широким использованием лошадей и боевых колесниц. Этот опыт перенимался другими народами Передней Азии, о чем свидетельствует, в частности, книга хуррита Киккули о коневодстве, написанная на хеттском языке. В этой книге в качестве коневодческих терминов встречаются арийские глоссы, например, *aika-ṣartana-* 'один поворот' (ср. др. инд. *éka-* 'один' и корень *vart-* 'вращать', 'поворачивать'), *panza-ṣartana* 'пять поворотов' (ср. др. инд. *pāñca-* 'пять') и т. д. Особенно существенно то, что месопотамский арийский коневодческий термин *ṣartana-*, обозначающий круг, на котором тренируют лошадь, из всех арийских языков находит соответствие в восточноиранском осетинском *æu-ṣardyn* 'тренировать лошадь перед скачками'. Некоторые археологические факты позволяют предположить, что месопотамские арийские племена пришли с севера через Кавказ. С этой гипотезой можно связать то, что в более позднее время мы застаем на Кавказе носителей иранского осетинского языка, который очень близок к языку древних иранских коневодческих племен Северного Причерноморья—скифов. Некоторые исследователи видят следы движения арийских племен через Кавказ в названиях ряда мест на

Кубани, засвидетельствованных у античных авторов, и в обнаруженных на Кавказе наскальных изображениях колесниц. Оба предполагаемых пути переселения арийских племен (путь к востоку от Каспия и путь к западу от Каспия) приводят к одной исходной территории, которую можно локализовать к северу от Черного моря.

Эту же территорию можно считать очагом распространения ряда других языков, родственных арийским и входящих вместе с ними в одну более широкую языковую общность, называемую индоевропейской. Внутри этой общности диалекты обнаруживают разную степень близости друг к другу, устанавливаемую при изучении новообразований, общих лишь для отдельных диалектов. Арийские диалекты ближе всего были связаны с греческим и армянским. Близость арийских и греческих диалектов особенно легко обнаруживается потому, что их древнейшие памятники относятся приблизительно к одному и тому же времени и хорошо сохранили черты, унаследованные от более древнего состояния. Особенно показательно совпадение системы противопоставлений глагольных форм и категорий в этих языках. Эта сложная система развивалась в сходных направлениях в греческом, арийском и отчасти армянском из более простой системы, отраженной в некоторых других индоевропейских диалектах. Ряд однотипных новообразований обнаруживается и в лексике; так, употребление в качестве названия человека однотипного производного от индоевропейского глагола со значением «умирать» объединяет эти три группы диалектов: ср. др. инд. *martá-*, авест. *marəta-*, греч. *βροτός* (*μортός*), арм. *mard*. Для греческих и арийских древнейших текстов общими являются и противопоставленные указанным словам обозначения бессмертия как атрибута богов: ср. др. инд. *amṛta-* 'бессмертный', авест. *aməša-* (из иранского **amṛta-*), греч. *ἄμβροτος* (ср. производное название напитка бессмертия *ἄμβροσιή* 'амброзия').

Подобные сопоставления облегчаются функциональным сходством ряда греческих, древнеиранских и древнеиндийских памятников, позволяющих реконструировать древние комплексы культурно-религиозных представлений. Сравнение этих памятников дает возможность не только отождествить родственные слова в сходных окружениях, но и восстановить отдельные части текста, состоящие из фразеологических сочетаний слов. Так, ведийское *śravaṇī akṣitām* 'нерушимая слава' соответствует греческому *κλέος ἀφθίτων*, ведийская форма инструментального падежа *iṣireṇa*

mānasā 'тот, чья душа одержима священным неистовством' соответствует греческому *ἱερόν μένος* (аналогичное ведийскому употреблению греческого производного от корня, родственного ведийскому *iṣ-*, предполагается также и в древнейшем микенском ритуальном тексте). Подобно этому сопоставление ведийского *nāmadhēya-* 'установление имен' и греческого *ὀνομαδέτης* 'установитель имен' позволяет восстановить важный элемент мифа о происхождении названий вещей. Некоторые черты арийской мифологии сопоставимы с древнейшими элементами греческой мифологии, которые можно выявить, сняв многочисленные позднейшие наслоения, определившие специфический характер греческого пантеона. Сходство иных мифологических названий несомненно, несмотря на фонетические расхождения (ср. греч. *Κένταυρος* 'кентавр', др. инд. *gandharvā* 'демон', авест. *gandarəwō-*; с этим арийским названием можно было бы сопоставить имя бога *Kantaru-*, встречающееся в хеттских текстах и, возможно, относящееся к числу заимствований из месопотамского арийского).

Наряду с изоглоссами, объединяющими арийский с греческим и армянским, существуют и изоглоссы, связывающие арийский с более широкой группой индоевропейских диалектов, расположенных в восточной части индоевропейской языковой области, к которой, кроме арийских, греческого и армянского, относятся балтийские, славянские и некоторые древние языки Балкан. Но в отличие от греческо-арийских общих особенностей восточноиндоевропейские изоглоссы менее регулярны и не свидетельствуют о таком длительном и тесном контакте между арийскими и другими восточноиндоевропейскими племенами, как тот, который можно предположить для объяснения греческо-арийских новообразований. Вместе с тем некоторые важные изоглоссы охватывают не всю восточноиндоевропейскую языковую область. Это относится, в частности, к изменению палатальных и связанному с ним изменению *s*. Эти изменения наиболее систематически проведены в древнеиндийском и части древнеиранских диалектов, за исключением древнеперсидского, в славянском же и особенно в балтийских сопровождаются значительным количеством отступлений; развитие палатальных в сходном направлении наблюдается в армянском и в албанском, как и в некоторых связанных с ним древних языках Балканского полуострова. Однако в изолированной части арийской диалектной области—в кафирских языках—засвидетельствовано состояние, предшествовавшее этому преоб-

разованию системы согласных. Греческий язык, некоторыми чертами сближающийся с восточноиндоевропейскими и, особенно, с индоарийским, не обнаруживает никаких следов подобного изменения палатальных. Любопытно, что такие общие только для греческого и арийского слова, как заимствованное из неиндоевропейских языков Азии название топора (греч. *πέλεκυς*, др. инд. *paraśú-*, осет. *фæрæт*), отличаются по этому фонетическому признаку. Эти факты, как и многие другие, свидетельствуют об известной условности границ между восточными и западными индоевропейскими диалектами.

356897
Между индоарийскими диалектами и языками западноиндоевропейского языкового мира (кельтские, итальянские, германские, иллирийский и др.) наблюдаются существенные расхождения. В частности в западных диалектах представлен совершенно иной морфологический тип. Это отчасти можно объяснить тем, что в западных языках в отличие от арийских развитие не пошло по пути усложнения той системы, которая первоначально была общей для всех индоевропейских диалектов. Архаичностью западных языков, особенно итальянских и кельтских, находившихся на периферии индоевропейского мира, объясняется сохранение в этих языках ряда общих с арийскими древних форм (например, глагольных форм на *-r*) и целой системы терминов, связанных с ритуалом и с организацией жреческого общества. К таким терминам принадлежит, например: др. инд. *rājā* 'царь', лат. *rēx*, ирл. *rí* (галльск. *-ríx* в собственных именах вождей племен); этот термин в древнеиндийском, как и в латинском, мог использоваться в качестве названия религиозного вождя (лат. *rex sacrorum*); от этого же слова образованы: др. инд. *rājñt* 'царица', ирл. *rígain*; др. инд. *rājyá-* 'царство'; ирл. *ríge*. Другими государственными и правовыми терминами, общими для арийских и итало-кельтских языков, являются: лат. *jūs* 'право', др. инд. *yós* (ср. также лат. *justus* 'справедливый', ирл. *uisse*, авест. *yaosō*); лат. *lēx* 'закон', вед. *rāj-án-i*, форма местного падежа, авест. *rāzan*; лат. *rēs*, др. инд. *rās* 'собственность'; лат. *ops* (мн. ч. *opes* 'имущество'), др. инд. *apas* «имущество».

Некоторые ученые сближают также слова: ирл. *aire* 'вождь', 'человек высокого звания', др. инд. *aryá-* 'благородный', авест. *airya-* (термин *aryá-* использовался также как самоназвание арийцев); галльское собственное имя *Ariomanus* с этой точки зрения сопоставимо с древнеиндийским *aryaman-* (авест. *airyaman-*). Из чисто религиоз-

ных совпадений наиболее примечательно сходство терминов др. инд. *śraddhā* 'вера', лат. *credō* 'верую', ирл. *cre-tim* 'верую'; ср. также ирл. *crábud* 'благочестие', др. инд. *vi-śrambha-*, ирл. *iress* 'вера', ср. перс. (пехлев.) *prast*; ирл. *nóeb* 'святой', др. перс. *naiba*; лат. *castus* 'нравственно безупречный', 'благочестивый', др. инд. *śiṣṭá-* 'скромный'. Общими для арийских и итало-кельтских языков являются не только положительные оценочные эпитеты, но и обозначения некоторых отрицательных качеств или физических недостатков.

Учитывая роль культа лошади в религии арийских племен, следует особо отметить недавно установленное соответствие: вед. *áśvamedha-* 'ритуал приношения в жертву лошадей' и галльск. *IPOMIIDVOS*. Ведийское название жреца *prábhartā* (авест. *frabərətā*) находит соответствие в италийском (умбрск. *arsfertur*); вед. *brahmán-* 'брахман' некоторые исследователи отождествляют с лат. *flāmen* 'жрец'. Из других социальных терминов можно указать: др. инд. *upasthānam*, сопоставляемое с ирл. *foss* 'служитель', и авест. *pairikā*, сравниваемое с ирл. *airech* 'наложница'. Некоторые общие термины относятся к военной сфере (др. инд. *asi-* 'меч', лат. *ensis*; др. инд. *jrāyati* 'он нападает', ирл. *gléo* 'битва'; ср. ирл. *cliuss* 'подвиг', 'уловка', др. инд. *kriḍati* 'он играет'); интересны и такие совпадения в терминологии материальной культуры: др. инд. *ghṛtá-* 'жир' (слово, упоминающееся при описаниях ритуалов), ирл. *gert* 'молоко'; др. инд. *grāvan* 'жернов', ирл. *bró*; др. инд. *rajatām* 'серебро', авест. *ərəzatam*, др. перс. *ardatam*, лат. *argentum*, ирл. *argat* (ср. также арм. *arcath*). Подавляющее большинство приведенных выше арийско-итало-кельтских сходств следует расценивать не как общие нововведения, т. е. изоглоссы, характерные лишь для этих диалектов, а как архаизмы, унаследованные от очень древней эпохи. Их сохранению способствовало периферийное положение этих языков на крайнем востоке и крайнем западе индоевропейского мира и некоторые общие черты в организации общества, отражающиеся также и в параллелизме ряда явлений, которые относятся к религии, праву, литературе (например, сходство в трехчленном делении древнеиндийского и авестийского общества с подобным же членением общества в древнем Риме, Галлии и Ирландии).

Особенно показательны совпадения, касающиеся не отдельных изолированных слов, а терминов, которые, с одной стороны, представлены в сходных или одинаковых

контекстах, а с другой—входят в ту же систему обозначений культурно-религиозных представлений. Так, древнеиндийское название обожествляемого неба *dyáuṣpitar-* 'небо-отец' точно соответствует италийскому имени главного божества (лат. *Juppiter* 'Юпитер', умбрск. *Iupater*). В данном случае соответствие выходит за пределы арийско-италийских словарных совпадений, так как тождественное по происхождению сочетание названия обожествляемого дневного света (ясного неба) и термина, обозначающего главу патриархальной семьи, засвидетельствовано в древнегреческом *Ζεύς πατήρ* 'Зевс-отец'. Даже в древних индоевропейских языках Малой Азии, например в лувийском, близко родственном хеттскому, отражено аналогичное употребление родственного названия божества, хотя второй член этого сочетания и представлен другим словом: *tiyaz tatiš* 'бог Солнца-отец'.

Некоторые подобные термины, отражающие очень архаичное состояние, сохранились на еще более широкой территории и известны с теми или иными диалектными вариантами в целом ряде языков западной и восточной частей индоевропейского мира: например, название бога грозы, отраженное в др. инд. *Parjanya-*, хеттск. *Peruna-*, славянск. *Perunъ*, литовск. *Perkūnas*, кельтск. *Hercynia*, и в ряде родственных слов других языков. Такие слова, унаследованные от древнейших времен, являются в санскрите архаизмами, отражающими общиндоевропейский словарь периода, предшествовавшего обособлению отдельных диалектов. Подобным же образом в звуковой системе и грамматике санскрита можно выявить черты, восходящие к общиндоевропейскому периоду. Однако общий облик санскрита отнюдь не определяется только этими архаизмами. Наряду с ними в санскрите обнаруживаются новообразования, относящиеся к разным эпохам: явления общие с некоторыми другими индоевропейскими языками (в частности с греческим и армянским, о чем говорилось выше), более поздние новообразования общеарийской эпохи, разделяемые и иранскими языками, а также явления, возникшие позже—в индоарийском и, наконец, в истории отдельных индоарийских диалектов. Только последовательно сняв все эти позднейшие наслоения, можно прийти до следов древнейшей системы, которая оказывается общим источником систем всех древних индоевропейских диалектов. Эту древнейшую систему обычно относят к общиндоевропейскому языку, который иначе называют индоевропейским праязыком.

Следует отметить, что представления об этом праязыке постоянно изменялись на протяжении полутора веков существования сравнительно-исторического языкознания. Это определялось, во-первых, расширением языкового материала, на основании которого складывались эти представления, и, во-вторых, успехами общей лингвистики, оказывающими влияние на интерпретацию выводов, получаемых с помощью аппарата сравнительно-исторического языкознания. Самое возникновение методов и идей сравнительно-исторического языкознания, — в частности, гипотезы о существовании индоевропейского праязыка, впервые высказанной в конце XVIII в. У. Джонсом, — было одним из последствий знакомства европейских ученых с санскритом.

В работах таких основоположников сравнительной грамматики индоевропейских языков, как Ф. Бопп, изучению форм санскрита отводилось особое место, что можно связать с прозрачностью нормализованной грамматической системы санскрита, последовательно изложенной в работах индийских грамматиков. Начиная с середины XIX в., когда А. Шлейхером была выдвинута теория праязыка и его последовательного деления, объясняющая общее происхождение индоевропейских языков и их последующее развитие, реконструкция индоевропейского праязыка в значительной степени основывалась на данных санскрита. Фонетическая и морфологическая система индоевропейского праязыка воссоздавалась по образу и подобию санскрита. Постепенное изучение истории санскрита и других индоевропейских языков делало, однако, все более и более сомнительной такую картину праязыка. В частности уже с 70-х годов XIX в. в ряде исследований было установлено, что звуковые единицы санскрита ни в коей мере нельзя отождествлять с общиндоевропейскими, так как их разделяет целый ряд глубоких фонетических изменений. Однако во многих трудах начала XX в., например, в обобщающем исследовании К. Бругмана, картина индоевропейского праязыка, в особенности морфологии и отчасти системы согласных, сильно напоминает систему санскрита. Поэтому большой неожиданностью явилось то, что морфология и система согласных исследованного в XX в. хеттского языка, памятники которого не уступают по своей древности ведийским, очень отличается от системы санскрита и того индоевропейского праязыка, который реконструировался ранее на его основе.

Возникла возможность иного подхода к восстановлению индоевропейского праязыка, опирающегося преиму-

щественно на архаизмы хеттского языка. Оказалась несостоятельной попытка Э. Стертеванта примирить эти две концепции праязыка путем отнесения двух праязыков к разным эпохам и выведения одного из них (ранее реконструированного индоевропейского) из другого («индо-хеттского»). Становится очевидным, что открытие хеттского языка и других древних индоевропейских языков Малой Азии, а также тохарских языков и прогресс в изучении ряда древних индоевропейских языков Балкан и Италии (илирийского, венецкого, фракийского, догреческого и др.) требует перестройки сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков. В свете этих новых данных по-новому предстает и значение для реконструкции праязыка тех известных ранее индоевропейских языков, которые на предыдущем этапе мало учитывались. Раньше праязык представлялся очень близким к санскриту, а отличия от него ряда западных диалектов, а также примыкающих к ним в некоторых отношениях балтийских и славянского объяснялись утратой в этих языках многих индоевропейских форм и категорий, сохранившихся в санскрите и отчасти в греческом языке. Теперь же, наоборот, грамматическая система санскрита в целом должна рассматриваться как результат целого ряда новообразований, которые не осуществились во многих других языках, отражающих поэтому более архаичное состояние. Однако в настоящее время ни один засвидетельствованный индоевропейский язык (даже и такой архаичный, как хеттский), взятый обособленно, не может быть достаточной основой для реконструкции общеиндоевропейского. Восстановление общеиндоевропейской системы в той мере, в какой оно возможно, может быть осуществлено путем сравнения достигнутых посредством внутренней реконструкции древнейших состояний отдельных индоевропейских диалектов.

Общеиндоевропейское состояние, достигаемое с помощью сравнения отдельных языков, не может быть единым ни в диалектном ни в хронологическом отношении. Есть даже некоторые основания допускать, что в древнейший период индоевропейская языковая область была настолько дробной, что о ней можно говорить как о языковом союзе, объединявшем диалекты, которые все обладали совокупностью одинаковых структурных признаков, но могли достаточно широко расходиться в пределах этой общей структуры. Такое структурное сходство едва ли можно объяснить позднейшим навязыванием какого-либо

стандартного образца, как полагает Пизани, сближающий этот гипотетический стандарт с древнейшей стадией в развитии санскрита¹. Вместе с тем нельзя отрицать возможность того, что структурные признаки, наличествовавшие в какой-либо один период, могли отсутствовать в другой, ему предшествовавший, когда индоевропейская языковая область объединялась структурными характеристиками иного типа. Среди структурных признаков, общих для индоевропейских диалектов, можно выделить разные хронологические наслоения, которые в свою очередь дают возможность осуществить еще более глубокую внутреннюю реконструкцию по отношению к самой общеиндоевропейской системе.

В последнее время изменению подверглись не только представления об относительной хронологии развития индоевропейских диалектов, но и взгляды на абсолютную хронологию их обособления. К этому привело открытие памятников древних индоевропейских языков Малой Азии II тысячелетия до н. э. (хеттского и других анатолийских) и еще более древних следов индоевропейских анатолийских собственных имен в малоазиатских текстах рубежа III и II тысячелетий до н. э. (каппадокийские таблицы), расшифровка древнейших греческих крито-микенских текстов линейного письма В, начинающихся с середины II тысячелетия до н. э., установление индоевропейского характера догреческого языка и, наконец, изучение следов арийских племен в Передней Азии. Все эти новые данные заставляют пересмотреть традиционные датировки распада индоевропейской языковой общности и отодвинуть период обособления индоевропейских диалектов далеко назад. Этот период должен был намного предшествовать II тысячелетию до н. э., когда носители очень отличных друг от друга индоевропейских языков уже обитали в разных областях Восточного Средиземноморья и Передней Азии. Вместе с тем новейшие исследования в области хронологии «Ригведы» приблизили время создания ведийских гимнов к I тысячелетию до н. э. Поэтому во много раз увеличился разрыв между общеиндоевропейским и ведийским периодами, которые в работах исследователей прежних поколений предельно сближались. Современные представления об абсолютной хронологии развития от общеиндоевропейской

¹ См.: V. Pisani, *L'indo-européen reconstruit* („Lingua“, vol. VII, 4, 1958), p. 345—346; V. Pisani, *Indogermanisch und Sanskrit* („Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen“, Bd. LXXVI, 1958).

языковой системы к индоарийской хорошо согласуются с полученными на основании совершенно других данных выводами об относительной хронологии этого развития. Появление разных по возрасту многочисленных новообразований, отличающих санскрит от общеиндоевропейского, можно приурочить к очень продолжительному периоду, разделяющему эти две стадии языкового развития.

Виды санскрита и их периодизация в соотношении с другими языками Индии.

Разграничение видов санскрита и их соотнесение во времени друг с другом и с другими индоарийскими языками представляет весьма сложную и интересную проблему ввиду крайне специфических особенностей языковой структуры индийского общества на протяжении тысячелетий. По отношению к санскриту эти специфические особенности проявляются прежде всего в том, что санскрит как литературный язык сосуществует с рядом последовательно сменявших друг друга языков. В древнейшую эпоху, о которой речь шла выше, параллельно с санскритом употребляются другие древнеиндийские диалекты. Из них по памятникам нам известен ведийский, сосуществовавший с санскритом в начале как живой язык, а затем как образец культового языка. Поздние ведийские тексты, в частности прозаические, обнаруживают черты, которые объясняются не только эволюцией самого ведийского языка, но и его позднейшим взаимодействием с санскритом. Вот почему по отношению к языку этих текстов с большим правом, чем по отношению к языку самих «Вед», иногда употребляется термин ведийский санскрит. В более позднюю эпоху, уже в I тысячелетии до н. э. и позднее, санскрит употребляется одновременно с разговорными и литературными среднеиндийскими языками, являющимися результатом развития древнеиндийских диалектов. Самое название санскрита (*samskṛtá-*) обозначало «язык, доведенный до формального совершенства», в противоположность названию ряда среднеиндийских языков — праkritов (*prakṛtá-*), означавшему языки, не подвергшиеся столь тщательной нормализации. Следует отметить, что между санскритом как одной из разновидностей древнеиндийского языка и среднеиндийскими языками не существует непосредственной преемственности, так как диалекты, давшие в своем развитии среднеиндийские языки, далеко не всегда можно отождествить с диалектом, на основе которого был создан сан-

скрит. Взаимодействие с разговорными среднеиндийскими языками определило некоторые позднейшие черты санскрита.

Взаимовлияние санскрита и разговорных языков продолжается и дальше, когда санскрит употребляется одновременно с позднесреднеиндийскими языками, называемыми апабхрانشа, являвшимися переходными между среднеиндийскими и новоиндийскими. С начала II тысячелетия н. э. санскрит вступает во взаимодействие с новоиндийскими языками, продолжающееся до нашего времени. Отличия употребления санскрита от использования разговорных языков, в частности пракритов, в ряде случаев были связаны с религиозными и социальными (кастовыми) различиями, что нашло отражение и в древнеиндийской драматургии.

Эти особенности, специфические для индийского общества, сказываются не только на отношении санскрита к другим индоарийским языкам Индии, но и в том, в каких разновидностях выступает санскрит и как они соотносятся друг с другом. Различия между теми видами санскрита, о которых будет сказано ниже, определяются сложным переплетением хронологических, функциональных и диалектных факторов и различной степенью и формой взаимодействия со среднеиндийскими языками. Ни один из этих факторов, взятых порознь, не определяет какой-либо одной из разновидностей санскрита; поэтому особые трудности представляет их соотнесение во времени.

Сложность этой картины усугубляется тем, что и внутри отдельных разновидностей санскрита, по-видимому, имелись диалектные различия. Так, древнеиндийские грамматики отмечают большую чистоту северного варианта описываемой ими разновидности санскрита по сравнению с восточной. Однако сведения о пространственных различиях этого рода весьма отрывочны и не дают полного представления о лингвистической географии древней Индии.

Одной из относительно более архаичных разновидностей санскрита является эпический санскрит. Это язык двух великих эпических поэм «Махабхарата» и «Рамаяна» и примыкающих к ним стихотворных произведений. Созданные основных памятников эпического санскрита относятся ко второй половине I тысячелетия до н. э. Метрический характер этих памятников определил и некоторые особенности эпического санскрита, сближающие его с древнейшими образцами древнеиндийских метрических текстов — «Ведами». Поэмы на эпическом санскрите существовали первоначально в устной традиции и передавались из поко-

ления в поколение странствующими певцами, которые обращались к широкой аудитории. Это способствовало появлению ряда новообразований, не предусмотренных нормами, которые были выработаны грамматиками, а также проникновению в словарь новых слов, в том числе заимствований из пракритов.

В отличие от эпического санскрита другая и наиболее употребительная разновидность этого языка — классический санскрит характеризуется строгой нормализованностью и регулярностью форм. Нормы классического санскрита изложены в трудах древнеиндийских грамматиков — в наиболее законченной форме у Панини (V—IV вв. до н. э.). Классический санскрит использовался на протяжении двух с половиной тысячелетий вплоть до нашего времени в произведениях самых разнообразных жанров как в художественной литературе, так и в научной, религиозной, политической. Именно эта разновидность может считаться основной, поэтому на нее обычно ориентируются описания системы санскрита.

На грамматическую систему классического санскрита оказал влияние существенно отличный от древнеиндийского менее синтетический тип среднеиндийских языков, что проявилось в обилии сложных слов и именных предложений.

Особенно сложным является вопрос о сфере использования классического санскрита за пределами письменной литературы. Кажется несомненным, что тексты на классическом санскрите читались вслух. Об этом говорят показания грамматиков, в том числе тщательно разработанные фонетические правила; особенно важным является использование санскрита наравне с пракритами в качестве сценического языка, что предполагает понимание санскритских мест древнеиндийских драм всеми зрителями, говорившими на пракритах. Несомненно также использование санскрита в качестве языка религиозных обрядов индуистов. Очень существенно для решения этого вопроса и то, что санскрит и в настоящее время используется как язык для устного общения на определенные темы выходцами из высших каст — брахманами. Показательно, что во время последней переписи населения в Индии несколько сот человек назвали санскрит своим родным языком. По-видимому, традиция такого устного использования классического санскрита является непрерывной. Однако самый характер грамматики классического санскрита в сочетании с данными о наличии целого ряда разговорных языков, использовавшихся одновременно с ним, заставляет думать, что устное употребление

санскрита в его классической форме никогда не выходило за пределы очень ограниченной сферы общения. По отношению к эпическому санскриту можно думать, что эта сфера была значительно более широкой.

Соотношения между разными видами санскрита и среднеиндийскими языками в значительной мере определялись различиями между системами мировоззрений, в чем сказывалась и разница в верованиях. Система индуизма, которая сложилась в брахманской среде и передавалась и распространялась прежде всего усилиями высших каст, пользовалась и продолжает пользоваться вплоть до нашего времени преимущественно двумя названными разновидностями санскрита. Возникшие же приблизительно в одно время (около V в. до н. э.) в более демократических кругах новые религии — буддизм и джайнизм начали пользоваться для религиозной проповеди среднеиндийскими языками. Предание гласит, что Будда, обращаясь к своим ученикам, сказал: «Вы не должны перелагать слова Будды на ведийский язык. Кто так поступает, совершает грех. Я говорю вам, монахи, учите слова Будды каждый на своем собственном языке». Отражением языковой традиции того времени, когда буддизм проповедовался на разговорных языках Индии, является использование в качестве одного из основных языков буддийской литературы Индии среднеиндийского языка пали, на котором написаны произведения, входящие в буддийский канон, и целый ряд других буддийских сочинений. Наряду с пали буддизм пользовался и другими среднеиндийскими диалектами, хотя они в меньшей мере отражены в литературе. Но с начала I тысячелетия н. э. в художественную литературу буддизма вторгается санскрит, что было связано и с изменением социальной почвы буддизма. Это проявляется, с одной стороны, в создании таких произведений на классическом санскрите, с некоторыми отклонениями от нормы, как «Жизнь Будды» Ашвагхоши (около II в. н. э.), а с другой стороны, в формировании так называемого буддийского гибридного санскрита. В основе этой разновидности санскрита лежал один из среднеиндийских диалектов, постепенно подвергавшийся санскритизации. Если ранние памятники буддийского гибридного санскрита (на рубеже нашей эры) написаны на среднеиндийском диалекте, подвергшемся относительно небольшому влиянию со стороны санскрита, то язык позднейших текстов можно признать действительно особой разновидностью санскрита, в которой обнаруживаются многочисленные среднеиндийские черты. Буддийский гибридный

санскрит является не просто результатом введения в среднеиндийскую основу этого языка элементов, существовавших в самом санскрите, но и результатом переработки среднеиндийского текста на основании существовавших в то время представлений о соответствиях между санскритом и среднеиндийским. Эти представления служили базой для воссоздания санскритских форм на основе среднеиндийских. В действительности такие одно-однозначные соответствия могли бы быть установлены лишь при учете диалектных различий между данным среднеиндийским диалектом и диалектной базой санскрита. Составители текстов на буддийском гибридном санскрите не знали о таких различиях и поэтому некоторые восстановленные ими в духе санскрита формы тем не менее не являются собственно санскритскими; такие формы можно назвать гиперсанскритизмами. Изучение этих явлений очень интересно для установления возможностей реконструкции одного языка на основании данных другого, ему родственного, но относящегося к другой стадии развития. Вместе с тем образование буддийского гибридного санскрита представляет интерес и как первый образец формирования смешанных санскритизованных языков, развивающихся в Индии и в Центральной и Юго-Восточной Азии вследствие распространения классического санскрита как проводника буддийской культуры.

Во многих отношениях использование среднеиндийских языков и санскрита для проповеди джайнизма было аналогично употреблению различных языков Индии буддизмом. Первоначально джайнисты пользовались рядом среднеиндийских языков: а р д х а м а г а д х и, на котором написаны тексты, входящие в основной джайнский канон, ш а у р а с е н и (язык другого джайнского канона) и м а х а р а ш т р и; позднее использовались апабхрэнша. В джайнскую литературу санскрит начинает проникать со второй половины I тысячелетия н. э., но уже во II в. н. э. в надписях из Матхура зафиксирована особая разновидность гибридного санскрита. Взаимодействие санскрита со среднеиндийскими диалектами приводит и в джайнской литературе к созданию особой разновидности санскрита -- джайнского санскрита, еще более близкого к классическому санскриту, чем буддийский гибридный санскрит.

К гибридным разновидностям санскрита близки санскритизованные языки в Индии и за ее пределами, хотя они, строго говоря, и не являются разновидностями санскрита. Во всех этих случаях речь идет о языках специальных, чаще всего религиозных текстов, в большинстве случаев пе-

реведенных с санскрита, причем в переводе сохранялось, иногда с фонетическими и морфологическими изменениями, большое число санскритских слов (главным образом терминов и собственных имен) оригинала. Особый интерес представляет влияние санскрита на языки средневековых текстов Центральной Азии, которые обнаруживают черты общности типа особого языкового союза. В эту общность входили языки буддийских текстов, написанных на основе среднеиранских (согдийского и сакского), тохарских, древнетюркского (уйгурского) и тибетского (хотя в тибетских текстах более позднего времени санскритское влияние сказывается не столько в заимствованиях, сколько в весьма многочисленных кальках). Каждый из таких текстов наряду со словами одного из названных языков содержит очень большое число санскритских слов, лишь частично подвергшихся ассимиляции в фонетическом и морфологическом отношениях. Другой областью, где в старинных текстах наблюдается смешение санскритских и более древних местных (дравидских) элементов, является Южная Индия.

В ряде древних надписей на дравидских языках поэтические части написаны на санскрите, тогда как в прозаических частях наблюдается смешение дравидской и санскритской лексики. Сходные явления можно отметить и в санскритских надписях в Камбодже и в ряде других стран Юго-Восточной Азии. Особый интерес представляет древнеписьменный язык кави в Индонезии, лексика которого полностью санскритизована.

Особый случай взаимодействия классического санскрита с родственными ему языками, которые восходят к источнику, весьма близкому к санскриту, но находятся на очень поздней стадии развития, представляет влияние санскрита на новоиндийские языки. Это влияние сказывается преимущественно в словообразовании и лексике, в частности не только в заимствовании слов из санскрита, но и в создании по санскритским образцам новых слов, составленных из санскритских элементов, но относящихся к новым явлениям.

Это влияние в ряде областей (в языке политики, права, науки) настолько велико, что тексты, относящиеся к этим областям, можно считать санскритизованными. Это относится и к некоторым литературным произведениям, в частности к классической литературе хинди. В ряде случаев можно говорить как бы о двух параллельных стилях: одном санскритизованном, другом — восходящем к местной традиции.

В некоторых областях, например, в языке науки, используется только один стиль (санскритизованный), тогда как в других сферах общения попеременно может использоваться то один, то другой стиль. Поэтому в новоиндийских языках сосуществуют два синонимических ряда слов, общих по происхождению: слова, унаследованные от древнеиндийского и прошедшие длительный путь эволюции к новоиндийскому состоянию — такие слова называют та дб ха ва 'происходящий из него (т. е. из санскрита)' — и слова, непосредственно взятые из санскрита в неизменной форме — такие слова называют тат сама 'подобные ему, (т. е. санскриту)'. В хинди влияние санскритских элементов возросло за последнее десятилетие, после разделения Индии и Пакистана, в связи с которым увеличилось различие между санскритизирующимся хинди и урду, ориентирующимся на персидскую и арабскую лексику, и стала более значительной роль хинди в различных областях общественной жизни Индии. По мере того как хинди, являющийся одним из государственных языков Индии (наряду с английским), и другие новоиндийские языки (бенгали, маратхи, гуджарати, панджаби) выступают в новых функциях, возрастает роль санскрита как постоянного источника пополнения словаря. Поскольку санскрит используется в качестве резервуара, из которого черпает новые слова большинство современных индоарийских языков, его роль в современной Индии заключается и в том, что он служит основным связующим звеном, объединяющим языки, территориально и структурно разошедшиеся.

Санскрит выступал как начало, объединяющее Индию в пространстве, на всем протяжении индийской истории. Вместе с тем благодаря санскриту, объединяющему Индию и во времени, древнеиндийский культурный комплекс, зафиксированный в памятниках санскрита, в равной степени является достоянием современной Индии. Санскрит не только одно из средств объединения Индии в пространстве и времени, но и символ индийской культуры. Как и санскрит, индийская культура очень емка по отношению к фактам различных эпох и различных религиозно-исторических структур и не разграничивает их во времени. Это известное безразличие к хронологическим отношениям и к дискретности времени обнаруживается и в позднем появлении историографии в Индии, зачастую не разграничивавшей мифа и истории, и в древнеиндийской литературе (особенно в театре с характерными для него кинематографическими сдвигами во времени, выступающими иногда и в прозаиче-

ских повествованиях), и в индийском танце, тяготеющем к обобщенному устойчивому типу, а не к индивидуальному (в отличие от европейского танца, основанного на быстрой смене последовательных состояний во времени), и в сходных чертах изобразительного искусства. Рассмотрение системы языка, в частности санскрита, вне времени составляет отличительную черту древнеиндийского языкознания, сближающего его с некоторыми современными теориями языка. Особенно отчетливо такое понимание времени выражается в ряде религиозных и философских концепций, отрицающих развитие во времени на том основании, что все элементы будущего даны заранее и тем самым исключена возможность случайных изменений, — это прямо противоположно вероятностной картине времени в современной науке. Такие представления о неподвижном инварианте лежат в основе учений о перевоплощениях, которые были необычайно популярными на всем протяжении истории индийской религии. Указанные черты можно связать и с особым темпом развития, характерным как для истории Индии и ее культуры, так и для истории санскрита.

Символическая роль санскрита по отношению к индийской культуре в известной степени соответствует и его роли по отношению к структуре индийского общества. Он является не только мерой социальной дифференцированности общества, но и мерой степени социальной организованности этого общества. Об этом свидетельствует, с одной стороны, его использование высшими кастами, с другой стороны, — его роль как объединяющего начала. Самое понятие Индии едва ли мыслимо вне санскрита, объединяющего и символизирующего единство индийской культуры и индийской истории на протяжении нескольких тысячелетий.

Указанные особенности санскрита выделяют его из числа других великих языков мира и обуславливают уникальную значимость санскрита для теоретического исследования таких проблем, как язык и время, язык и культура, язык и общество, соотношение языка литературы и разговорных диалектов, смешение языков, проблема искусственного языка и вопрос о возможности сосуществования родственных языков, находящихся на разных стадиях развития. Это делает исследование санскрита чрезвычайно важной задачей общего языкознания.

Памятники санскрита

Древнейшими памятниками индийской литературы являются «Веды», которые, строго говоря, сложены не на санскрите, но оказали огромное влияние на санскритскую литературу и в известной мере оказались позднее в нее включенными. Поэтому обзор этой литературы целесообразно начать с «Вед». Собственно, к «Ведам» относятся четыре больших сборника гимнов («Ригведа»), молитв («Самaveda», повторяющая в основном тексты «Ригведы»), жертвенных формул («Яджурведа», представленная двумя отличающимися друг от друга текстами) и заклинаний («Атхрaveda»).

Самый старый и наиболее значительный по своему содержанию, по кругу идей и по ценности сообщаемых данных сборник — «Ригведа» состоит из 1028 гимнов, разделенных на 10 мандал (циклов). Не все мандалы «Ригведы» были созданы в одно время; древнейшей частью этого памятника можно считать фамильные гимны (II—VII мандалы). Основной пафос «Ригведы» — в обращении в высокопоэтической форме к богам — Агни, Индре, Митре, Варуне, Соми и другим, в восхвалении сил природы. Боги приглашаются для участия в жертвенных возлияниях; к ним обращены просьбы о награде певцам и каре врагам. Кроме частей собственно религиозного характера, в «Ригведе» содержится ряд гимнов о происхождении мира, отрывки, в которых можно видеть намеки на реальные исторические события, и сцены, рисующие картины повседневной жизни, например, замечательный по психологической глубине и поэтическому одушевлению гимн об игроке в кости (мандала X, гимн 34). «Ригведа» — неоценимый источник сведений о философских и религиозных представлениях древних индийцев: она позволяет в какой-то степени проникнуть в древнеиндийский способ моделирования окружающего мира и выделить в его эволюции различные этапы, начиная от общеарийского и вплоть до более развитых концепций, связывающих «Ригведу» с последующими этапами в развитии индийской философской и религиозной мысли. Особенности содержания «Ригведы» объясняют стиль и язык этого памятника, в значительной степени обусловившие и поэтику более поздних вед: обилие эпитетов, высокая степень метафоричности, эллиптичность и лаконизм в одних случаях и перегруженность образов и цветистость в других, многочисленность намеков и слов, употребленных символически (благодаря чему в равной мере возможны и правильны

различные понимания одного и того же отрывка), своеобразие в употреблении глагольных форм, выражающих главным образом модальные категории, а не временные.

Из других, позднейших вед наиболее важным и интересным памятником является «Атхарваведа», сильно отличающаяся от остальных вед по своему содержанию. «Атхарваведа» представляет собой источник первостепенного значения для исследования народных верований, отраженных в заклинаниях против врагов, демонов, болезней, змей и т. п., для выявления деталей усвоения ведийской религии другими народами, так как «Атхарваведа», по-видимому, явилась результатом компромисса между воззрениями арийцев и представлениями неарийских обитателей Индии.

К ведам теснейшим образом примыкают брахманы, в которых объяснялись взаимные отношения ведийских текстов, ритуальные подробности, их символический смысл. Иногда брахманы не ограничиваются комментированием ведийских текстов, но и содержат вводные мифы, рассказы, легенды, например, в Шатапатха-брахмане излагается предание о потопе и легенда о нимфе Урваши, получившая известность в последующей санскритской литературе. Период создания брахман отражает начало кризиса ведийской религии, когда содержание ведийских текстов и самый язык их становились часто непонятными, что и послужило причиной возникновения этих комментариев. Не случайно, что брахманы написаны на ведийском санскрите, отличающемся от языка собственно вед.

Конец ведийского периода (веданта «конец вед») и начало нового религиозно-философского направления связаны с составлением Упанишад — философских трактатов, повлиявших на формирование позднейших учений, не только индуистских, но даже и буддийских. К последнему периоду ведийской санскритской литературы относится также создание араньяк — книг о правилах поведения отшельников — и сутр, в которых, кроме религиозных вопросов, рассматриваются проблемы права, языка (фонетики, грамматики, этимологии), метрики и астрономии. Эти трактаты, составленные во второй половине I тысячелетия до н. э., примыкают к позднейшей обширной религиозной и научной литературе на классическом санскрите.

Ко второй половине I тысячелетия до н. э. относится создание двух великих эпических поэм и примыкающей к ним литературы. «Махабхарата» состоит из ста тысяч строф и является одной из самых больших эпических поэм в мировой литературе. На ее основной сюжет, связан-

ный с историей вражды двух родов, нанизаны многочисленные вставные эпизоды. Иные из этих вставных рассказов, описывающие мир человеческих чувств, получили широкий отклик в европейской поэзии нового времени. Таковы, например, история Савитри, самоотверженная любовь которой побеждает все трудности, и повествование о злоключениях Наля и Дамайшти. Некоторые части «Махабхараты» по существу являются совершенно самостоятельным философско-религиозными трактатами. Так, входящая в эту поэму «Бхагавадгита» представляет собой основную священную книгу индуизма. С основным содержанием «Махабхараты» теснее связаны повествования о воинских подвигах, в которых можно видеть иногда намеки на реальные исторические события. Эти эпизоды напоминают жанр пуран, в которых в мифологической форме рассказывалось о событиях прошлого. Разнообразие содержания частей «Махабхараты» делает этот памятник энциклопедическим собранием сведений о древнеиндийской жизни того времени, сопоставимым не с отдельными произведениями, а с целыми литературами других народов.

По содержанию, стилю и размеру от «Махабхараты» существенно отличается вторая поэма на эпическом санскрите — «Рамаяна». Основу сюжета поэмы составляет история любви легендарного царя Рамы, а также многочисленных подвигов, которые он совершает, чтобы вызволить свою возлюбленную Ситу, похищенную демоном Раваной. Поэма в композиционном отношении является значительно более цельной, чем «Махабхарата», и в этом отношении напоминает скорее отдельные ее эпизоды. Лирическому характеру «Рамаяны» соответствует ее изощренный и местами искусственный стиль, предвосхищающий последующую ученую поэзию кавья (*kāvya*) на классическом санскрите. «Рамаяну» часто называют первым из произведений стиля кавья (*ādikāvya* 'начало кавья'). В «Махабхарате» и «Рамаяне» можно видеть переработку народных преданий, восходящих к разным эпохам. Древнейшие из них некоторые ученые возводят к периоду греко-арийского диалектного единства; так объясняется сходство отдельных сюжетных мотивов «Махабхараты» и гомеровского эпоса. Вместе с тем, многие мотивы санскритских эпических поэм могут быть сопоставлены с легендами, бытовавшими в доарийском фольклоре Индии. Например, легенду о Нале связывают с преданиями, отраженными в устной традиции дравидских народов и племен мунда. Обе эти эпические поэмы были самыми популярными литературными произведениями на

всем протяжении истории Индии. На основе переработки мотивов этих поэм вырастает целая литература на санскрите и новоиндийских языках. Так, к лучшим образцам этой литературы относится поэма Тулси Даса на хинди, созданная на основе «Рамаяны». Переработка «Махабхараты» и «Рамаяны» составила целый этап в первоначальном развитии ряда литератур Юго-Восточной Азии.

К основным памятникам эпического санскрита примыкают многочисленные тексты, относящиеся к жанрам пурана, тантра (вид религиозных поучений) и смрити (*smṛti*) — правовые своды.

Основную массу санскритских памятников составляют чрезвычайно разнообразные в жанровом отношении тексты на классическом санскрите, охватывающие очень большой промежуток времени — от Панини до наших дней. Рассвет художественной литературы на классическом санскрите относится к I тысячелетию н. э. В это время создаются основные памятники классической санскритской повествовательной литературы, в первую очередь прославившиеся на весь мир сборники рассказов. Корни этих рассказов и назидательных басен уходят в арийскую древность, а иногда могут быть связаны с доарийским культурным наследием. Хотя литературное оформление этого жанра и его осознание как особого вида литературы относится к сравнительно более поздней эпохе, можно предполагать, что он был подготовлен длительной традицией индийских народных преданий, позднее перенесенных в другую социальную среду. О такой преемственности свидетельствует сопоставление классических санскритских басен и рассказов, в частности рассказов о животных, с отдельными мотивами, присутствующими в эпических санскритских текстах, например, в «Махабхарате» и смрити, в брахманической прозе (отчасти и в самих «Ведах», хотя сакральный характер этих текстов не позволяет ожидать в них непосредственного отражения народных преданий) и даже в мифах доарийского населения городов долины Инда в той мере, в какой их можно восстанавливать на основании изображений животных на печатях, найденных в этих городах. На эту общеиндийскую фольклорную основу в дальнейшем наслаивались различные культурные влияния, в зависимости от которых преобразовывался и самый жанр назидательных сказок. В самом раннем из хорошо известных циклов рассказов на пали и на классическом санскрите — буддийских джатаках — определяющим было влияние буддизма. Основу этих рассказов, соединяющих в себе элементы полуфантастических

преданий с отзвуками реальных исторических событий, составляет учение о перевоплощениях Будды, заимствованное из религии и философии буддизма. В джатаках перевоплощения Будды, составляющие содержание отдельных рассказов, служат и композиционным средством объединения всего цикла. В дальнейшем развитии древнеиндийского жанра сборников рассказов композиционные средства объединения отдельных рассказов сборника становились все более формальными, превращаясь в чисто технический прием обрамления. Это можно связать с присущей литературе на классическом санскрите тенденцией к эстетизации форм, иногда терявших первоначальное символическое значение.

Самый замечательный образец этого жанра — сборник рассказов из пяти книг «Панчатантра». По своим первоначальным задачам этот сборник примыкал к весьма распространенным в Индии назиданиям для правителей. Одним из источников, которым пользовался составитель «Панчатантры», был трактат о государственной мудрости («А р т х а ш а с т р а»), написанный, по преданию, Ка у т и л ь е й, советником царя Чандрагупты. Образ этого советника царя был выведен в позднейшей санскритской пьесе «М у д р а р а к ш а с а», что еще раз подтверждает его широкую известность. Нравоучительная цель «Панчатантры» заключалась в том, чтобы преподать правителям правила достижения житейской выгоды (а р т х а), входившие вместе с изучением нравственного закона (дх ар ма) и науки любви (ка ма) в число предметов, обязательных для государственных деятелей. Этой цели подчинены многочисленные назидательные притчи, включенные в «Панчатантру», стихотворные афоризмы, формулирующие правила житейской мудрости, и, наконец, наглядная картина общественной жизни, данная в сборнике либо в басенной форме, либо в виде реалистических зарисовок житейских сцен.

Именно занимательность и живость этих рассказов в большей мере, чем их назидательный смысл, определили успех «Панчатантры» в Индии и за ее пределами. В рассказах «Панчатантры» читателя (и слушателя) привлекали бытовые описания жизни представителей разных профессий и каст, в том числе и высших, часто имеющие вид анекдотического рассказа, сцены семейной жизни, изображение женской неверности и коварства, картины политической и военной деятельности с элементами сатирического их изображения, иносказательные рассказы о животных, почерпнутые из фольклора, отражение народных преданий и верований, определяющее причудливую смесь реального и

фантастического. Столь разнообразное и всестороннее изображение индийской действительности делается возможным благодаря очень емкой композиции сборника, нанизывающего на обрамляющий рассказ множество вставных новелл, которые в свою очередь могли служить для обрамления новых вставных рассказов. В соответствии с традицией, восходящей еще к ведийской прозе, прозаические повествования вводятся краткими стихотворными отрывками, смысл которых раскрывается в последующих рассказах. Сборник в целом характеризуется общедоступностью и доходчивостью, несмотря на использование некоторых искусственных стилистических приемов, присущих всей литературе на классическом санскрите.

«Панчатантра» существовала в нескольких редакциях, из которых первоначальная может датироваться III—IV вв. н. э.; одна из наиболее популярных поздних версий относится к XII в. Литература этого рода насчитывает целый ряд сборников, по своему строению очень близких к «Панчатантре». Из этих сборников широкое распространение получили такие, как «Хитопадеша», созданная на основе одной из редакций «Панчатантры» и соперничающая с ней по известности в ряде областей Индии, «Двадцать пять рассказов Веталы», «Семьдесят рассказов по пугая», «Викрамачарита» и др.

Все эти сборники получили распространение и в сопредельных странах. Особенно удивительная судьба выпала на долю «Панчатантры», проникшей через посредство пехлевийского и арабского переводов в страны Ближнего Востока, а позднее — через посредство греческого перевода — в страны Восточной Европы, в том числе на Русь, а через древнееврейский и латинский переводы — в Западную Европу, где она оказала значительное влияние на средневековую новеллистическую литературу. В то же время «Панчатантра» распространялась и на юго-востоке Азии, и в Центральной Азии, в частности в монгольской литературе. Она была переведена более чем на 60 языков и известна более чем в 200 вариантах. Любопытно, что буддийские джатаки вместе с влиянием буддизма проникали в литературу Японии и Китая и, взаимодействуя с исконными китайскими жанрами повествования, привели к возникновению нового специфического типа рассказов.

С жанром сборников рассказов связан позднее оформляющийся жанр прозаических сочинений, который обычно называют древнеиндийским романом. К сборникам рассказов еще очень близок один из шедевров классического санск-

ритского романа—«Дашакумарачарита» («Похождения десяти юношей»), автором которого был Дандин (начало второй половины I тысячелетия н. э.). Роман Дандина представляет собой соединение нескольких относительно независимых повестей, каждая из которых в свою очередь содержит вставные новеллы; оформление отдельных повестей довольно случайно. Но в отличие от сборников рассказов, «Дашакумарачарита» в какой-то мере является целостным произведением, так как сквозь всю книгу, несмотря на многочисленные отклонения, проходят одни и те же герои. Их судьбы и определяют обрамляющий сюжет романа: в нем повествуется о том, как сын изгнанного царя Магадхи вместе с девятью своими сверстниками после разнообразных походов и подвигов помогает своему отцу вернуться на престол, а позднее сам становится царем. Но роман интересен не столько этим сюжетом, сколько описанием жизни различных кругов индийского общества—от отшельников до гетер, их соблазняющих. Изображение низов городского населения позволяет сблизить это произведение с позднейшим европейским плутовским романом, а игривость многих сцен вызывает в памяти «Декамерон» Боккаччо. Стиль романа отличается крайней вычурностью, цветистостью образов и использованием звукописи. Эти черты романа позволяют отнести его к произведениям стиля кавья. Любопытно, что Дандину принадлежит трактат «Кавьядарша» («Зерцало поэзии»), излагающий принципы кавья, рецепты, которым должен следовать поэт, и основные требования, к нему предъявляемые—прирожденная фантазия, приобретенная ученость и трудолюбие.

Другими известными авторами классических санскритских романов были жившие в VII в. н. э. Субандху и Бана. Субандху принадлежит роман «Васавадатта», где рассказывается о принце Кандарпакету и о влюбившейся в него принцессе Васавадатте, которая увидела его впервые во сне. Роман Субандху отличается изобилием волшебных превращений и чудес, случающихся с героями. Бана был автором романизированной исторической хроники «Харша-чарита»—повествование о царе Харше, придворным жизнеописателем которого был Бана, и фантастического романа «Кадамбари». К классическому санскритскому роману примыкают произведения жанра чампу (*campū*), характеризующиеся чередованием прозы и стихов, продолжавшим давнюю индийскую традицию.

Из всех жанров древнеиндийской художественной литературы особенно выделяется драматический. Его истоки

лежат в древнеиндийском ритуале, в диалогических частях вед и брахман, в драматизированных эпизодах «Махабхараты». Некоторые данные истолковывались ранее как свидетельство возникновения индийской драматургии (как и древнеиндийского романа) под влиянием греческой литературы; однако открытия последнего времени делают эту гипотезу менее вероятной. В начале XX в. стали известны древнейшие образцы индийской драматургии: не только фрагменты буддийской драмы Ашвагхоши, обнаруженные при раскопках в Центральной Азии, но и 13 пьес Бхасы, которого санскритская литературная традиция называет предшественником других индийских драматургов. Значительная часть пьес Бхасы представляет собой драматическое переложение отдельных эпизодов эпических санскритских поэм. В свою очередь некоторые другие пьесы Бхасы были использованы в последующей индийской литературе. Так, драма «Бедный Чарудатта» послужила источником для одной из известнейших индийских пьес — «Мрччхатика» («Глиняная повозка»), приписываемой Шудраке. «Глиняная повозка» отличается от других индийских драматических произведений своим подчеркнуто реалистическим характером, что сказывается в описании жизненных обстоятельств, препятствующих счастью обедневшего брахмана и гетеры, в сатирическом изображении родственника царя, в использовании темы дворцового переворота, обычно избегавшейся древнеиндийским театром, и в самом необычном названии пьесы.

Крупнейшим драматургом Индии, широко известным и в Европе в новое время, был Калидаса (около середины I тысячелетия н. э.). Всемирной славой пользуется его драма «Шакунтала». В ней автору удалось, не нарушая основ индийской театральной традиции, преодолеть искусственность канонов, которые предписывались теоретиками драматургии. Изображение психологии героини, ее зарождающейся страсти и отчаяния при мысли о том, что она забыта любимым, поднимается над схематичностью, присущей многим другим индийским пьесам, и достигает общечеловеческой ценности. Калидасе свойственна высшая степень свободы в обращении с материалом, заимствованным из индийского эпоса. Лирическому раскрытию души Шакунталы не препятствуют подробности, отвлекающие внимание зрителя в иных индийских драмах. Основная линия действия проходит через всю драму, не разбиваясь на отдельные русла, как это мы видим, например, у Шудраки.

Калидасе принадлежат также две другие пьесы: «Мала-

вика и Агнимитра», написанная в изысканном стиле и обращенная, вероятно, к придворной аудитории, и «Урваши, добытая мужеством», представляющая собой один из сюжетов, встречающийся в брахманах и сопоставимый с другими рассказами о любви смертного и небожительницы в античной литературе и в других литературах мира. Драматическая традиция продолжалась и после Калидасы вплоть до начала II тысячелетия до н. э., но ни одно из последующих произведений, несмотря на их достоинства, не достигало столь высокого уровня.

Древнеиндийскому театру был присущ ряд специфических особенностей: большая условность размещения событий в пространстве и времени, отсутствие декораций, использование в одной и той же пьесе наряду с классическим санскритом целого ряда среднеиндийских диалектов для характеристики социального положения персонажей. Вместе с тем древнеиндийская драматургия не знала тех ограничений, которые существовали в древнегреческом театре и были унаследованы римским и европейским; в частности древнеиндийские драмы не соблюдают принципа традиционных единств. Среди нововведений индийского театра исследователи отмечают использование пролога для установления связей с публикой, появление роли шута (у Калидасы), сопоставляемое с приемами Шекспира, и другие черты, интересные для сравнения с драматургией нового времени.

Поэзия на классическом санскрите охватывает не только поэмы, но и сборники лирических стихотворений и стихотворных афоризмов, а также написанные в метрической форме разнообразные научные, политические и юридические сочинения. К началу нашей эры относятся две известные поэмы Ашвагхоши: «Буддха чарита» («Жизнеописание Будды»), из санскритского оригинала которой до нас дошли лишь 13 песен, тогда как полный текст, состоящий из 28 песен, известен только по тибетскому и китайскому переложениям, и найденная в начале XX в. «Саундара нанда», повествующая о том, как Будда обратил в последователя созданного им учения Нанду, своего двоюродного брата (согласно традиции, сам Ашвагхоша был брахманом, позднее ставшим буддистом). Стиль Ашвагхоши, близкий к поэзии кавья, обнаруживает черты, связывающие его со стилем «Рамаяны». Из школы Ашвагхоши вышел Арьяшура, автор знаменитой «Гирлянды джатак». Другие буддийские поэтические тексты, не входящие в канон,—такие, как стихотворные части сочинений

Махавасту», «Лалитавистара», «Дивьявадана», получивших широкое распространение в Центральной Азии, — с большим основанием могут считаться памятниками буддийского гибридного, а не классического санскрита.

Поэзия на классическом санскрите достигает расцвета в творчестве Калидасы, который был не только величайшим драматургом Индии, но и автором трех известнейших поэм: «Рагхуванша», «Кумарасамбхава» и «Мегахадута». В поэме «Рагхуванша» излагается история рода Рагху, ведущего свою родословную от первого человека — Ману. Существенное место в поэме занимает описание подвигов принадлежащего к этому роду Рамы; поэтому большую часть поэмы составляет переложение содержания «Рамаяны». В этом отношении «Рагхуванша» разделяет одну из наиболее характерных черт всей художественной литературы на классическом санскрите, которая в значительной мере представляет собой вариации на темы эпизодов санскритских эпических поэм. К эпическим санскритским поэмам восходит и сюжет второй поэмы Калидасы — «Кумарасамбхавы» («Рождение Кумары»), где влияние «Рамаяны» сказывается и в картинах природы и в описаниях человеческих страстей. Здесь, как и в драматургии Калидасы, сквозь риторическую условность, присущую санскритской литературе, пробивается живая струя поэзии. Эти черты творчества Калидасы лучше всего раскрываются в лирической поэме «Мегахадута» («Облако-вестник»). В ней повествуется о том, как полубог Якша, изгнанный из волшебного царства, просит пронсящее мимо облако передать его любимой слова грусти и утешения. Путь облака-вестника становится предлогом для развертывания целой серии картин индийской природы. В описаниях родины Якши — волшебного царства Куберы некоторые исследователи видят изображение столицы царства династии Гупта, период правления которой был временем наивысшего расцвета индийского искусства и литературы. «Мегахадута», являющаяся лучшей лирической санскритской поэмой, заслужила, как и две другие поэмы Калидасы, название «великая поэзия» (*mahākāvya*).

Особым жанром индийской поэзии являются сборники стихотворных афоризмов на темы любви, отличающиеся детальным изображением разных стадий любви и радостей, с нею связанных. Среди этих сборников наиболее известны сочинения Амару «Амарушатака» («Сто строф Амару») и аналогичный сборник, принадлежащий перу Бхартхархи. Опорой этого поэтического жанра был трактат о

любви «Камасутра», окончательная редакция которого была осуществлена Ватсьяяной. Этот трактат и другие аналогичные сочинения о науке любви (камашастра) оказали влияние на многие произведения санскритской художественной литературы (с этим можно было бы сопоставить влияние психоанализа на европейскую литературу).

Черты, общие со сборниками стихов о любви, обнаруживает самое выдающееся произведение позднего периода истории классической санскритской поэзии — поэма в диалогической форме «Гитаговинда» бенгальского поэта Джаядевы (конец XII в.). Диалоги этой поэмы, изображающие чувства Кришны и его возлюбленной Радхи, отличаются изощренностью формального построения, использующего рифму (что необычно для санскритской поэзии), рефрен, меняющийся ритм чередования коротких слов со сложными, часто очень длинными.

Увлечение формальными ухищрениями, звукописью, игрой слов, приемами, дающими возможность двоякого деления и толкования текста, определяет характер поздней санскритской поэзии. В этом отношении особенно показательна поэма «Рагхавапандавия», принадлежавшая Кавирадже (конец XII в.). В этой поэме автор с помощью различных формальных средств достигает того, что один и тот же текст можно понимать либо как переложение эпизодов «Махабхараты», либо как пересказ «Рамаяны».

Теоретической основой и обобщением литературной практики авторов, писавших на классическом санскрите, были многочисленные трактаты о поэтике. Древнеиндийские поэтики испытали на себе влияние других отраслей знания: камашастры, философии, логики, грамматики и риторики. Самые ранние трактаты по теории искусства относятся к драматургии. Трактат Бхараты «Натьяшастра» («Учение о театральном искусстве») охватывает широкий круг тем, связанных с театром; отдельные части этого трактата посвящены строению театра, танцу и пантомиме, прологу, чувствам зрителей, стихотворным размерам и стилистическим украшениям, диалектам, используемым в драматургии, способам обращения, интонациям, десяти типам драматической композиции, театральному действию, драматическим жанрам, костюмам, гриму, характерам, распределению ролей и актерам, сценическому представлению, музыке и пению. Значение, которое придавалось театру в этом трактате и в ряде последующих, объясняется исключительной ролью театра в древней Индии как синкретического искусства, связь которого со зрителем пото-

му была особенно непосредственной, что зрителям заранее были известны почерпнутые из общеиндийского наследия сюжеты и символика, и поэтому их внимание было обращено на детали сценического воплощения.

Идеи трактатов о драматургии, относящиеся к поэтической форме и ее воздействию, были развиты в поэтиках, из которых наиболее известны сочинения «Кавьяланкара» («Поэтические украшения») Бхамахи, «Кавьядарша» («Зерцало поэзии») Дандина, о котором говорилось выше, трактаты по поэтике Ваманы и Анандавардханы (IX в.). Трактат Анандавардханы «Дхваньялока», в свою очередь являющийся комментарием к более раннему трактату по поэтике, имеет особое значение для понимания индийского представления о поэзии. Этот трактат, который обобщал результаты предшествующих и превосходил их глубиной и оригинальностью изложения, послужил основным источником для ознакомления Европы с индийскими теориями поэзии.

Важнейшие индийские теории поэзии связаны с понятиями *раса* (настроение, вызываемое у читателя или слушателя), *рити* (стиль, отличающий поэтические произведения от других видов литературы), *аланкара* (система поэтических образов и украшений) и *дхвани*. Термин «дхвани» («отзвук») обозначает внутреннюю сущность, которая в подлинных поэтических произведениях должна обнаруживаться за внешними символическими проявлениями. Дхвани обозначает скрытый смысл поэтического произведения, который индийские поэтики противопоставляли не только прямому, но и переносному. Теория дхвани объясняет, почему в Индии особенно ценились произведения, содержавшие намек на тайный смысл, неявно в них выраженный. Древнеиндийские поэтики разработали подробную классификацию видов дхвани. Теория дхвани созвучна, с одной стороны, некоторым новейшим учениям о символе, с другой — классическим китайским теориям поэзии.

Возникновение целого комплекса филологических дисциплин было вызвано необходимостью толкования ведийских памятников, сохранения чистоты языка в условиях непрерывной устной передачи текстов и необходимостью защиты их от воздействия других языковых систем, наконец, — искусственностью самого санскрита. С этой целью создавались, с одной стороны, комментарии, относящиеся к содержанию текста и предвосхищавшие последующие религиозные и философские исследования, а с другой — дисциплины, изучавшие формальную сторону текста. К ним

относятся трактаты по поэтике, метрике, фонетике, лексике, этимологии и грамматике. Практической важностью этих задач объясняется чрезвычайно интенсивное развитие языкознания в древней Индии, не имеющее прецедента в истории древних цивилизаций.

Индийские авторы разработали очень точную классификацию звуков по артикуляционным признакам, повлиявшую уже в древности на фонетические исследования в Китае и других странах Востока, а в новое время оказавшую воздействие на европейскую и американскую науку о языке. Точность древнеиндийских описаний звуков санскрита и их взаимных отношений позволяет сейчас в гораздо более полной степени представить себе конкретные фонетические подробности древнеиндийского произношения, чем это возможно по отношению к любым другим древним языкам.

В области лексикографии индийскими учеными были собраны очень богатые материалы, вошедшие в обширные словари, где слова были размещены по смысловым сферам. Наиболее известным из них был «Амаракоса» («Словарь Амара»), приписываемый Амару (середина I тысячелетия н. э.). Существовали также специальные словари терминов, относящихся к разным областям знания (астрономии, медицине, ботанике). Но если в описании языка индийские ученые стояли на очень высоком уровне, то в попытках такого объяснения фактов языка, которое по существу требовало бы использования исторических методов, они постоянно терпели неудачу. Свидетельством этому являются сборники этимологий, большей частью фантастических. Возникновение этих сборников объяснялось не стремлением выяснить историю слов, а желанием дать формальный комментарий к тексту. Такие сборники этимологий, как «Нирукта» Яски (первая половина I тысячелетия н. э.), образуют переходное звено между архаичной прозой и лингвистическими комментариями бхашья.

Древнейший известный нам грамматический трактат «Аштадхьяи» («Восьмикнижие») Панини предполагает существование развитой предшествующей грамматической традиции. Грамматика Панини представляет собой исчерпывающее полное описание санскрита в предельно сжатой форме — в четырех тысячах правил, которые чаще всего состоят лишь из нескольких слогов. Это достигается применением строго формального анализа языка и изложением его результатов на особом символическом языке, в ряде случаев напоминающем математические формулы. К числу важней-

ших достижений Панини, предвосхищавших открытия новейшей структурной лингвистики, относится понимание языка как системы и связанное с этим описание морфологического использования фонетических чередований, исследование фонетических сигналов границы морфемы и слова, введение понятия нулевой морфемы.

Панини имел многочисленных последователей и продолжателей, хотя были и другие грамматические школы. Среди его последователей выделяется Патанджали, автор сочинения «Махабхашья» («Большой комментарий»). В этом трактате, в отличие от Панини, излагавшего только результаты своего исследования, освещаются вопросы общей теории языка (значение грамматики, разграничение грамматического и естественного рода, природа слова, языковое употребление и принципы, лежащие в основе грамматики Панини, в частности методы замещения одного элемента текста другим и разграничение исследуемого языка и языка, на котором излагаются результаты исследования). Сходные теоретические проблемы рассматривались и в сочинениях по философии языка. Использование языка как способа познания действительности и магическая сила слова (*vāk*) привлекали к себе внимание индийских мыслителей уже с ведийского времени. Специально вопросы философии языка рассматривались в некоторых позднейших философских школах. Из авторов, писавших по этим вопросам, особенно известен Бхартрхари, упоминавшийся выше в связи с его стихами о любви. Значительный интерес представляют мысли Бхартрхари о предложении, которое он считал первично данным в отличие от слова, являющегося абстрактным результатом анализа предложения. Определению предложения уделялось большое внимание в философской школе миманса. Одно из предложенных определений предусматривало и отсутствие ожидания других слов вне предложения как признак его законченности. Эта идея, как и ряд других, находит опору в современном вероятностном понимании языка.

Важнейшей теорией в древнеиндийской философии языка было учение о спхота, во многом параллельное представлению о дхвани в поэтике. Под спхота понималась неизменная внутренняя сущность, лежащая за внешними языковыми проявлениями и в отличие от них не имеющая длительности во времени. Так, по отношению к звукам языка спхота может рассматриваться как единица, подобная фонеме в современных лингвистических учениях. Спхота как структурная единица языка, а не речи, может

быть выявлена и применительно к другим уровням языковой системы.

Позднейшие индийские грамматические трактаты отличаются все увеличивающимся формализмом и искусственностью, что находит соответствие в аналогичных процессах, происходивших в санскритской поэзии и древнеиндийской культуре в целом, а также и в самом санскрите.

Санскрит — основной язык индийской философии. На нем написаны основные произведения всех систем, признающих авторитет «Вед»: ньяя («Ньяясутра» Готамы), вайшешика («Вайшешикасутра» Канады), санкхья («Санкхьясутра» Капилы), йога («Йогасутра» или «Патанджаласутра» с комментариями Вьясы), миманса («Сутра» Джаймини), веданта («Брахмасутра» Бадараяны и многочисленные комментарии, из которых следует выделить труды Шанкары). Даже те религии, которые первоначально для проповеди использовали другие среднеиндийские языки, по мере превращения в формальные философские системы начинали пользоваться санскритом. Так возникла джайнская и буддийская философская литература на санскрите. Особо следует отметить трактаты великих буддийских логиков VI—VII вв. н. э. Дигнаги и Дхармакирти, занимавшихся проблемой источников познания и в связи с этим логическим анализом языка и системы понятий как языковой системы (это напоминает аналогичную постановку вопроса в современной логической семантике). Оригиналы этих трактатов были написаны на классическом санскрите, но позднее были переведены на другие языки Центральной Азии и в значительной мере сохранились только в этих переводах, как и вообще большая часть санскритской буддийской литературы.

Для исследования истории индийского общества большую ценность имеют сочинения на классическом санскрите, относящиеся к праву и политике. К жанру смрити относятся «Манусмрити» («Законы Ману»), изложенные в метрической форме и фиксирующие правовые нормы, которые господствовали в древнеиндийском обществе и в ряде случаев продолжают действовать и по сей день. Из позднейших сводов законов особенно известен «Яджнявалкьясмрити». Для изучения древнеиндийских политических концепций значительный интерес представляет сочинение «Артхашастра», приписываемое Каутилье. Эта книга, излагающая наставления правителям, дает довольно полное представление о различных областях государственной и общественной деятельности.

Обширная научная литература на санскрите охватывает также различные области медицины, тщательно изучавшейся в древней Индии (в том числе трактаты по физиологии, анатомии, эмбриологии, по ветеринарному искусству), химии, математике и астрономии. Две последние дисциплины получили большое развитие в древней Индии, особенно в трудах Арьябхаты, повлиявших на последующее развитие математики в Индии и за ее пределами.

Из достижений древнеиндийской математики следует отметить введение числа, соответствующего π , изобретение десятичной системы исчисления, которая позднее через посредство арабской науки проникла в Европу, где получила название «арабской», установление методов построения больших чисел, незнакомых античной математике, и введение нуля. Любопытно, что к необходимости введения понятия нуля и нулевой формы раньше всего пришли древнеиндийские теоретики языка, объяснявшие его введение требованиями системы, а позднее к сходным мыслям пришли индийские математики. В этом, как и во многих других случаях, сказывается структурное единство индийской культуры, охватывавшее сферы языка, науки и искусства.

ГРАФИКА И ФОНЕТИКА

Большинство древнеиндийских текстов (ведийские, памятники эпического санскрита, грамматика Панини и ряд других сочинений на классическом санскрите) дошло до нас в очень поздней записи, которая на много веков, а иногда и на тысячелетия, отстоит от времени их создания, так как первоначально эти тексты передавались лишь устно. Это обстоятельство чрезвычайно затрудняет определение их хронологии.

Древнейшие известные нам памятники индийского письма — надписи царя Ашоки — относятся к III в. до н. э., но они написаны не на санскрите, а на среднеиндийских диалектах. Письменные тексты на санскрите появляются несколько позднее и ограничены первоначально жанром деловой эпиграфики. Одновременно с этими надписями на классическом санскрите, по-видимому, существовала гораздо более обширная устная санскритская литература, которая лишь постепенно фиксировалась в письменной форме, причем для этого использовались разные виды индийского письма.

Древнейшим видом индийского письма, которое использовалось и для записи санскрита, был брахми. По про-

исхождению брахми скорее всего следует связать с древнесемитской системой письма, хотя многие детали, относящиеся к сопоставлению этих письменностей, неясны и поэтому некоторые ученые выводили брахми из других источников, в частности из нерасшифрованной письменности Мохенджодаро. Структура письма брахми хорошо соответствует фонетическим особенностям индийских языков, для записи которых и был создан брахми. Это можно было бы объяснить знакомством составителей алфавита с достижениями индийской науки о языке в области фонетики. Ориентированность на фонетический состав характерна и для всех других индийских письменностей, как связанных по происхождению с брахми, так и тех, которые явились результатом преобразования других систем письма в соответствии с общеиндийской моделью (ср., например, письмо, употребляющееся уже в самых ранних индийских надписях кхарошти, которое выводят из арамейского, подвергнувшегося позднейшим трансформациям).

Эволюция брахми в разных направлениях привела к возникновению в различных частях Индии, в соответствии с разнообразными влияниями, очень большого числа письменностей, многие из которых использовались для записи санскритских текстов. К числу этих более поздних систем письма относятся кушанское, гупта, нагари и другие, распространенные, как и брахми, не только в Индии, но и в Центральной Азии (к брахми восходят и многие системы письма Юго-Восточной Азии, применявшиеся как для записи туземных языков, так и для записи санскритских текстов).

Позднейшей разновидностью нагари является письмо деванагари, которое возникло в начале II тысячелетия н. э. и постепенно стало основным средством записи санскритских текстов в Индии и особенно в Европе. Роль деванагари в Индии возрастает по мере применения его и для некоторых новоиндийских языков, в частности хинди. В изданиях текстов, в научной и учебной литературе в Индии и в Европе в значительной мере условно принято использовать для письменной фиксации санскрита только деванагари, хотя исторически это мало оправдано. Судьба письменной фиксации санскрита показывает, что этот язык, хотя он и является преимущественно литературным, связан с письменной формой лишь самым внешним образом.

В соответствии с общеиндийской моделью слогового письма деванагари является очень совершенной системой фонетической записи, по точности приближающейся к со-

временным фонетическим транскрипциям. Самое строение алфавита и порядок его знаков соответствует фонетической системе древнеиндийского, в значительной мере сохранившейся и в новоиндийских языках, благодаря чему деванагари можно использовать для записи как санскрита, так и хинди и ряда других новоиндийских языков.

Таблица 1

Алфавит деванагари

Знаки для гласных

अ	<i>a</i>	आ	<i>ā</i>
इ	<i>i</i>	ई	<i>ī</i>
उ	<i>u</i>	ऊ	<i>ū</i>
ऋ	<i>r̥</i>	ॠ	<i>r̄</i>
ऌ	<i>l̥</i>	ॡ	<i>l̄</i>

Знаки для дифтонгов

ए	<i>e</i>	ऐ	<i>āi</i>
ओ	<i>o</i>	औ	<i>āu</i>

Знаки для взрывных согласных

क	<i>ka</i>	ख	<i>kha</i>	ग	<i>ga</i>	घ	<i>gha</i>	ङ	<i>ṅa</i>
च	<i>ca</i>	छ	<i>cha</i>	ज	<i>ja</i>	झ	<i>jha</i>	ञ	<i>ña</i>
ट	<i>ṭa</i>	ठ	<i>ṭha</i>	ड	<i>ḍa</i>	ढ	<i>ḍha</i>	ण	<i>ṇa</i>
त	<i>ta</i>	थ	<i>tha</i>	द	<i>da</i>	ध	<i>dha</i>	न	<i>na</i>
प	<i>pa</i>	फ	<i>pha</i>	ब	<i>ba</i>	भ	<i>bha</i>	म	<i>ma</i>

Знаки для сонантов

य	<i>ya</i>	र	<i>ra</i>	ल	<i>la</i>	व	<i>va</i>
---	-----------	---	-----------	---	-----------	---	-----------

Знаки для глухих сibilантов

श	<i>śa</i>	ष	<i>ṣa</i>	स	<i>sa</i>
---	-----------	---	-----------	---	-----------

Знак для звонкого спиранта

ह	<i>ha</i>
---	-----------

Построение алфавита показано в табл. 1. Он начинается четырнадцатью знаками для гласных. Первые десять глас-

-ных расположены по парам, внутри которых противопоставлены краткие и долгие: *a* (краткое) — *ā* (долгое); *i* — *ī*; *u* — *ū*; *r* (слоговое краткое) — *r̄*; *l* (слоговое краткое) — *l̄* (слоговое долгое, которое лишь потенциально осуществимо и было введено в алфавит лишь для общей симметрии). Далее следуют две пары знаков, каждая из которых объединена по функции соответствующих элементов в морфологических чередованиях: *e* так же чередуется с *āi*, как *o* чередуется с *āu*; *āi* и *āu*, *e* и *o* — дифтонги по происхождению: *āi* и *āu* были долгими дифтонгами, а *e* и *o* восходят к кратким дифтонгам *ai* и *au*, стянувшимся в долгие монофтонги (такое происхождение *e* и *o* обнаруживается в некоторых правилах синтаксической фонетики).

Далее следует тридцать три знака для согласных, разделенных на пересекающиеся фонетические классы. Первые двадцать пять знаков расположены по вертикали в соответствии с пятью признаками обозначаемых звуков, связанными со способом образования, включая назализацию. Пять признаков, связанных с местом артикуляции, делят взрывные согласные на гуттуральные (*k*, *kh*, *g*, *gh* и *ʔ* — в транскрипции иногда *ḳ* или *ḡ*), палатальные (*c*, *ch*, *j*, *jh*, *ñ*), церебральные (*t*, *th*, *ḍ*, *ḍh*, *ṇ*), зубные (*t*, *th*, *d*, *dh*, *n*), губные (*p*, *ph*, *b*, *bh*, *m*). Пять признаков, связанных со способом образования, делят взрывные согласные на глухие непридыхательные (*k*, *c*, *t*, *p*), глухие придыхательные (*kh*, *ch*, *th*, *dh*, *ph*), звонкие непридыхательные (*g*, *j*, *ḍ*, *d*, *b*), звонкие придыхательные (*gh*, *jh*, *ḍh*, *dh*, *bh*), носовые (*ṅ*, *ṇ*, *ṁ*, *m*). Остальные восемь знаков для согласных разделены на три класса только по одному признаку обозначаемых звуков: сонанты (*y*, *r*, *l*, *v*), глухие сибиланты (*ś*, иногда передаваемое в транскрипции посредством *ʃ*; *ʒ*, *s*), звонкий спирант (*h*).

Каждый из тридцати трех знаков для согласных обозначает не один этот согласный звук, а его сочетание с последующим кратким *a*. Для передачи комбинации согласного с другим последующим гласным, отличным от *a*, использовались сочетания знаков для согласных (иногда видоизмененные) с дополнительными значками, обозначавшими другие гласные (см. табл. 2). Особые знаки использовались также для обозначения назализованного гласного (анунастика), а также носового особого типа, появившегося в специальных фонетических условиях (анусвара), и для передачи оглушенного *h* почти исключительно в конце слова (висарга) (см. табл. 2). Для обозначения согласного, за которым не следовал гласный, использовался обычный знак для согласного

го, при котором ставился особый знак (вирама). Из других особых знаков следует упомянуть знак аваграха, использовавшийся для обозначения зияния, знак сокращения повторяющихся частей слова, который использовался в грамматических описаниях и в лексикографии, знаки паузы (см. табл. 2) и знаки для цифр, применение которых было основано на индийском десятичном счете (см. табл. 2). Для записи некоторых текстов, особенно ведийских, иногда использовались также различные системы обозначения ударения, которые свидетельствуют о высокой технике фонетического анализа.

Таблица 2

Примеры передачи сочетаний согласных с гласными

क	<i>ka</i>		का	<i>kā</i>	कि	<i>ki</i>	की	<i>kī</i>
कु	<i>ku</i>		कू	<i>kū</i>	क	<i>kṛ</i>	कृ	<i>kṝ</i>
क्	<i>kḷ</i>	(_२ <i>kḹ</i>)	कै	<i>ke</i>	कै	<i>kai</i>		
को	<i>ko</i>		का	<i>kau</i>				

Особые знаки

анунасика °	°	<i>am</i>
анусвара ·	अं	<i>aṃ</i>
висарга :	अः	<i>aḥ</i>
вирама ,	क्	<i>k</i>
аваграха S	तेऽपि	<i>te'pi</i> < ते अपि <i>te api</i>
знак сокращения ०	अभवम	<i>abhavam</i> ०वस <i>vas</i> (<i>abhavas</i>)
знаки паузы I		II

Цифры

१	२	३	४	५	६	७	८	९	०
1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
					३६१७०	36170			

Примеры лигатур

क्क	<i>kka</i>	क्त	<i>kta</i>	क्त्य	<i>ktya</i>	क्त्र	<i>ktra</i>	क्त्व	<i>kva</i>
क्न	<i>kna</i>	कन	<i>kma</i>	क्य	<i>kya</i>	क्र	<i>kra</i>	क्व	<i>kva</i>
क्ष	<i>kṣa</i>	क्ष	<i>kṣa</i>	क्ष्म	<i>kṣma</i>	क्ष्य	<i>kṣya</i>	क्ष्व	<i>kṣva</i>

Особую проблему индийского слогового письма представляет передача сочетаний согласных с согласными. В принципе такие сочетания передавались посредством лигатур — комбинации характерных частей знака для слога, начинающегося предшествующим согласным, с характерной частью знака для слога, начинающегося последующим согласным; таким способом могли строиться знаки для сочетаний двух, трех и более согласных (см. табл. 2). Сочетавшиеся части знаков, часто подвергавшиеся значительным видоизменениям, могли располагаться либо вертикально, либо в линейной последовательности. Многие из таких комбинаций превращались фактически в самостоятельные графические единицы, которые утрачивали связь с входившими в их состав знаками и становились неразложимыми. Такие лигатуры могут рассматриваться как графические идиомы. Передача сочетаний согласных в индийской графике представляет интерес для теории письма, так как она практически основывается на выделении дифференциальных признаков графем.

Слоговые знаки в письме деванагари, как и в большинстве других индийских систем письма, располагаются в линейной последовательности и читаются слева направо.

Непрерывность фонетического потока находит отражение в непрерывном следовании элементов графической цепи: отдельные слоговые знаки внутри слова и отдельные слова соединяются непрерывной линией. Эта черта индийского письма может быть объяснена не только его фонетическим характером, но и особенностями слова в санскрите, где сложные слова, часто состоящие из очень большого числа элементов, играют значительную роль, иногда аналогичную функциям целой синтагмы. Непрерывность письменного текста создавала различные возможности его членения, что использовалось в стилистических целях в поздней санскритской литературе.

Индийские системы письма, примером которых может служить деванагари, являются одним из наиболее совершенных образцов письменности, основанной на фонетическом принципе.

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Фонологическую систему санскрита целесообразно описывать исходя из противопоставлений фонем по следующим различительным признакам: 1) гласность — негласность (vo-

calic/non-vocalic)¹, 2) согласность — несогласность (consonantal/non-consonantal), 3) компактность — диффузность (compact/diffuse), 4) звонкость — глухость (voiced/voiceless), 5) носовость — ротовость (nasal/oral), 6) прерывность — непрерывность (discontinous/continuant), 7) придыхательность — непридыхательность (checked/unchecked), 8) периферийность — непериферийность (grave/acute), 9) палатальность — непалатальность (sharp/plain). Эта классификация основана на объединении акустических, артикуляционных и перцептивных свойств; дошедшие до нас фонетические описания санскрита заставляют опираться прежде всего на артикуляционные данные.

Противопоставление гласности и негласности основано на наличии или отсутствии вибрации голосовых связок в сочетании со свободным проходом воздушной струи через голосовой тракт. Противопоставление согласности и несогласности предполагает различие между присутствием трения или его отсутствием в голосовом тракте. Эти две пары различительных признаков позволяют выделить четыре класса фонем. Санскритские гласные *a*, *e*, *o* характеризуются признаками гласности и несогласности, гласные *r* слоговое, объединяемое в одну фонетическую единицу с плавным согласным *r*, *l* слоговое, объединяемое в одну фонологическую единицу с плавным согласным *l*, обладают признаками гласности и согласности, тогда как гласные *i* и *u*, объединяемые соответственно с согласными *y* и *v*, можно описать в терминах данной классификации как «глайды» (glides), т. е. класс фонем, обладающих признаками негласности и несогласности. Все остальные фонемы санскрита обладают дифференциальными признаками негласности и согласности.

Противопоставление компактности и диффузности основано на различии в форме и объеме резонирующих полостей, находящихся перед максимальным сужением на пути воздушной струи и сзади этого сужения. По этим признакам можно противопоставить компактную гласную фонему *a* и диффузные фонемы *i* и *u*, тогда как гласные фонемы *e* и *o* являются компактными по отношению к *i* и *u*, но диффузными по отношению к *a*. Сходные различия можно установить между компактными согласными — гуттураль-

¹ В скобках приводятся английские термины, принятые в новейшей фонологической и акустической литературе. Используемые нами русские термины не являются в ряде случаев их точным переводом, но соответствуют им по существу; их выбор отчасти определялся особенностями фонологической системы санскрита.

ными (*k, kh, g, gh*), церебральными (*t, th, d, dh, s*) и палатальными (*c, ch, j, jh*), — с одной стороны, и диффузными согласными — зубными (*t, th, d, dh, s*) и губными (*p, ph, b, bh*) — с другой.

Противопоставление звонкости и глухости, зависящее от наличия или отсутствия периодических колебаний голосовых связок, в санскрите существенно только для смычных согласных фонем, включая аффрикаты. По этому признаку звонкие фонемы *j, jh, g, gh, d, dh, d, dh, b, bh* противопоставляются глухим *c, ch, k, kh, t, th, t, th, p, ph*.

Различение носовости и ртовости основано на добавлении носовой резонирующей полости к другим резонирующим полостям. Этот признак позволяет противопоставить носовые согласные фонемы *n* и *m* и ртовые согласные фонемы *c, ch, j, jh, k, kh, g, gh, t, th, d, dh, t, th, d, dh, p, ph, b, bh*.

Противопоставление непрерывности и прерывности основано на наличии или отсутствии одного или нескольких прерывов при прохождении воздушной струи. В санскрите по этому признаку противопоставляются спиранты *s, ś, ṣ* смычным *k, kh, g, gh, t, th, d, dh, t, th, d, dh, p, ph, b, bh* и аффрикатам *c, ch, j, jh*. Сходным образом непрерывная плавная фонема *l* противопоставляется прерывной плавной фонеме *r*.

Противопоставление придыхательности и непридыхательности связано с наличием или отсутствием дополнительной артикуляции в полости зева или в гортани, одновременной с артикуляцией в полости рта. Различие придыхательных *ch, jh, kh, gh, th, dh, th, dh, ph, bh* и непридыхательных *c, j, k, g, t, d, t, d, p, b* в санскрите могло бы быть истолковано как сходное с различием абруптивов (смычно-гортанных) и неабруптивов (*checked/unchecked*), но вместе с тем оно может быть понято и как различие напряженных и ненапряженных согласных фонем (*tense/lax*). То или иное решение этого вопроса не влияет, однако, на описание фонологической модели санскрита, остающейся одинаковой при любом решении, поскольку в санскрите сфера проявления данных признаков одинакова.

Различие периферийности и непериферийности основано на том, что периферийные фонемы (гуттуральные *k, kh, g, gh*, губные согласные *p, ph, b, bh, m* и лабиализованные *u, o*) имеют более обширный резонатор, чем соответствующие им непериферийные (серединные) фонемы (cereбральные *t, th, d, dh*, зубные *t, th, d, dh, n*, палатальные *c, ch, j, jh* и нелабиализованные *i, e*).

Последняя из существенных для санскрита пар диффе-

ренциальных признаков — палатальность и непалатальность — связана с наличием или отсутствием особой среднеязычной артикуляции, которая приводит к ограничению резонирующей полости рта. По этому признаку различаются палатальные *c, ch, j, jh, ś* и непалатальные согласные фонемы *k, kh, g, gh, t, th, d, dh, p, ph, b, bh, s, ś*.

Каждая фонема санскрита может быть представлена как пучок дифференциальных признаков, взятых из описанного набора, причем каждый из девяти указанных признаков может принимать либо положительное значение (+: гласность, согласность, компактность, звонкость, носовость, непрерывность, придыхательность, периферийность и палатальность), либо отрицательное (—: негласность, несогласность, диффузность, глухость, ртовость, прерывность, непридыхательность, непериферийность, непалатальность), либо нулевое (0) — в случае, когда данный признак несуществен для отличия данной фонемы от всех других фонем языка. Результаты такого описания фонем санскрита могут быть представлены таблицей, являющейся матрицей, по которой можно производить отождествление и различение фонем (см. табл. 3).

Пересечения указанных девяти пар признаков образуют 33 фонемы, входящие в фонологическую систему санскрита (см. табл. 4). Из этих 33 фонем 20 образуют пять симметричных четырехугольников. Каждые четыре фонемы, образующие один из этих четырехугольников, обладают совокупностью общих признаков, отличающих их от всех остальных четырехугольников: губные характеризуются сочетанием диффузности, периферийности и непалатальности; зубные — сочетанием диффузности, непериферийности и непалатальности; церебральные — сочетанием компактности, непериферийности, непалатальности; гуттуральные — сочетанием компактности, периферийности, непалатальности; палатальные — сочетанием компактности, непериферийности, палатальности. Каждый из этих пяти четырехугольников построен одинаково: они образуются изоморфными противопоставлениями четырех фонем по двум парам дифференциальных признаков (глухости — звонкости, придыхательности — непридыхательности). Каждая из фонем внутри четырехугольника отличается от любой смежной на один дифференциальный признак, например, *p* от *b* — глухостью, а от *ph* — придыхательностью и т. п. Трем из этих четырехугольников прерывных фонем соответствует по одной непрерывной фонеме: зубным соответствует *s*, церебральным — *ś*, палатальным — *ṣ*. Внутри этой тройки непрерывных фонем *ṣ* отличается от *s* как палатальная от непалатальной, а *ś* от

Матрица идентификации фонем по дифференциальным признакам

Фонемы Дифференциальный признак	<i>a</i>	<i>i</i> (<i>y</i>)	<i>u</i> (<i>v</i>)	<i>e</i>	<i>o</i>	<i>r</i> (<i>r</i>)	<i>l</i> (<i>l</i>)	<i>n</i>	<i>m</i>	<i>s</i>	<i>ʃ</i>	<i>ʒ</i>	<i>h</i>	<i>c</i>	<i>ch</i>	<i>j</i>	<i>ʃh</i>
гласность/негласность	+	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
с-гласность/несогласность	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
компактность/диффузность	+	-	-	+	+	-	-	0	0	-	+	-	0	+	+	+	+
звонкость/глухость	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	+	+
новость/ртвость	0	0	0	0	0	0	0	+	+	0	0	0	0	-	-	-	-
непрерывность/прерывность	0	0	0	0	0	-	+	0	0	+	+	+	0	-	-	-	-
придыхательность/непридыхательность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	+	-	+
периферийность/непериферийность	0	-	+	-	+	0	0	-	+	0	0	0	0	-	-	-	-
палатальность/непалатальность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	+	-	0	+	+	+	+

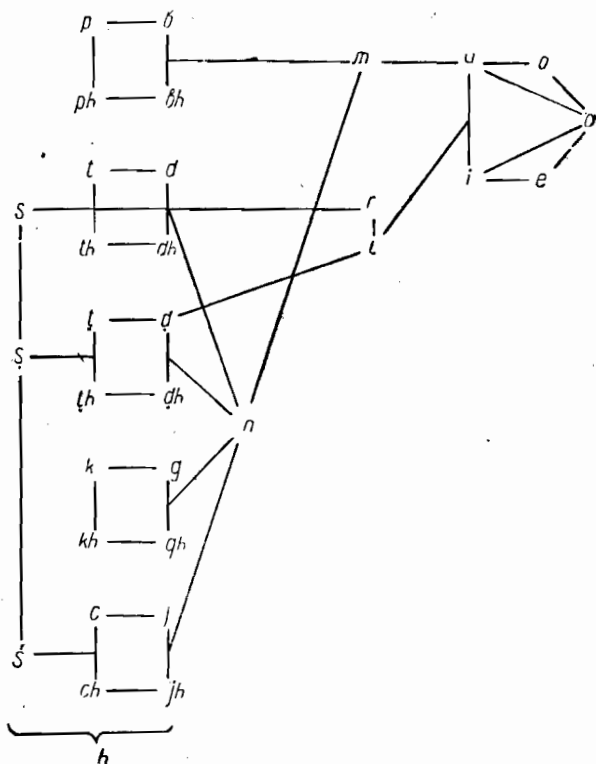
Фонемы	k	kh	g	gh	t	th	d	dh	t	th	d	dh	p	ph	b	bh
Дифференциальный признак	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
гласность/негласность	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
согласность/несогласность	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
компактность/диффузность	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
звонкость/глухость	-	-	+	+	-	-	+	+	-	-	+	+	-	-	+	+
новость/ртовость	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
непрерывность/прерывность	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
придыхательность/непридыхательность	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+
периферийность/непериферийность	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+
палатальность/непалатальность	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

s и от *ś* как компактная от диффузных. Совершенно обособленно стоит фонема *h*, непосредственно не связанная ни с одной из согласных.

Четырехугольнику ртовых губных фонем соответствует носовая фонема *m*, а остальным четырем четырехугольникам — зубных, церебральных, гуттуральных (велярных) и палатальных — соответствует носовая фонема *n*. В свою очередь *m* и *n* противопоставлены друг другу как периферийная фонема непериферийной.

Таблица 4

Система фонем саискрита

Между описанными 26 согласными фонемами и тремя гласными (в фонологическом смысле этого термина) находятся четыре промежуточные фонемы: две плавные — *r*, *l* (отличающиеся друг от друга как прерывная от непрерывной) и два глайда — *u*, *i*, отличающиеся друг от друга как периферийный от непериферийного. Аналогичное противопоставле-

ние по периферийности — непериферийности повторяется и в собственно-гласных *o*, *e*, связанных соответственно с *u*, *i*. Гласная фонема *a* отличается от всех гласных фонем компактностью; в противоположность ей *u* и *i* являются диффузными, а *e* и *o* являются компактными по отношению к *i* и *u*, но диффузными по отношению к *a*.

Описание древнеиндийских фонем возможно и на основании несколько иного набора дифференциальных признаков, в частности, противопоставление церебральных согласных зубным некоторыми учеными рассматривается как оппозиция согласных дизной тональности и согласных простой тональности. При этом церебральные согласные можно считать компактными по отношению к одним диффузными — по отношению к другим согласным. Противопоставление аффрикат другим согласным можно рассматривать как оппозицию ярких (*strident*) и тусклых (*mellow*).

Наряду с описанием фонем по их дифференциальным признакам может быть дано описание фонем санскрита и на основании их распределения в тексте, т. е. на основании анализа их возможных сочетаний (см. табл. 5)². Этот подход не дал бы принципиально отличных результатов. Так, различие носовых фонем *m* и *n* проявляется не только в их парадигматическом противопоставлении по дифференциальным признакам периферийности и непериферийности, но и в их синтагматическом распределении: так, *m* преимущественно сочетается с последующими губными, например, *mp*, *mb*, *mbh*, *mm*, но не с зубными, тогда как *n* сочетается именно с зубными, например, *nt*, *nth*, *nd*, *ndh*, *nn*.

На основании дистрибутивного анализа можно определить, какие ограничения наложены системой языка на возможности комбинаций фонем и целых классов фонем в тексте. Так, особое место глухих придыхательных фонем определяется их минимальной сочетаемостью с другими последующими согласными в текстах (практически встречаются лишь сочетания глухих придыхательных с последующими гласны-

² Таблица 5, составленная М. И. Бурлаковой и включенная в настоящую работу с ее любезного согласия, показывает распределение фонем санскрита и их основных вариантов, обозначавшихся особыми знаками в индийской письменности. Таблица отражает возможные комбинации фонем санскрита в пределах слова (по материалам Петербургского словаря санскрита О. Böhlingk, *Sanskrit-Wörterbuch in kürzer Fassung*, I-V. I, St. Petersburg, 1879—1880). В вертикальном ряду указан предшествующий элемент сочетаний, в горизонтальном — последующий; знак плюс означает наличие сочетания, минус — запрет сочетания по правилам сандхи, пробел — отсутствие сочетания в просмотренном материале.

ми и с фонемами, занимающими промежуточное положение между гласными и согласными—у и r: *khy, chy, chr, chry, thy, thr, 'hy, phy*. Ограниченной сочетаемостью характеризуется класс прерывных церебральных: они могут следовать лишь за прерывными или непрерывной церебральными фонемами (*tt, dd, st, sth*) и носовыми (*nt, nth, nd, ndh*); за прерывными церебральными могут следовать гуттуральные (*tk, dg, dgh*), прерывные церебральные (*tt, dd*), спирант s (*ts*), фонемы у и r (*ty, thy, dy, dhy, thr, dhr*). Незначительный объем этих сочетаний выступает особенно ярко при сравнении с распределением таких богатых по возможностям комбинаций фонем, как *k, g, t, d, n, s*. Показательно сопоставление с этой точки зрения таких однотипных фонем, как *b* и *d*, из которых первая значительно более ограничена в своих комбинационных возможностях.

Особым, несколько отличным от предыдущего, видом ограничений, налагаемых на употребление фонем, являются их частотные характеристики. Среди гласных статистически преобладает фонема *a*; среди согласных фонем, как правило, чаще других встречаются те, которые характеризуются наименее ограниченным распределением. По статистическим характеристикам особое место занимает согласная фонема *ṣ*. За вычетом тех случаев, где *ṣ* является комбинаторным вариантом фонемы *s* (а не особой фонемой), *ṣ* как отдельная фонологическая единица встречается в очень небольшом числе морфем, главным образом в словах, производных от *ṣat*, 'шесть', хотя сами эти морфемы принадлежат к числу достаточно употребительных. Статистическое исследование частотности фонем представляет интерес для выяснения того, какие фонемы являются маркированными по отношению к противопоставленным им фонемам.

Одним из ограничений, накладываемых на текст, является отсутствие независимости между единицами в звуковой цепи. Это ограничение обнаруживается, в частности, в сандхи (*saṃdhi*).

Этим термином древнеиндийские ученые обозначали разного рода явления, вызываемые комбинаторными взаимодействиями звуков; при этом различались внутреннее сандхи (внутри слова) и внешнее сандхи (на границе слов).

Благодаря сандхи некоторые звуковые признаки распространяются на отрезки текста, большие, чем одна фонема; в таких случаях эти признаки оказываются избыточными, так как на основании наличия признака у одного элемента звуковой цепи можно предсказать его наличие у соседнего

элемента (или даже у элемента, отделенного от данного рядом других. Так, распространяются на смежные элементы текста признаки звонкости и глухости ($k+d$ дает ζd , $p+d$ дает bd ; $g+t$ дает kt , $b+t$ дает pt и т. п.); поэтому позиция перед глухим или звонким согласным является местом нейтрализации противопоставления согласных по дифференциальному признаку звонкости — глухости. При распространении звонкости на два соседних элемента дифференциальный признак придыхательности может быть перенесен на следующий звуковой элемент, причем он фонетически утрачивается первым элементом ($rh+t$ дает ζdh , которое с фонологической точки зрения может быть истолковано и как сочетание фонем $\zeta h+t$ и как сочетание фонем $\zeta+dh$). Такие случаи можно понимать как перекодирование сочетаний фонем в фонетическую последовательность звуков.

Распространение одного признака на два сложных элемента наблюдается при соседстве носовой фонемы с разными классами смычных: $n+g$ дает ng , $n+j$ дает $\tilde{n}j$, $n+d$ дает nd . В каждом из этих случаев дополнительные свойства носового целиком определяются дифференциальными признаками последующей фонемы и поэтому не имеют фонологического значения.

Взаимовлияние фонем может приводить не только к распространению данного признака на соседние элементы, но и к порождению новых свойств, а иногда и новых звуков. Так, свойство церебральности согласных возникает не только благодаря соседству с церебральным ($\zeta+t$ дает ζt), но и порождается наличием в предшествующем звуковом отрезке фонем определенных типов: наличие предшествующих гласных фонем (кроме a) и глайдов, плавного r и фонемы k порождает церебральность в последующем s ($i+s$ дает $i\zeta$, $k+s$ дает $k\zeta$); наличие r в предшествующем отрезке порождает церебральность в последующем n , даже если оно не следует за r непосредственно (сочетание приставки *pra-* с глаголом *namati* 'кланяется' дает *pranamati* 'он преклоняется').

Поскольку церебральность \tilde{n} всегда может быть предсказана на основании анализа предшествующего отрезка и не используется для различения и поскольку n нецеребральное и \tilde{n} церебральное находятся в дополнительном расчленении (т. е. никогда не встречаются в одной позиции), \tilde{n} церебральное не может быть особой фонемой и его церебральность не является фонологическим дифференциальным признаком.

При взаимовлиянии двух смежных фонем каждая из них может измениться на один или на несколько признаков, приблизившись тем самым к другой (так, $t + \acute{s}$ дает *cch*). Особый случай представляет взаимовлияние некоторых гласных, при котором сочетание двух гласных фонем перекодируется в одну гласную фонетическую единицу, фонетически отличную от обоих сочетающихся элементов: $a + i$ дает *e*, $a + u$ дает *o*.

Противоположный случай возникновения нового звука при взаимодействии двух фонем представляет такое взаимовлияние двух согласных фонем, когда при сохранении каждой из них между ними образуется третий элемент: так, при внешнем сандхи $-n + t-$ дает *-nst-* и т. п.

При взаимодействии трех фонем — гласной *a* или глайдов \acute{i} , \acute{u} , носовой фонемы *n* или *m* и последующего спиранта (*s*, \acute{s} , $\acute{\zeta}$ или *h*) — носовая фонема утрачивается как отдельная единица, отражаясь в носовом качестве предшествующего гласного: так, $a + n + s$ дает a^{nas} , т. е. $\acute{a}s$. С фонологической точки зрения носовой гласный целесообразно считать не особой гласной фонемой, а результатом фонетического перекодирования сочетания гласной фонемы с носовой согласной фонемой.

Случай фонетической потери согласной фонемы при преобразовании предшествующего гласного под влиянием следующего за согласной фонемой элемента наблюдается при внешнем сандхи, когда за конечным сочетанием фонем *a* и *s* следует элемент, который фонетически характеризуется вибрациями голосовых связок. При перекодировании этого сочетания в данных условиях элемент *s* утрачивается, а гласная *a* преобразуется в *o*: *nalas namā* 'по имени Наль' дает *nalo namā*.

Дальнейшие усложнения могут возникнуть, если первым элементом второго слова является гласный; тогда, по общему правилу устранения зияния, сочетание двух гласных перекодируется в один гласный элемент: *namas astu* 'да будет (совершенно) поклонение' должно дать *namo astu*, откуда по устранении зияния *namo'stu*.

При взаимодействии двух разных фонем возможна также утрата не целой фонемы, а одного из ее дифференциальных признаков, например, звонкая придыхательная фонема утрачивает придыхательность в сочетаниях типа $dh + bh$, $dh + s$, откуда соответственно получается dbh , ts и т. п.

С распределением фонем в звуковой цепи связаны и такие случаи, когда одна и та же фонема в зависимости от ее функции в слогое может выступать в разных вариантах.

В положении между согласными, а также в начале слова перед согласным и в конце слова после согласного фонема *r* выступает в виде слогообразующего *r*; во всех остальных позициях *r* является неслоговым (например: *rg*- 'гимн', *r̄si*- 'мудрец', в середине слова *k̄rtā*- страдат. прич. прош. вр. от *kar*- 'делать', *tr̄ṣṇā*- 'жажда', в конце слова *pit̄ṣ* 'отец', но *karōti* 'он делает', *kriyate* пасс. форма 3-го л. ед. ч. от *kar*-, *kartar*- 'создатель'). Теоретически мыслимо такое же распределение слогообразующего и неслогообразующего вариантов для фонемы *l*, однако реально она представлена очень редко. В частности, из трех возможных позиций, в которых *l* могло выступать в слогообразующем варианте, реально засвидетельствована только одна (употребление *l̄* между согласными), представленная единственным примером.

К этому классу фонем, представленных слогообразующими и неслогообразующими вариантами, принадлежат и фонемы *i* и *u*, которые выступают в слогообразующих вариантах в позиции между двумя согласными. В начале же и в конце слова эти фонемы могут выступать как в вариантах *i* и *u*, так и в вариантах *y* и *v*. В конце слова после согласной всегда выступает слогообразующий вариант (*i*, *u*), после гласной — неслогообразующий, который, в частности, может быть вторым элементом дифтонга. В начале слова перед гласной всегда употребляется неслоговой вариант, перед согласной же могут использоваться оба варианта, хотя употребление неслогового варианта (*y*, *v*) ограничено случаями, когда за ним следуют фонемы того же класса (плавные или глайды). Возможность одновременного употребления в начале слова сочетаний *ur*- и *vr*-, *ir*- и *yr*- нарушала принцип взаимоисключающего распределения этих вариантов и тем самым создавала предпосылки для фонологизации этих вариантов.

В случае, если фонема *i* или *u* следует за фонемой *a* в позиции перед согласной или в исходе слова, *i* или *u* образуют с предшествующей гласной *a* дифтонг (*ai*, *au*), который не является, однако, единой фонемой.

На основании анализа распределения могут быть установлены позиции нейтрализации фонем, объединяемых в большие единицы (архифонемы). Позиция перед *s* и *ṣ* является местом нейтрализации противопоставления фонем *m* и *n*, которые можно объединить в носовую архифонему. Противопоставления шумных согласных по глухости — звонкости, придыхательности — непридыхательности снимаются соответственно в положении перед глухими, звонкими и придыхательными. Одним из характерных мест нейт-

рализации является конец слова, где могут сниматься противопоставления по глухости — звонкости, а также противопоставление *r* и *s*. Архифонема, в которую объединяются *r* и *s*, в конце слова выступает в виде *h*, что можно рассматривать как фонологический сигнал конца слова.

Сигналом конца слова является и звук особого рода *m*, встречающийся в исходе слова не перед гласной.

Промежуточной величиной между фонемой и словом является слог. Слог может начинаться группой из двух шумных согласных, не принадлежащих к одному классу; за ними может следовать группа из двух сонантов, затем гласная, являющаяся центральной частью слога. За ними может следовать сонант, за которым в свою очередь может находиться шумная согласная. Эта семичленная структура является идеальной моделью слога; однако практически возможны различные ее варианты, причем во всех вариантах необходимым и достаточным для образования слога является наличие хотя бы одного гласного или слогообразующего варианта сонанта.

Слогообразующие элементы (гласные или варианты сонантов) характеризуются противопоставлениями по долготе и краткости. Эти противопоставления являются не различиями дифференциальных признаков фонем, а просодическими свойствами, которые проявляются в слоге, т. е. в единице, большей, чем фонема.

Исчерпывающее описание системы просодических свойств санскрита должно было бы включать и анализ ударения, но сделать это по отношению к собственно санскриту затруднительно, так как санскритские тексты не акцентуированы. Особые знаки для обозначения разных видов ударения использовались только при записи ведийских текстов. Эти акцентуированные тексты и указания древнеиндийских грамматиков позволяют сделать некоторые косвенные выводы и относительно ударения в санскрите.

Индийские грамматики выделяли несколько видов слогов в зависимости от ударения. Тон слога, несущего ударение, определялся термином *udāta* («поднятый»); тон слога, непосредственно следующего за ударным, — *svarita* («звучащий»), кроме того, *svarita* в послеведийский период может появляться независимо от основного ударения в случаях исчезновения ударного *i* и замены его через *y*. Тон слога или слогов, предшествующих основному ударению, назывался *anudattāra* («более низкий»), тон всех остальных слогов — *anudāta* («низкий»). В случаях, когда характер тона определяется местом слога по отношению к

основному ударению, музыкальные различия между разными видами тонов не имеют фонологического значения. Фонологическими эти различия становятся лишь тогда, когда они не могут быть предсказаны, т. е. в случае противопоставления основного тона (*udatta*) независимой *svarita*. Но такие случаи, которые позволили бы считать санскритское ударение не только музыкальным, но и политоническим, слишком немногочисленны.

Как правило, каждое слово в санскрите имеет одно основное ударение, которое в ведийском может стоять на любом слоге; место этого основного ударения используется для различения разных слов и разных форм одного слова. Не несут ударения энклитические частицы, краткие местоименные формы имени и бесприставочные личные формы глагола в главном предложении. Две последние категории не имеют ударения только в случае, когда они не находятся в начале предложения.

Позднее в классическом санскрите были установлены некоторые ограничения на место ударения в слове. По этим правилам, многосложные слова не могли нести ударения на последнем слоге; в словах, содержащих более чем два слога, предпоследний слог мог быть ударным только если он был долгим; в словах, содержащих более чем три слога, ударение могло падать на четвертый слог от конца только в том случае, если второй и третий слоги от конца были краткими. Но эти правила носили в значительной степени искусственный характер.

Система просодических свойств санскрита определяет те возможности, которые использованы в санскритском стихосложении. Оно является метрико-силлабическим и основывается на чередовании долгих и кратких слогов. Долгими считаются не только слоги, содержащие долгий гласный или долгий слогаобразующий сонант, но и слоги, в которых за слогаобразующим элементом следуют две согласных. Метрической единицей высшего уровня по отношению к слогу является *pada* (стих), который чаще всего состоит из 8, 11 или 12 слогов. Из наиболее употребительных размеров санскритского стиха в текстах на эпическом санскрите чаще всего встречается *śloka*, строфа которого образуется четырьмя *pada*, по восьми слогов в каждой. Его метрическая схема приводится ниже:

$\bar{u} \bar{u} \bar{u} \bar{u} \bar{u} - - - \bar{u} // \bar{u} \bar{u} \bar{u} \bar{u} \bar{u} - \bar{u} \bar{u}$
 $\bar{u} \bar{u} \bar{u} \bar{u} \bar{u} - - - \bar{u} // \bar{u} \bar{u} \bar{u} \bar{u} \bar{u} - \bar{u} \bar{u}$

Как видно из схемы, для размера *śloka* безразлична долгота всех слогов, за исключением пятого, шестого и седьмого, на которые наложены определенные ограничения в каждой *pāda*.

В эпических текстах встречается также размер *jaḡatī*, строфа которого состоит из четырех двенадцатисложных *pāda*, имеющих следующую метрическую схему:

$$\cup - \cup - - \cup \cup - \cup - \cup \approx$$

Строфа в размере *triṣṭubh* состоит из четырех одиннадцатисложных *pāda*, строящихся по схеме:

$$\approx - \approx - \approx \cup \approx - \cup - \approx$$

Из других встречающихся в санскритских текстах размеров можно назвать *āruḡa*, *gāyatrī*, *anuṣṭubh*, *prakṛti* и др.

Санскритское стихосложение было подробно описано в трактате «Чхандахсутра» Пингалы (*Piṅgala*), который применил условные буквенные обозначения краткости и долготы слогов и выполнил подсчеты всех возможных просодических комбинаций. Его работа не только повлияла на дальнейшие стиховедческие исследования в Индии, но, как полагают некоторые исследователи, оказала влияние и на развитие индийской математики.

Замечания исторического характера к описанию фонологической системы

Анализируя фонологическую систему санскрита, легко можно сделать вывод о большой ее стройности и симметричности, которая объясняется последовательным разращением каждого класса согласных. Внутренняя реконструкция и сравнение с фактами родственных языков позволяют установить, какие фрагменты системы согласных появились позднее.

На относительно позднее возникновение категории церебральных указывают: малая функциональная нагрузка противопоставлений церебральных другим классам (и тем более внутренних противопоставлений в пределах класса церебральных), сравнительно небольшая частота употребления, зависимость появления церебральных во многих случаях от вполне определенных фонетических условий, наличие церебральных в неарийских языках Индии и в заимствованиях из этих языков в санскрите. Этот вывод подтверж-

дается сравнением с другими индоевропейскими языками, где церебральные отсутствуют. Появление в санскрите класса церебральных (t , d , th , dh , s) объясняется действием целого ряда разнородных факторов: влиянием предшествовавших в слове фонем, иногда исчезающих после того, как они вызвали церебрализацию, особым характером развития некоторых индоевропейских фонем (в частности, палатальных гуттуральных), ассимиляцией ранее возникшему предшествующему церебральному, воздействием неарийских языков Индии и т. п.

О происхождении палатальных в санскрите можно судить прежде всего на основании анализа их чередований с гуттуральными в разных вариантах одних и тех же морфем. Этот анализ свидетельствует об образовании некоторых палатальных путем расщепления гуттуральных в определенных условиях и позднейшей фонологизации фонетических вариантов гуттуральных, связанной с преобразованиями вокализма. Вывод о вторичности палатальных (c , j , ch , jh) подтверждается как другими внутренними данными санскрита, в частности особенностями употребления редко встречающихся ch и jh , так и сравнением с рядом других индоевропейских языков, в которых древнеиндийским палатальным соответствуют заднеязычные. Сходные соображения позволяют установить, что в ряде морфем древнеиндийское h восходит к индоевропейскому заднеязычному.

В тех же случаях, где j и h не могут быть объяснены позднейшей палатализацией, их следует возвести к индоевропейским $*\bar{g}$ и $*\bar{g}^h$ палатальным. К этому же ряду палатальных индоевропейских фонем относилась и фонема $*\bar{k}$, которая на индийской почве дала \acute{s} . В некоторых древнеиндийских морфемах \acute{s} (из индоевропейского $*\bar{k}$) чередуется с t (в конце слова). Это явление в свете данных дардских и некоторых иранских языков, где индоевропейские палатальные отражаются в виде смычных или аффрикат, может быть истолковано как свидетельство того, что индоевропейские палатальные в древних индоиранских диалектах долгое время сохраняли свой первоначальный характер. Лишь изменение s в определенных условиях вызвало преобразование роли фонологически противопоставленного ему индоевропейского глухого палатального в системе согласных и привело тем самым к его позднему изменению в \acute{s} .

Таким образом, из пяти изоморфных четырехугольников согласных фонем, изображенных на табл. 4 (см. стр. 57), вторичными по происхождению оказываются четырехугольник церебральных и четырехугольник палатальных. В осталь-

ных трех четырехугольниках результатом вторичного развития следует признать серию глухих придыхательных. В других индоевропейских языках не обнаруживается особых фонем, которые бы соответствовали древнеиндийским глухим придыхательным. Появление ряда глухих придыхательных в древнеиндийском можно объяснить тем, что в ранее существовавших тройках согласных отсутствовал партнер у звонкого придыхательного. Характерное для санскрита симметричное разращение системы согласных проявилось, во-первых, в появлении четвертого элемента в каждой тройке, во-вторых, в порождении новых четырехугольников по образцу уже существовавших.

Появление глухих придыхательных *ph*, *th*, *kh* в тех случаях, когда они обнаруживаются не в заимствованиях, можно объяснить развитием древних сочетаний глухих непридыхательных *p*, *t*, *k* с особой фонемой **H*, называемой ларингальной. Ее существование в древнейших индоиранских диалектах подтверждается целым рядом других фактов. К их числу относится возникновение противопоставлений долгих и кратких слогаобразующих элементов из более древних сочетаний гласных и сонантов с ларингальными, появление *i* в редуцированных слогах, содержащих ларингальный, некоторые случаи зияния в «Ведах», объясняемые утратой ларингального между гласными, следы ларингальных в структуре некоторых форм (например, перфекта). Место ларингального в системе, предшествующей ведийской, определялось тем, что, с одной стороны, ларингальный часто ведет себя подобно сонанту, с другой стороны, имеет черты, близкие к спиранту (может быть, заднеязычному).

Следовательно, для периода, предшествующего ведийскому, восстанавливаются не четырехугольники, а тройки согласных: (*p*, *b*, *bh*; *t*, *d*, *dh*; *k*, *g*, *gh*; **k̂*, **ĝ*, **gĥ*). Типологические и сравнительно-исторические доводы приводят к предположению, что в еще более ранний период третий член каждой из этих троек противопоставлялся двум остальным не по тем дифференциальным признакам, которые различали их в санскрите. Поэтому обозначение третьих членов этих троек символами звонких придыхательных для древнего периода в значительной степени условно, так как допускаются разные возможности истолкования. В частности можно думать, что эта третья серия согласных либо являлась рядом спирантов, либо характеризовалась напряженностью или глоттализацией.

Первая из троек согласных, восстанавливаемых для индоевропейского периода, является отчасти дефектной,

так как фонема *b* встречается в ничтожном числе морфем, которые можно возвести к этой эпохе (и исконность даже этих морфем подвергается сомнению).

Сонанты, существовавшие в санскрите, имелись и в индоевропейской системе. Различие между системами разных эпох заключалось здесь не в наборе самих фонем, а в их распределении и функции в звуковой цепи. Место носовых фонем (*m* и *n*) в системе, предшествовавшей индоиранской, отличалось от их места в древнеиндийском потому, что они выступали в совершенно той же функции, что и другие сонанты. В частности у них, как и у фонем *r*, *l*, *i*, *u*, имелись слогаобразующие варианты; позднее слогаобразующие **ṛ* и **ṅ* совпали с фонемой *a*.

Соотношение плавных фонем (*r* и *l*) в индоевропейской системе отличалось от их соотношения в древнеиндийском постольку, поскольку во многих морфемах индоевропейское *l* изменялось в древнеиндийское *r*. Предпосылки для смешения *r* и *l* имелись и в индоевропейском, где эти звуки различались не во всех позициях; совпадению *l* с *r* в древнеиндийском могли способствовать особенности местных неарийских языков.

Отличие роли фонем *u* и *i* в древнеиндийском от их функций в более ранний период заключалось прежде всего в том, что в этот период полностью проводилось взаимоисключающее распределение неслоговых и слогаобразующих вариантов этих фонем, которое начало устраняться в санскрите. Увеличению случаев употребления *i* в слогаобразующей функции могло способствовать совпадение со слоговым *i* одного из вариантов древнего ларингального.

Исключительная бедность вокализма санскрита по сравнению с другими индоевропейскими языками объясняется прежде всего тем, что в древнеиндийском *a* совпали несколько различных фонем. Еще в общеарийский период было снято существовавшее ранее противопоставление между гласными фонемами *e*, *o* и *a*, которые слились в *a* (древнеиндийские *e* и *o* не имеют по происхождению ничего общего с этими индоевропейскими **e* и **o*). Это фонологическое склеивание не могло не отразиться на характере фонологической системы санскрита, так как благодаря ему возможности различения морфем с помощью гласных стали чрезвычайно ограниченными; вместе с тем были устранены весьма существенные для индоевропейской морфологии чередования гласных в пределах морфемы, которые служили для различения грамматических значений.

Частота употребления *a* увеличилась еще и потому, что

в нем также совпали индоевропейские слогообразующие варианты носовых фонем (**m* и **n*).

Для раннего периода индоарийского (до изменения дифтонгов *ai* и *au*) с достаточными основаниями можно реконструировать только одну гласную (в собственном смысле слова) фонему *a*; такое состояние типологически можно сравнить с тем, что наблюдается в некоторых западнокавказских языках. Подобно тому, как в этих языках крайняя бедность вокализма компенсируется исключительным богатством системы согласных, в древнеиндийском фонологической компенсацией совпадения различавшихся ранее гласных было разращение системы согласных фонем. С этой же особенностью фонологической системы санскрита связано сохранение слогообразующего варианта фонемы *r*, которое отличает санскрит от других исторически засвидетельствованных индоевропейских языков, а также появление в отдельных случаях вторично развившегося слогообразующего варианта фонемы *l*.

Период, когда дифтонги типа *ai* еще не монофтонгизировались, отражен в арийских заимствованиях, засвидетельствованных в переднеазиатских текстах II тысячелетия до н. э. Лишь позднее в определенных фонетических условиях осуществляется преобразование дифтонга *ai* (отражавшего все индоевропейские дифтонги на *-i*) в *e* и преобразование дифтонга *au* (отражавшего все индоевропейские дифтонги на *-u*) в *o*. Появление гласных *e* и *o* вторичного происхождения не привело, однако, к существенному увеличению удельного веса гласных как дифференцирующих элементов, потому что гласные *e* и *o* чаще всего встречаются в строго определенных условиях, где их появление может быть предсказано, и обычно продолжают соотноситься с дифтонгами, из которых они произошли. Поскольку гласные *e* и *o* в большинстве случаев находятся в дополнительном распределении с дифтонгами *ai* и *au*, степень фонологизации этих гласных не является полной и их можно в известной мере считать потенциальными дифтонгами (или вариантами дифтонгов в специфических условиях).

Описанные фонетические и фонологические процессы осуществлялись на протяжении очень значительного периода времени в последовательности, определяемой их относительной хронологией. Из них наиболее поздним можно признать появление церебральных *t*, *th*, *d*, *dh*. Расширение сферы употребления церебральных продолжается на протяжении истории древнеиндийского и среднеиндийских языков. Характерно, что уже в древнейших текстах отра-

жены такие процессы образования новых церебральных, как возникновение l и lh церебральных в ведийском (из d и dh); по текстам разных эпох можно проследить постепенно увеличивающуюся фонологизацию различий между церебральными.

Фонологическая дифференциация четырех церебральных, не полностью осуществленная в санскрите, и соответственно образование четырехугольника церебральных фонем осуществилось, несомненно, уже во время нахождения носителей древнеиндийских диалектов в Индии. Несколько ранее других церебральных, но тоже еще на индийской почве, оформилось в качестве особой звуковой единицы $ʃ$. Возникновение $ʃ$, а затем и других церебральных, можно связать с воздействием ранее образовавшегося $ʃ$. Это воздействие можно обнаружить не только в тексте, где наличие $ʃ$ влечет за собой церебрализацию соседнего t , но и в системе: $ʃ$ соотносилось с s , которое противопоставлялось классу зубных (t, th, d, dh). По типу этого соотношения s и зубных построено позднее возникшее соотношение $ʃ$ и церебральных. Иначе говоря, возникновение $ʃ$ можно объяснить из пропорции $s:t=ʃ:x$, где $x=t$.

После возникновения $ʃ$ как особой фонемы d и th могли выступать первоначально как факультативные варианты этой фонемы, о чем свидетельствует мена этих единиц в ряде корней, особенно характерная для древнейших текстов. Фонемы d и th , каждая из которых отличалась от $ʃ$ только на один дифференциальный признак, возникли как особые единицы раньше, чем dh , остававшееся в санскрите лишь потенциальной фонемой. Об особом положении dh свидетельствует как его разложение на $d+h$ при чередовании dh/lh , так и прозрачность правил, по которым dh строится при явлениях сандхи.

В большей древности $ʃ$ по сравнению с другими церебральными убеждают не только соображения внутрисистемного характера, но и тот факт, что изменение s в подобных условиях (после i, u, r, k) произошло и в ряде других восточных индоевропейских диалектов. Следовательно, здесь мы имеем дело с достаточно древней изоглоссой; речь идет лишь о древности фонетического изменения s в $ʃ$. Что же касается фонологизации $ʃ$, то она могла произойти не раньше, чем возникло $ʃ$, не обусловленное указанным фонетическим окружением. Для определения относительной хронологии изменения s в $ʃ$ существенно иметь в виду, что оно происходило и под влиянием такого предшествующего i , которое образовалось из ларингального.

В санскрите, как и в ряде других восточных индоевропейских диалектов, которые можно назвать языками *satəm* в узком смысле этого термина, изменение *s* в указанных условиях было системно связано с изменением индоевропейского палатального $*\widehat{k}$ в сибилант. Показательно, что дардские языки, занимающие обособленное положение среди других арийских, отличаются от древнеиндийского в обоих этих отношениях: они отражают период до превращения палатального в сибилант и в то же время не знают изменения *s* после *u*. Факты кафирских языков можно было бы истолковать как свидетельство того, что построение ряда фонем *s—ṣ—ś* нельзя возводить к слишком глубокой древности, хотя фонетические предпосылки для фонологизации этих различий могли быть унаследованы еще от времени, когда не прерывались контакты между носителями различных восточных индоевропейских диалектов.

Роль *ś*, образовавшегося в результате указанного процесса, в формировании четырехугольника палатальных (*c, ch, j, jh*) приблизительно аналогична роли *ṣ* в формировании четырехугольника церебральных. Системные отношения между *s* и *ś*, с одной стороны, и между *s* и четырехугольником зубных, с другой — определили направление, по которому пошло развитие результатов палатализации в древнеиндийском. Фонетические условия для возникновения палатального *c* существовали до слияния гласных *e* и *o* в *a*, но только после этого слияния возникло фонологическое различие между *c* и *k*. Звонким партнером к фонеме *c* явилась фонема *j*, в которой совпали продолжение индоевропейского палатального $*\widehat{g}$ и результат собственно индийской палатализации *g*. Две другие придыхательные фонемы четырехугольника палатальных были достроены по образцу ранее существовавших трех четырехугольников (губных, зубных и заднеязычных согласных).

Третьим членом старой индоевропейской тройки палатальных было $*\widehat{g}h$, которое, естественно, должно было соотноситься с фонемой, давшей *gh* в древнеиндийском. Приблизительно в ту же эпоху, когда $*\widehat{k}$ изменялось в *ś*, а $*\widehat{g}$ в *j*, $*\widehat{g}h$ фонетически изменилось в *h*, что могло нарушить системные отношения этой фонемы, связь которой с четырехугольником заднеязычных менее прочна, чем связь соответствующих спирантов *s* и *ṣ* с четырехугольниками зубных и церебральных.

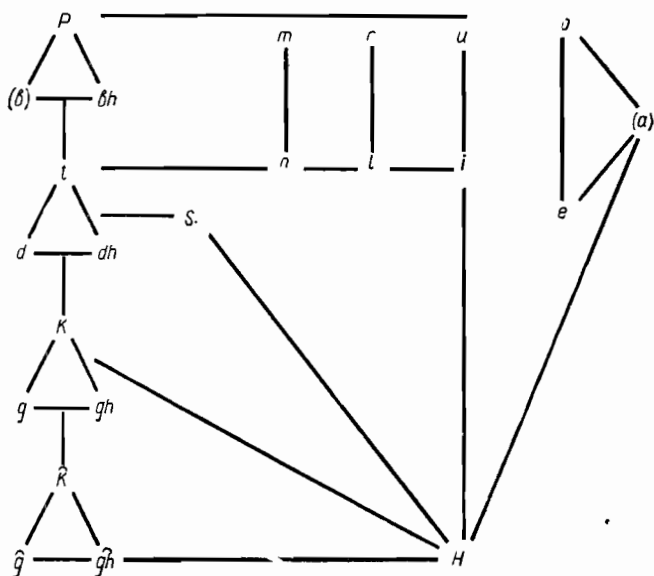
Типологические соображения позволяют думать, что не существовало разрыва между состоянием системы консонантизма, в котором имелось *h*, и тем состоянием, которое

характеризовалось наличием ларингального. Это, в частности, доказывается наличием фонологической категории звонких придыхательных, существование которых предполагает наличие в системе фонемы типа *h* или ларингального.

Хронология же падения ларингальных определяется временем возникновения категории глухих придыхательных и появления различий по краткости и долготе слогаобразующих элементов.

Таблица 6

Гипотетическая доисторическая система фонем,
исходная для древнеиндийского

Для выяснения хронологических отношений между развитием системы гласных и системы согласных существенно датировка совпадения слогаобразующих вариантов носовых фонем **ṇ* и **ṇ̄* в *a*, которое, судя по распространению этой изоглоссы на греческий язык, произошло раньше, чем совпадение *e* и *o* в *a*, в свою очередь предшествовавшее фонологизации различий между *k* и *s*.

Для периода, предшествовавшего описанным процессам, можно гипотетически восстановить систему, изображенную в табл. 6. Нужно подчеркнуть, что состав элементов этой схемы и указанные связи, возможно, изображены в таблице лишь приблизительно. Не исключено, что в ней отсутствуют некото-

рые еще наличествовавшие элементы, — в частности различные фонемы класса ларингальных, которые потом могли совпасть в одной или исчезнуть, — и в то же время в эту таблицу введены элементы, которые могли возникнуть позднее — в частности, звонкая фонема *b* и гласная *a*. Неясности в изображении отношений между фонемами возникают вследствие невыясненности хронологии их развития; так, в точности неизвестно отношение между треугольниками заднеязычных и палатальных, которые являются результатами раздвоения одного древнего треугольника, и между плавными *r* и *l*, которые некогда могли находиться в дополнительном распределении. Ввиду этих трудностей было бы рискованно пробовать определить отношения между фонемами этой гипотетической системы в терминах дифференциальных признаков.

МОРФОНОЛОГИЯ

Из фонологических различительных средств древнеиндийского языка в области морфологии используются следующие: чередования гласной с отсутствием гласной (нулем), связанные с ними чередования сонантов с дифтонгами, содержащими сонант в качестве второго элемента, и с гласными; чередования долгих и кратких слогообразующих элементов; некоторые типы чередования согласных, играющие меньшую роль; мена места ударения в разных формах одного слова.

Разные виды чередований гласных, сонантов и дифтонгов были классифицированы уже древнеиндийскими учеными, которые разработали и соответствующую терминологию. Согласно учению древнеиндийских лингвистов, существовало три ступени чередований: одна, считавшаяся у индийских ученых исходной, и две производных (по традиционной терминологии — *guṇa* и *vṛddhi*), каждая из которых отличается от исходной одним дифференциальным признаком или одним звуком. По этой классификации морфонологические чередования санскрита можно расположить так, как это показано в табл. 7.

Таким образом, можно считать, что каждая следующая ступень отличается от предыдущей прибавлением гласного *a*. Симметричность этих чередований осложняется, во-первых, вследствие замены в определенных позициях дифтонгов *ai* и *au* монофтонгами *e* и *o*, и, во-вторых, из-за того, что с *a* в основной ступени чередуется нуль звука в исходной ступени.

Разница между этими огласовками в санскрите служит для различения морфологических категорий, причем характер огласовки автоматически определяется видом суффиксов и грамматическим типом данного образования. Напри-

мер, в таких формах, как перфект от глагола *kar-* 'делать', нулевая ступень удвоенного корня *caḅḅ-* отличает формы двойственного числа (1-е л. *caḅḅ-va*) и множественного числа (1-е л. *caḅḅ-ma*) от форм единственного числа, где удвоенный корень выступает либо в форме основной ступени *cakar-* (2-е л. *cakar-tha*), либо в ступени поднятия (3-е л. *caḅḅ-a*). Такое же противопоставление по числам наблюдается в настоящем времени у некоторых атематических глаголов (от корня *as-* 'быть' 1-е л. ед. ч. *ásmi*, 1-е л. мн. ч. *smáh*, 1-е л. дв. ч. *sváh*). Аналогично определяется противопоставление форм медиального залога действительному (от глагола *ñ-* 'вести' 1-е л. мед. залога *aneṣi*, но 1-е л. действ. залога *anāṣam*).

Чередование звуков по ступеням используется в склонении при различении разных классов падежей. Так, в парадигме существительного *dātar* 'дающий', 'податель' в форме единственного числа:

исходная ступень *dātre* (дат. п.)

основная ступень *dātaḥ* < *dātar* (зват. форма)

ступень поднятия *dātāram* (вин. п.)

Таблица 7

Схема чередований гласных

Исходная ступень	ṛ	ḷ	i	u	—
Основная ступень (guṇa)	ar	al	ai (e)	au (o)	a
Ступень поднятия (vṛddhi)	āṛ	āl	āi	āu	ā

Наряду с чередованиями трех ступеней в санскрите морфологически использовались чередования долгого гласного *ā* с *i*, например, в слове удвоения *tiṣṭhati* 'он стоит' (от *sthā-* 'стоять'), а также чередования долгих сонантов типа *ī/ya*, *ū/va*.

Из используемых в морфологии чередований согласных наиболее существенны чередования заднеязычных согласных с палатальными и *h*: *k/c*, *g/j*, *gh/h*. Такие чередования характерны, например, для форм перфекта с удвоением;

*ca*karṣ- при *karṣ-* 'пахать', *ja*gām при *gam* 'идти'. Чередование *h* и *gh* представлено, например, в формах настоящего времени глагола *han-* 'бить', 'убивать', 'поражать' (ср. 3-е л. ед. ч. *hānti*, но 3-е л. мн. ч. *ghnānti*).

Особый случай представляют чередования палатальных и *h* с церебральными в конце морфемы типа *viṣ* от *viṣ* 'селение', 'деревня'. Остальные типы чередований согласных используются в морфологии в очень ограниченной степени, за исключением удвоенных форм перфекта, где обнаруживаются регулярные соотношения между непридыхательным в первом слоге и придыхательным во втором (*d/dh*, *b/bh*, *p/ph*, *c/ch*, *ḍ/ḍh* и др. Так построены удвоенные основы перфекта *dādḥā-* (от *dhā-* 'ставить'), *babhram-* (от *bhram-* 'бродить'), *ḍuḍhauk-* (от *ḍhauk-* 'приближаться') и др.

Если чередования гласных и согласных используются для различения алломорфов, выступающих в разных грамматических функциях, то различия в месте ударения характеризуют целые комбинации морфем в разных словах или в разных формах одного слова. В санскрите ряд словообразовательных категорий характеризуется почти исключительно различиями по ударению. Например, прилагательные типа *yaśās* 'славный' отличаются только ударением от соответствующих существительных (ср. *yāśas* 'слава'). В более ранний период истории древнеиндийского языка такого рода различия использовались и в ряде других случаев, в частности для противопоставления двух семантических типов имен, образованных от названия действия (ср.: *dātār* 'дающий' как обозначение лица, совершающего единичный акт даяния, не связанный с его постоянными занятиями, и *dātar* как обозначение деятеля, для которого это действие становится постоянной функцией).

Парадигмы глагола и имени в санскрите можно разделить на несколько типов в зависимости от того, является ли ударение подвижным или же тяготеет к фиксированному месту. Атематические имена и глаголы обладают подвижным ударением (ср. *yākṛt* 'печень', род. пад. ед. ч. *yakndh*; *vak* 'слово', 'голос', вин. пад. ед. ч. *vācam*, род.—отлож. пад. ед. ч. *vācās*; аналогично в глаголе—так, для форм 1-го лица настоящего времени: ед. ч. *émi* 'я иду' при мн. ч. *imás*; ед. ч. *dādḥāmi* 'ставлю' при мн. ч. *dadhmas*). Другие, более продуктивные типы имен и глаголов тяготеют к колонному ударению, падающему постоянно на определенный слог.

Мена ударения в парадигмах атематических имен и глаголов в древнеиндийском языке, в особенности— в ведий-

ском, отражает характерные черты морфологического использования ударения в индоевропейском; в этом отношении ведийский более архаичен, чем многие другие индоевропейские языки. С подобными изменениями места ударения можно связать и древнейшие количественные чередования гласных, в частности, чередование гласного *e* с редуцированным гласным или с нулем. Такие формы, как *hánti* (с ударением на корне и гласным *a* из индоевропейского *e*—ср. хеттск. *kuenzi* 'он поражает') при *ghnán.i* (с ударением на окончании и полной редуцией гласного *e*—ср. хеттск. *kunanzi* 'они поражают'), объясняются закономерной зависимостью между ступенью огласовки и местом ударения. Количественные чередования трех ступеней гласных в древнеиндийском отличались от индоевропейского аблаута прежде всего наличием долгой ступени *vṛddhi*, сложившейся только в индоиранском. В системе чередований в индоевропейском, кроме *i*, *u*, *r*, *l*, участвовали носовые слогаобразующие *ŋ* и *ŋ̄*, позднее превратившиеся в *a*, что нарушило симметричность системы чередований. В тот же ряд чередующихся элементов входили и ларингальные, что отразилось в чередовании долгих гласных с *i*.

Наряду с количественными чередованиями в индоевропейской морфологии использовалось качественное чередование *e* и *o*. После слияния **e* и **o* в одну фонему *a* в древнеиндийском функции упраздненных качественных чередований исполнялись либо только акцентологическими средствами, либо количественным чередованием *a* краткого и *ā* долгого (явления, описываемые так называемым законом Бругмана). Это последнее чередование в свою очередь возникло лишь после падения ларингальных; поэтому можно хронологически соотнести слияние *e* и *o* в одну фонему с эпохой падения ларингальных и возникновения *vṛddhi*.

В отличие от чередований гласных чередования согласных сложились на собственно индийской почве в результате процессов палатализации, а также диссимилятивных изменений.

МОРФОЛОГИЯ

Имя

Класс имени, в который входят существительные, формально от них мало отличающиеся прилагательные и числительные, а также несколько обособленный подкласс местоимений,

характеризуется наличием трех пересекающихся грамматических категорий: рода, числа и падежа.

Категория рода образуется противопоставлениями трех граммем (т. е. совокупностей морфологических дифференциальных признаков): мужского, женского и среднего рода (см. табл. 8,а). Эти три граммеы противопоставляются по двум дифференциальным признакам: «одушевленности» — «неодушевленности» и «феминальности» — «нефеминальности». Граммема женского рода образуется пересечением признаков феминальности и одушевленности; граммема мужского рода — пересечением признаков нефеминальности и одушевленности. Противопоставление по феминальности и нефеминальности существует только в пределах граммем, имеющих признак одушевленности. Граммема среднего рода характеризуется признаком неодушевленности. Из этого следует, что в противопоставлении женского и мужского рода, а также в противопоставлении женского и среднего рода маркированным членом противопоставления является граммема женского рода, а в противопоставлении мужского и среднего рода маркированным членом

Таблица 8

Граммемы имени

а) Граммемы рода

Граммема / Признак	муж. р.	жен. р.	ср. р.
Одушевленность	+	+	-
Феминальность	-	+	0

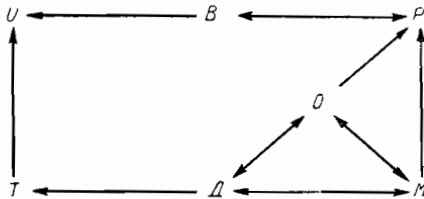
б) Граммемы числа

Граммема / Признак	ед. ч.	дв. ч.	мн. ч.
Множественность	-	0	+
Парность	-	+	-

в) граммы падежа

Граммема Признак	Име- ни- тель- ный	Вини- тель- ный	Тво- ри- тель- ный	Да- тель- ный	Отло- жи- тель- ный	Роди- тель- ный	Мест- ный
Объемность	-	-	-	-	+	+	+
Направлен- ность	-	+	-	+	+	-	-
Периферий- ность	-	-	+	+	0	-	+

г) ориентированный граф

противопоставления является граммема мужского рода. Таким образом, граммема среднего рода всегда немаркирована, поскольку она имеет по крайней мере на один положительный признак меньше, чем каждая оставшаяся; это сказывается и в плане выражения. Граммема женского рода всегда маркирована, поскольку она имеет по крайней мере на один положительный признак больше, чем каждая из остальных.

Категория числа образуется противопоставлением трех граммем (единственного, двойственного и множественного числа) по двум дифференциальным признакам: множественности—немножественности и «парности»—«непарности» (см. табл. 8, б). Под последним признаком понимается возможность участия предмета в паре, состоящей либо из двух предметов с одним и тем же названием (*akṣiṇī* 'оба глаза'), либо из двух разных предметов с разными названиями (*dyāvau-pṛithivī* 'небо и земля'). Граммема множественного числа образуется пересечением признаков множественности и непарности; граммема единственного числа—пересечением признаков немножественности и непарности. Противопоставление по множественности и немножественности существует только в пределах граммем, имеющих признак непарности; это означает, что для граммы двойственного

числа такое противопоставление безразлично; эта граммема характеризуется только признаком парности. Показательно, что формой двойственного числа могут обладать как названия единичных предметов (*pr̥thiv̥* в приведенном примере), так и названия нескольких предметов. Из сказанного следует, что в противопоставлениях граммемы двойственного числа граммемам единственного и множественного маркированным членом противопоставления является граммема двойственного числа, поскольку она имеет на один положительный признак больше, чем остальные. В противопоставлении же граммем единственного и множественного числа, маркированным членом является граммема множественного числа, обладающая одним лишним положительным признаком. Граммема единственного числа является всегда немаркированной, что сказывается и в плане выражения.

Категория падежа образуется противопоставлением семи граммем (именительного, винительного, творительного, дательного, отложительного, родительного и местного падежей) по трем дифференциальным признакам: направленности, объемности, периферийности (см. табл. 8, в). Признак направленности сигнализирует направление к предмету (винительный и дательный падежи) или от предмета (отложительный падеж). Признак объемности сигнализирует возможность участия предмета в данном конкретном высказывании в том или ином объеме (родительный и местный падежи). Признак периферийности сигнализирует побочную роль, приписываемую данному предмету в содержании высказывания (творительный, дательный, отложительный и местный падежи). Граммема именительного падежа образуется пересечением дифференциальных признаков необъемности, ненаправленности, непериферийности; поэтому она всегда выступает как немаркированный член противопоставления. Граммема винительного падежа образуется пересечением признаков направленности, необъемности, непериферийности; таким образом, она отличается одним положительным признаком от именительного. Граммема дательного падежа образуется пересечением признаков направленности, периферийности, необъемности; таким образом, в противопоставлении граммем дательного и винительного падежей граммема дательного падежа является маркированной. Она является маркированной и по отношению к граммеме творительного падежа, образуемой пересечением дифференциальных признаков необъемности, ненаправленности, периферийности. Граммема отложительного падежа образуется пересечением признаков объемности и направленности; признак периферийности для нее является избыточным.

В противопоставлении граммы родительного падежа, образуемой пересечением признаков объемности, ненаправленности и непериферийности, и граммы местного падежа, образуемой пересечением признаков объемности, ненаправленности и периферийности, маркированным является местный падеж. Таким образом, взаимные отношения падежей с указанием маркированности посредством стрелок, направленных от маркированного падежа к немаркированному, можно изобразить ориентированным графом (см. табл. 8, г).

От грамм падежей по своей функции отличается особая единица, называемая звательной формой. С направленными падежами ее объединяет указание направления; однако здесь имеется в виду направленность всего высказывания на одного из участников акта речи. Прагматический характер функции звательной формы заставляет рассматривать ее как единицу, лежащую в совершенно особой плоскости.

Один из основных признаков морфологии санскрита заключается в том, что нельзя установить одно-однозначного соответствия между грамммами и морфемами, их выражающими. Каждая морфема может одновременно выражать несколько грамм разных категорий и одной и той же категории. Чтобы определить конкретный морфологический способ выражения той или иной граммы, нужно знать: 1) правила сочетаемости грамм, которые могут быть выражены одной морфемой, и конкретные граммы, сочетающиеся с данной; 2) конкретный характер морфемы, выражающей данное конкретное сочетание грамм; 3) вид отрезка, состоящего из одной или нескольких фонем, непосредственно предшествующих данной конкретной морфеме (этот отрезок определяет так называемый тип основы). Так, например, для определения способа выражения граммы дательного падежа у слова *agni-* 'огонь' нужно знать: а) что эта граммма сочетается с грамммами того или иного рода и числа; в данном случае выбор граммы мужского рода определяется словарной характеристикой слова *agni-*, а выбор граммы единственного числа является одним из условий, заданных для синтеза данной формы; б) что сочетание грамм дательного падежа, единственного числа и мужского рода выражается морфемами *-e* и *-aya*, выбор одной из которых определяется проверкой предшествующего отрезка на «тип основы»; в) что в данном слове искомой морфеме предшествует элемент *-i*, определяющий выбор окончания *-e* и автоматическое преобразование *i* в *ay* перед этим окончанием. Таким образом, синтезируется форма дательного падежа единственного числа *agnāye*; с помощью правил такого же типа может быть синтезировано подавляющее большинство

именных форм, но иногда требуется и проверка на некоторые дополнительные признаки (односложность — многосложность, принадлежность к особой словарной группе и т. д.). Эти правила сочетаются с правилами, по которым может изменяться ударение и огласовка звукового отрезка, предшествующего флексии. Соответственно основы делят на три вида: сильные, слабые и средние, в связи с чем принято различать сильные, слабые и средние падежи. Сильными являются именительный падеж для всех чисел, кроме двойственного числа среднего рода, и винительный падеж для единственного и двойственного числа и для множественного числа среднего рода. Сильные падежи характеризуются тем, что ударение падает на основу, в связи с чем она обычно не редуцируется. К слабым падежам, в которых ударение может падать на окончание и основа может быть в ступени редукции, относятся все остальные падежи единственного числа, а также родительный-местный падеж двойственного числа, родительный падеж множественного числа всех родов, винительный падеж множественного числа мужского и женского и именительный и винительный падежи двойственного числа среднего рода. Все остальные падежи считаются средними; в них отсутствует закономерная связь между ударением и степенью огласовки. В парадигмах с колонным ударением такое подразделение падежей может стираться.

Строение конкретных именных парадигм определяется подобными правилами, по которым синтезируются формы, входящие в данные парадигмы, и ограничениями, накладываемыми на морфологическое выражение граммем в парадигмах. От этих ограничений зависят различные случаи нейтрализации противопоставлений граммем одной категории внутри парадигмы. Поэтому реально в парадигмах часто находят выражение не все возможные различия между граммемами имени, а лишь некоторые из них, хотя в определенных случаях обнаруживается максимально полный набор этих различий.

В пределах категории рода различия между всеми тремя граммемами (мужского, женского и среднего рода) представлены обычно в форме именительного падежа единственного числа (т. е. когда граммема того или иного рода выражается морфемой, одновременно выражающей граммему именительного падежа и граммему единственного числа), а также в форме именительного-винительного падежа двойственного числа типа основ на *a*. В косвенных падежах единственного числа (от винительного до местного включительно) сохраняется только различие между граммемой женского рода и нефеминальной архиграммемой, в кото-

рую объединяются грамемы мужского и среднего рода. В формах именительного падежа множественного числа типа основ на *a*, а также в форме именительного падежа двойственного числа типа основ на *i* и *u* и в форме именительного-винительного падежа двойственного числа типа основ на *i*, *u* сохраняется только различие между граммемой среднего рода и архиграммемой, в которой нейтрализовались различия между мужским и женским родом, т. е. между одушевленными родами. Во многих других формах, в частности в формах косвенных падежей множественного и двойственного числа, нейтрализуются различия между граммемами всех трех родов. Следовательно, возможны четыре типа противопоставлений граммем рода (М — мужского, С — среднего, Ж — женского) в именных формах (см. табл. 9).

Таблица 9

Схема нейтрализации противопоставлений граммем рода

Тип I

С	М	Ж
---	---	---

Тип II

С — М	Ж
-------	---

Тип III

С	М — Ж
---	-------

Тип IV

С — М — Ж

Меньшая грамматическая обязательность категории рода по сравнению с другими категориями имени обнаруживается не только в том, что во многих именных формах нейтрализуются родовые различия, но и в том, что образование различных форм рода от одной и той же основы регулярно встречается только у прилагательных и некоторых местоимений, а также в отдельных типах существительных, тогда как в других типах родовые различия сопряжены со словообразовательными и чисто лексическими.

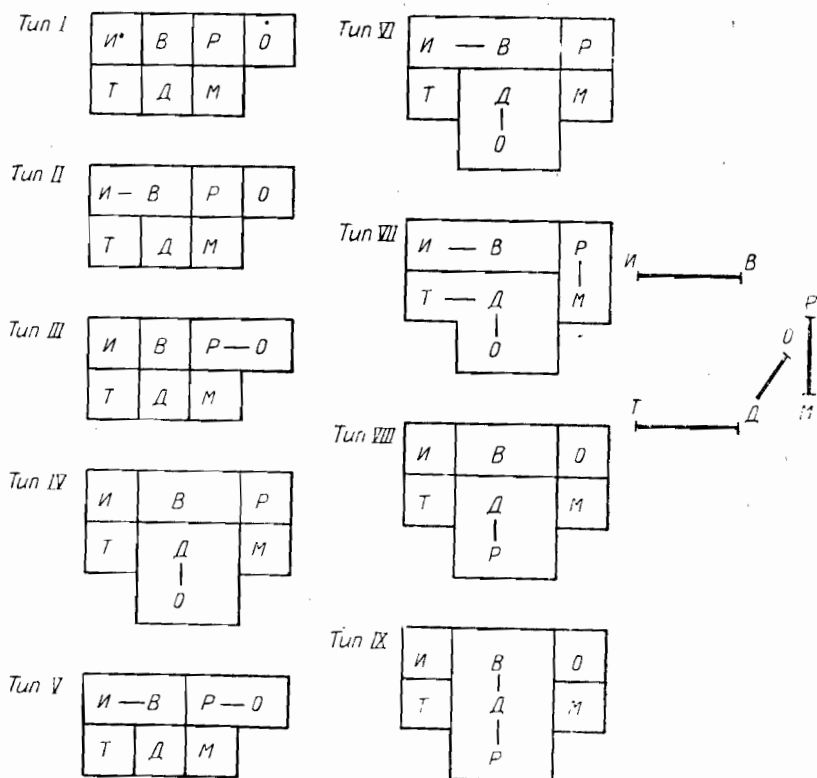
В пределах категории числа различия между всеми тремя граммемами выражаются в подавляющем большинстве именных парадигм. случаев нейтрализации различий по числам в классическом санскрите, по-видимому, нет. Имеются лишь отдельные дефектные парадигмы, в которых представлены

только формы какого-либо одного числа: единственного (тип числительного *tráyas* 'три'), двойственного (тип числительного *dvá* 'два'), множественного (тип существительного *apaḥ* 'воды').

В пределах категории падежа различия между всеми семью граммемами выражаются только в одном типе имен существительных и прилагательных, который является, однако, наиболее продуктивным: в парадигме единственного числа мужского рода основ на *a*. Все эти различия выражаются также в парадигмах некоторых личных местоимений (*ahám* 'я', *tvám* 'ты', *vayám* 'мы', *yūyám* 'вы') и в парадигме единственного числа мужского рода некоторых указательных местоимений — *sás/sá*, *ayám*, *asáu* (см. табл. 10, тип 1).

Таблица 10

Схема нейтрализации противопоставлений граммем падежа

Противопоставление по направленности между именительным и винительным падежами снимается в парадигме единственного числа имен среднего рода на *u*, а также в парадигме указательных местоимений *tad*, *idám*, *adás* (см. табл. 10, тип. II).

Противопоставление по направленности между родительным и отложительным падежами снимается в очень большом числе именных парадигм единственного числа одушевленных родов (типа парадигм единственного числа женского рода основ на *ā*, единственного числа одушевленных родов основ на *i* и *u*, единственного числа основ женского рода на *ī* и *ū*, единственного числа одушевленных родов основ на дифтонг; а также в ряде других парадигм единственного числа основ на сонант или согласный). Такая же нейтрализация обнаруживается в парадигме единственного числа женского рода указательных местоимений *sā*, *iyám*, *asāu* (см. табл. 10, тип. III).

Противопоставление по объемности между дательным и отложительным падежами снимается в целом ряде парадигм множественного числа одушевленных родов (в основах на *a*, *i*, *u*, *ī*, *ū*, на дифтонги, согласные, сонанты), а также в парадигмах единственного числа числительных *trāyas* 'три' (муж. р.) и *ca vā·as* 'четыре' (муж. р.) и множественного числа указательных местоимений мужского рода *té*, *imé*, *amī* (см. табл. 10, тип IV).

Комбинация II и III типов образует тип V (см. табл. 10, тип V), характеризуемый одновременной нейтрализацией двух противопоставлений по направленности (в именительном и винительном, в родительном и отложительном падежах). Этот тип представлен в парадигмах единственного числа среднего рода основ на *i*, *u*, другие сонанты и на согласный, а также в парадигмах множественного числа указательных местоимений *imāni* (ср. р.) и *imās* (жен. р.).

Комбинация II и IV типов образует тип VI (см. табл. 10, тип VI), характеризуемый одновременной нейтрализацией противопоставлений между именительным и винительным и между дательным и отложительным падежами. Этот тип представлен в парадигмах множественного числа основ среднего рода на *a*, *i*, *u*, другие сонанты и на согласный, а также в парадигмах множественного числа основ женского рода на *ā*, *ī*, *ū*, на дифтонги. К этому же типу принадлежат парадигмы числительных *trīni* (ср. р.), *is·ās* (жен. р.) 'три', *catvā·i* (ср. р.), *cātas·as* (жен. р.) 'четыре', *ṣaṭ* 'шесть' и парадигмы множественного числа указатель-

ных местоимений *tām* (ср. р.), *tās* (жен. р.), *amāṇi* (ср. р.), *amās* (жен. р.).

Особый (VII) тип редукции семичленной падежной системы представляет трехчленная парадигма двойственного числа, в которой сняты противопоставления между именительным и винительным, между родительным и местным, между творительным, дательным и отложительным падежами (см. табл. 10, тип VII). Возможность такого преобразования падежной системы санскрита подтверждает наличие в ней именно тех соотношений, которые изображены ориентированным графом (см. табл. 8, г).

К этому типу принадлежат парадигмы всех существительных и местоимений в двойственном числе, а также парадигма числительного *dvāu* 'два'.

Исключительные случаи представляют собой парадигмы многих местоимений, образованные супплетивным смешением полных и энклитических форм. В таких парадигмах личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа представлен тип VIII (см. табл. 10, тип VIII), характеризующийся снятием различий между дательным и родительным падежами.

В типе IX (см. табл. 10, тип IX) снимается различие между винительным, дательным и родительным падежами; этот тип представлен в парадигмах личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа, образованных супплетивным смешением полных и энклитических форм.

От перечисленных типов редукции семичленной падежной системы отличаются те изолированные случаи, когда в дефектной парадигме — в частности, при склонении указательных местоимений — выражены лишь отдельные граммы падежей: грамма винительного и творительного падежей (вин. п. *enam*, *enad*, *enāt*, творит. п. *enera*, *enauā*), граммы винительного и родительного-местного падежей (в двойственном числе тех же местоимений), грамма винительного падежа (во множественном числе тех же местоимений).

Совсем особняком стоят такие случаи, когда имя употребляется только в одной форме, выступающей в функции различных падежей (*svar-* 'солнце', 'небо' и некоторые другие имена такого же типа, в классическом санскрите крайне немногочисленные).

Для выражения различий между сочетанием граммем имени в парадигмах существительных и прилагательных в санскрите используется 51 флексия; некоторые из этих флексий омонимичны. Каждому сочетанию граммем может соответствовать несколько флексий и обратно: каждой флексии может соответствовать несколько различных сочетаний граммем (см.

табл. 11). Выбор конкретной флексии из нескольких возможных для выражения данного сочетания граммем определяется характером предшествующего звукового отрезка (типа основы).

Таблица 11

Флексии существительных

Сочетания граммем	Граммема			Флексии и их номера
	падеж	род	число	
I	И	М	Е	№ 1 (-s), № 2 (0)
II	ИН	Ж	Е	№ 1 (-s), № 2 (0)
III	И	С	Е	№ 3 (-m), № 2 (0)
IV	В	М	Е	№ 4 (-am), № 3 (-m)
V	В	Ж	Е	№ 4 (am), № 3 (-m)
VI	В	С	Е	№ 3 (-m), № 2 (0)
VII	Т	М	Е	№ 5 (-ā), № 6 (-nā), № 7 (-ina)
VIII	Т	Ж	Е	№ 5 (-ā), № 8 (-yā)
IX	Т	С	Е	№ 5 (-ā), № 6 (-nā), № 7 (-ina)
X	Д	М	Е	№ 9 (-e), № 10 (-aya)
XI	Д	Ж	Е	№ 9 (-e), № 11 (-yāi), № 12 (-āi)
XII	Д	С	Е	№ 9 (-e), № 10 (-aya), № 13 (-ne)
XIII	О	М	Е	№ 14 (-as), № 15 (-ad), № 16 (0), № 17 (-s)
XIV	О	Ж	Е	№ 14 (-as), № 16 (0), № 19 (-yās), № 20 (-ās)
XV	О	С	Е	№ 14 (-as), № 15 (-ad), № 18(-nas), № 17 (-s)
XVI	Р	М	Е	№ 14 (-as), № 16 (0), № 17 (-s), № 21 (-sya)
XVII	Р	Ж	Е	№ 14 (-as), № 16 (0), № 19 (-yās), № 20 (-ās)
XVIII	Р	С	Е	№ 14 (-as), № 17 (-s), № 18 (-nas), № 21 (sya)
XIX	М	М	Е	№ 22 (-i), № 23 (-e), № 24 (-au) № 29 (0)
XX	М	Ж	Е	№ 22 (-i), № 25 (-yām), № 26 (-ām)
XXI	М	С	Е	№ 22 (i), № 23 (-e), № 27 (-ni)
XXII	И-В	М	Д	№ 28 (au), № 31 (0)
XXIII	И-В	Ж	Д	№ 28 (-au), № 30 (-e), № 31 (0)
XXIV	И-В	С	Д	№ 32 (-ī), № 33 (-nī), № 30 (-e)
XXV	Т-Д-О	М	Д	№ 34 (-bhyām)
XXVI	Т-Д-О	Ж	Д	№ 34 (-bhyām)
XXVII	Т-Д-О	С	Д	№ 34 (-bhyām)
XXVIII	Р-М	М	Д	№ 35 (-os), № 35a (-s), № 36 (-yos)
XXIX	Р-М	Ж	Д	№ 35 (-os), № 35a (-s), № 36 (-yos)
XXX	Р-М	С	Д	№ 35 (-os), № 37 (-nos), № 36 (-ayos)
XXXI	И	М	М	№ 38 (-as)
XXXII	И	Ж	М	№ 38 (-as), № 39 (-s)
XXXIII	И	С	М	№ 40 (-i), № 41 (-ni)
XXXIV	В	М	М	№ 38 (-as), № 42 (-n)
XXXV	В	Ж	М	№ 38 (-as), № 43 (-s)
XXXVI	В	С	М	№ 40 (-i), № 41 (-ni)
XXXVII	Т	М	М	№ 44 (-bhis), № 45 (-is)
XXXVIII	Т	Ж	М	№ 44 (-bhis)
XXXIX	Т	С	М	№ 44 (-bhis), № 45 (-is)
XL	Д	М	М	№ 46 (-bhyas), № 47 (-ibhyas)
XLI	Д	Ж	М	№ 46 (-bhyas)

Сочетания граммем	Граммема			Флексии и их номера
	падеж	род	число	
XLII	Д	С	М	№ 46 (- <i>bhyas</i>), № 47 (- <i>ibhyas</i>)
XLIII	О	М	М	№ 46 (- <i>bhyas</i>), № 47 (- <i>ibhyas</i>)
XLIV	О	Ж	М	№ 46 (- <i>bhyas</i>)
XLV	О	С	М	№ 46 (- <i>bhyas</i>), № 47 (- <i>ibhyas</i>)
XLVI	Р	М	М	№ 48 (- <i>ām</i>), № 49 (- <i>nām</i>)
XLVII	Р	Ж	М	№ 48 (- <i>ām</i>), № 49 (- <i>nām</i>)
XLVIII	Р	С	М	№ 48 (- <i>ām</i>), № 49 (- <i>nām</i>)
XLIX	М	М	М	№ 50 (- <i>su</i>), № 51 (- <i>iṣu</i>)
L	М	Ж	М	№ 50 (- <i>su</i>)
LI	М	С	М	№ 50 (- <i>su</i>), № 51 (- <i>iṣu</i>)

Для выражения сочетания граммем I (номера сочетаний граммем и номера флексии указаны в табл. 11) нулевая флексия № 2 выбирается в тех случаях, когда основа кончается на согласный (включая носовой) или на *r* (при этом носовой или *r* основы исчезает, а предшествующий ему гласный выступает как долгий); в остальных случаях выбирается флексия № 1. Для сочетания граммем II флексия № 1 выбирается для основ на *i* и *u* или на дифтонг и для односложных основ на долгий *ā*, *ī*, *ū*; в остальных случаях используется нулевая флексия (№ 2). Для сочетаний граммем III и VI флексия № 3 выбирается для основ на *a*; во всех остальных случаях используется нулевая флексия № 2 (если при этом основа кончается на *n*, то *n* основы исчезает). Для сочетаний граммем IV и V флексия № 4 выбирается для основ на согласный и на *r*; в остальных случаях — флексия № 3. Для сочетаний граммем VII и IX флексия № 7 выбирается для основ на *a* (при этом по правилам сандхи *a+ina* дает *ena*). Флексия № 5 для сочетания VII используется при основах на согласный и на *r*; для сочетания IX — только при основах на согласный. Для сочетаний VII и IX флексия № 6 используется во всех остальных случаях, не предусмотренных указанными правилами. Для сочетания VIII флексия № 8 употребляется лишь при основах на *ā*, при остальных — флексия № 5. Для сочетаний X и XII флексия № 10 используется в основах на *a*; флексия № 9 используется для сочетания X во всех остальных случаях, а для сочетания XII — только в основах на согласный. При всех других основах для сочетания XII используется флек-

сия № 13. Для сочетания XI флексия № 11 выбирается при основах на *ā*, флексия № 12—в основах на *ǣ* краткое и долгое и на *ī* краткое и долгое; флексия № 9—в остальных основах. Для сочетаний XIII и XV флексия № 15, а для сочетаний XVI и XVIII флексия № 21 выбирается в основах на *a*; для тех же сочетаний (XIII, XV, XVI, XVIII) в основах на *i* и *u* выбирается флексия № 17. Для сочетаний XIII и XIV, а также для сочетаний XVI и XVII нулевая флексия № 16 выбирается при основах на *r* (при этом последний отрезок перед флексией выступает в виде *-ur*). Для сочетаний XIII, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII флексия № 14 выбирается при основах на согласный. Для сочетаний XV и XVIII флексия № 18 используется при основах на сонанты *r*, *u*, *i*. Для сочетаний граммем XIV и XVII флексия № 19 выбирается при основах на *ā*, а флексия № 20—при основах на *ǣ* краткое и долгое и на *ī* краткое и долгое.

Для сочетаний граммем XIX и XXI флексия № 23, а для сочетаний XX—флексия № 25 выбираются соответственно при основах на *ǣ* краткое и долгое. Для сочетания XIX флексия № 24 выбирается при основах на *i*, а нулевая—№ 29—при основах на *u*, причем исход слова в обоих случаях формально совпадает. Для сочетаний XIX и XX флексия № 22 выбирается при основах на согласный и на *r*, а для сочетания XXI—только при основах на согласный. Для сочетания XX флексия № 26 выбирается при основах на *ī* и *ǣ* краткое и долгое. Для сочетания XXI флексия № 27 выбирается в основах на сонанты *r*, *u*, *i*.

Для сочетания XXII флексия № 31 выбирается при основах на *i* и *u*; во всех остальных случаях выбирается флексия № 28. Для сочетания XXIII флексия № 31 используется при основах на *ī* краткое и на *ǣ* краткое и долгое, флексия № 28—при основах на согласный и на *r*, а также в основах на *ī* долгое, где она формально совпадает с нулевой флексией № 31 от основ на *u*; в основах на *ā* долгое употребляется флексия № 30. Для сочетания XXIV флексия № 30 выбирается при основах на *a*; флексия № 33—при основах на сонанты *r*, *u*, *i*; флексия № 32—в основах на согласный. Для сочетаний XXV, XXVI, XXVII при всех типах основ используется только флексия № 34.

Для сочетаний XXVIII, XXIX, XXX флексия № 36 выбирается при основах на *ǣ* краткое и долгое. Для сочетания XXVIII флексия № 35 выбирается при основах на согласный, на сонанты *r* и *i*, флексия № 35а, формально совпадающая с флексией № 35, используется при основах на *u*. Для сочетания XXIX флексия № 35а

используется при основах на *й* краткое и долгое; флексия № 35—при основах на согласный и на сонанты *r* и *ʕ* долгое и краткое. Для сочетания XXX флексия № 37 используется при основах на сонанты *r*, *u*, *i*, флексия № 35—при основах на согласный.

Для сочетания XXXI флексия № 38 используется при всех типах основ, но при основах на *a* по правилам сандхи она сливается с предшествующим основообразующим элементом в *ās* (из *a+as*). Для сочетания XXXII флексия № 39 выбирается при основах на *ā* долгое, флексия № 38—во всех остальных. Для сочетаний XXXIII и XXXVI флексия № 40 выбирается в основах на согласный, флексия № 41 — во всех остальных (при этом в основах на *a* ей предшествует долгий гласный *ā*). Для сочетаний XXXIV и XXXV флексия № 38 используется при основах на согласный; при всех остальных типах основ для сочетания XXXIV используется флексия № 42 (при основах на *a*, *i*, *u* ей предшествует соответствующий долгий гласный или сонант), для сочетания XXXV — флексия № 43. Для сочетаний XXXVII и XXXVIII флексия № 45 используется только при основах на *a*, где ей предшествует долгий *ā*; при всех остальных основах для этих сочетаний, а также для сочетания XXXVIII во всех основах без исключения, используется флексия № 44. Для сочетаний XL, XLII, XLIII и XLV флексия № 47 используется только в основах на *a*, причем *a + ibhyas* дает *ebhyas*; при всех остальных основах для этих сочетаний, а также при всех без исключения основах для сочетаний XLI и XLIV используется флексия № 46. Для сочетаний XLVI, XLVII, XLVIII флексия № 48 используется только при основах на согласный, при всех остальных основах выбирается флексия № 49, причем предшествующий гласный или сонант становится долгим. Для сочетаний XLIX и LI флексия № 51 выбирается только при основах на *a*; при всех остальных типах основ для этих сочетаний, а также при всех без исключения основах для сочетания L используется флексия № 50.

Звательная форма, которая, как указывалось выше, стоит в особом отношении к граммам падежей, для подавляющего большинства основ не имеет специальных флексий. Во множественном и двойственном числе, а также в ряде основ в единственном числе она обычно совпадает с формами именительного падежа соответствующего числа; в единственном числе только в основах на *ā* звательная форма имеет особую ненулевую флексию (*-i*, дающее *e* по правилам сандхи); в некоторых других основах звательная форма различается либо переносом ударения к началу слова, либо ступенью основообразующего гласного элемента.

Склонение местоимений существенно отличается от склонения имен как таковых, во-первых, супплетивизмом (им. пад. *aḥam* 'я', при вин. пад. ед. ч. *mām*, им.-вин. пад. дв. ч. *āvām* им. пад. мн. ч. *vayām*, им. пад. ед. ч. муж. р. от указательного местоимения *sās*, *sá*, при этом вин. пад. ед. ч. муж. р. *tām*, им. пад. ед. ч. ср. р. *tād* и др.); во-вторых, рядом особых флексий, специфичных только для отдельных слов или малочисленных групп слов; в-третьих, появлением перед окончаниями особых элементов, в частности элемента *-sm-* перед флексиями косвенных падежей; в-четвертых, отмечающимся выше сочетанием полных и энклитических форм.

Принципы санскритского склонения можно пояснить на примере некоторых именных парадигм. Наиболее продуктивный (тематический) тип имен существительных мужского рода на *a* (например, *deva-* 'бог' — см. табл. 12, а) характеризуется выбором флексии для сочетания граммем: № 1 — для I, № 3 — для IV, № 7 — для VII, № 10 — для X, № 15 — для XIII, № 21 — для XVI, № 22 — для XIX, № 28 — для XXII, № 34 — для XXV, № 36 — для XXVIII, № 38 — для XXXI, № 42 — для XXXIV, № 45 — для XXXVII, № 47 — для XL и XLIII, № 49 — для XLVI, № 51 — для XLIX. Ударение в этой парадигме в падежных формах (но не в звательной) падает всегда на второй слог, считая от начала слова. Деление на сильные, слабые и средние падежи для такой парадигмы не имеет значения.

Таблица 12

Парадигмы склонения существительных и местоимений

а) Парадигма склонения тематического имени существительного

I	<i>devās</i>	XXII	<i>devāu</i>	XXXI	<i>devās</i>
IV	<i>devām</i>	XXV	<i>devābhyām</i>	XXXIV	<i>devān</i>
VII	<i>devēna</i>	XXXVIII	<i>devāyos</i>	XXXVII	<i>devāis</i>
X	<i>devāya</i>			XL, XLIII	<i>devēbhyas</i>
XIII	<i>devād</i>			XLVI	<i>devānām</i>
XVI	<i>devāsya</i>			XLIX	<i>devēṣu</i>
XIX	<i>devé</i>				
Зват. форма ед. ч.	<i>dēva</i>			Зват. форма мн. ч.	<i>dēvās</i>

б) Парадигма склонения атематического имени существительного

II	<i>vāk</i>	XXIII	<i>vācau</i>	XXXII	} <i>vācas</i> } <i>vācas</i> } <i>vācās</i>
V	<i>vācam</i>	XXVI	<i>vāgbhyām</i>	(XXXV	
VIII	<i>vācā</i>	XXIX	<i>vācōs</i>	XXXVIII	
XI	<i>vācē</i>			XLI, XLIV	<i>vāgbhyās</i>
XIV, XVII	<i>vācās</i>			LXVII	<i>vācām</i>
XX	<i>vācī</i>			L	<i>vākṣū</i>

в) Парадигма склонения личного местоимения

I, II	<i>ahām</i>	XXII, XXIII	<i>āvām</i>	XXXI, XXXII	<i>vayām</i>
IV, V	<i>mām</i>	XXV, XXVI	<i>āvābhyām</i>	XXXIV, XXXV	<i>asmān</i>
VII, VIII	<i>māyā</i>	XXVIII, XXIX	<i>āvāyos</i>	XXXVII, XXXVIII	
				<i>asmābhis</i>	
X, XI	<i>māhyam</i>			XL, XLI	<i>asmābhyam</i>
XIII, XIV	<i>mād</i>			XLIII, XLIV	<i>asmād</i>
				XLVI, XLVII	<i>asmākam</i>
XVI, XVII	<i>māma</i>				
XIX, XX	<i>mayī</i>			XLIX, XL	<i>asmāsu</i>

Характерным образцом атематического склонения основы на согласный может быть парадигма существительного *vāk* 'речь', 'голос' (см. табл. 12,б). Эта парадигма характеризуется выбором флексий для сочетания граммем: № 2 — для II, № 4 — для V, № 5 — для VIII, № 9 — для XI, № 14 — для XIV и XVII, № 22 — для XX, № 28 — для XXIII, № 34 — для XXVI, № 35 — для XXIX, № 38 — для XXXII и XXXV, № 44 — для XXXVIII, № 46 — для XLI и XLIV, № 48 — для XLVII, № 50 — для L. Ударение в сильных падежах и в одной из двух возможных форм винительного падежа множественного числа падает на основу, в слабых и средних падежах — на окончание.

В качестве примера склонения личных местоимений можно привести парадигму местоимения 1-го лица (см. табл. 12,в). Здесь примечательно противопоставление основ именительного падежа единственного и множественного числа основам косвенных падежей тех же чисел и основе двойственного числа; таким образом, парадигма строится из пяти основ, в чем и проявляется характерный для местоименного склонения супплетивизм. Пятая основа, от которой образуются косвенные падежи множественного числа, отличается наличием перед окончанием элемента *-m-*, специфического для местоимений. Некоторые окончания в этой местоименной парадигме могут быть соотнесены с соответствующими именными флексиями: для сочетаний граммем IV и V использована флексия № 3, для VII и VIII — флексия № 8, для XIII и XIV, а также для XLIII и XLIV выбрана флексия, формально близкая к именной флексии № 15, для XIX и XX использована флексия № 22; для XXV и XXVI выбрана флексия № 34, для XXVIII и XXIX — № 36, для XXXIV и XXXV — № 42, для XXXVII и XXXVIII — № 44, для XLIX и XL — № 50.

Таким образом, специфическими для личных местоимений являются формы именительного падежа всех трех чисел, дательного падежа единственного и множественного числа и родительного падежа единственного и множественного числа.

Замечания исторического характера к описанию морфологии имени

Внутренний исторический анализ системы санскритского именного склонения при учете фактов других индоевропейских языков позволяет считать, что этой системе с чрезвычайно большим числом возможных комбинаций граммем, выражаемым меньшим числом флексий, предшествовала система со значительно более ограниченным числом комбинаций. По-видимому, это объясняется увеличением числа самих граммем в процессе эволюции индоевропейского диалекта, развившегося в древнеиндийский.

Уже из рассмотрения случаев нейтрализации противопоставлений граммем рода в санскрите можно сделать вывод о том, что трехродовая система этого языка происходит из двухродовой, следы которой наблюдаются в случаях нейтрализации различий между граммемами мужского и женского рода (см. табл. 9, тип III). Система различения граммем рода в санскрите, хотя и использует всего лишь два дифференциальных признака, является несимметричной, так как она содержит потенциально осуществимые, но нереализованные ячейки (см. табл. 8,а). Это можно объяснить тем, что противопоставление по феминальности возникло много позднее противопоставления по одушевленности. Данная гипотеза на почве санскрита подтверждается еще и целым рядом других аргументов, в том числе и тем, что различие всех трех родов наиболее четко представлено в самых поздних и продуктивных типах основ, в частности в классе прилагательных, который только начинал обособляться от существительных. Архаичные типы основ в ряде случаев не знают подобного различения. Словообразовательные способы выражения женского рода, в частности в основах на ларингальный, позднее превратившихся в основы на долгий гласный или сонант, развивались из словообразовательных типов, первоначально имевших другие значения: например, значение притяжательности в основах на *i* типа *rathī* 'принадлежащий к колеснице' от *ratha-* 'колесница' и значение собирательности в основах на *ā*.

В древнейших индийских текстах можно найти следы архаичных семантических различий между основами одушевленного рода, обозначающими активно действующие существа, и основами неодушевленного рода, обозначающими пассивные предметы. Одно и то же явление могло иметь два названия разного рода в зависимости от того, обозначалось ли оно (или предмет) как активное или как пассивное. Так, в примере из «Ригведы» (V, 45, 10) вода обозначается сначала словом сред-

него рода, а затем словом одушевленного (несреднего) рода в зависимости от значения, приобретаемого в контексте:

udnā nā nāvam anayanta dhāra

āśṅvatīr āpo ārvag atiṣṭhan

Когда мудрецы вели корабль по воде (*udnā* — ср. р.),

Послушные воды (*āpo* — неср. р.) остановились

Такая интерпретация противопоставления по одушевленности подтверждается употреблением названий одушевленного рода в качестве имен богов, например *agni* как название огня и как имя бога Агни.

Система различения граммем числа в санскрите содержит одну потенциально осуществимую, но не реализованную ячейку (см. табл. 8, б). Это нарушение симметрии можно объяснить происхождением трехчленной системы из двухчленной, в которой отсутствовало грамматическое противопоставление по признаку парности. Структура форм косвенных падежей двойственного числа указывает на их вторичное происхождение, не связанное первоначально с признаком парности. Показатель же *-u* во флексии № 28 может быть возведен к словообразовательному элементу, встречающемуся в названиях парных предметов типа древнеиндийского *jānu* 'колено'. Одинаковая во всех парадигмах группировка падежей двойственного числа также может указывать на поздний характер становления этой граммеы.

Если идти еще дальше в глубь истории индоевропейских диалектов, то можно выявить следы такого состояния, когда отсутствовала и граммема множественного числа и, следовательно, категория числа в целом. Об этом могли бы говорить и такие факты, как отсутствие специальных форм множественного числа у многих имен среднего рода, более прозрачные по сравнению с единственным числом единообразные принципы построения флексии множественного числа, относительная неполнота парадигм множественного числа по сравнению с единственным.

Семипадежная система санскритского имени, несомненно, является результатом ряда новообразований. Распределение падежей по разным типам основ показывает, что наиболее полная парадигма существует лишь у самого продуктивного типа основ на *a*. О позднем происхождении этой полной семипадежной парадигмы свидетельствует и анализ именных флексий. Прежде всего выделяются флексии творительного, дательного и отложительного падежей, построенные во множественном и двойственном числе на основе элемента *-bhi* (флексии № 34, 44, 46, 47), который происходит от безразличного к числу на-

речного элемента (на это указывают факты родственных языков, в частности греческого). Наименьшее формальное выражение имеет отложительный падеж, у которого специальная флексия употребляется только для основ на *a* (флексия № 15); для остальных основ в единственном числе флексии отложительного падежа совпадают с флексиями родительного падежа (флексии № 14, 16, 17, 18, 19, 20). Флексии дательного и местного падежей обнаруживают исключительное сходство между собой (ср. флексии № 9 и 23, 22 и т. д.); дополнительное распределение этих падежей в санскрите позволяет предполагать, что некогда они были вариантами одной грамматической единицы. Для местного падежа архаичных типов именных основ характерна нулевая флексия № 29; сравнение с другими языками подтверждает вывод о том, что исходной формой для дательного-местного падежа всех основ была форма с нулевой флексией; в частности к древним нулевым формам основ на *i* восходят флексии дательного и местного падежей № 9 и 22, 23. Результаты внутренней реконструкции и сравнительно-исторических исследований доказывают, что отложительный, творительный и дательный-местный падежи развивались из серии наречных образований в относительно поздний период.

Характерно, что в ведийском языке эти падежи образуют более поздний слой, противопоставленный группе именительного, винительного и родительного падежей. Эта последняя группа падежей представлена в ведийском в ряде архаичных основ, от которых не образуются падежи позднейшего происхождения. В ведийском винительный падеж имеет функции, которые позднее выполнялись косвенными падежами позднейшего происхождения. Именительный, винительный и родительный падежи образуют замкнутую группу, которая может исполнять практически все синтаксические функции существительного.

Система склонения, включающая именительный, винительный и родительный падежи, а также ряд наречных образований, еще не вошедших в парадигму, была отражена и в некоторых других индоевропейских диалектах. В свою очередь этой системе предшествовала другая, более древняя, в которой именительный падеж не противопоставлялся родительному. Об отсутствии такого противопоставления свидетельствует сходство флексий (№ 1 и 14, 17, 18, 19, а также № 21 — сложная по происхождению) и распределение функций этих двух падежей в тексте. В этой древней системе винительный падеж, т. е. падеж, отличный от именительного-родительного, не отличался от других косвенных; для древ-

нейшего периода различие этих двух падежей следует истолковывать как противопоставление неактивного (неэргативного) активному (эргативному).

В древнеиндийском следы древнейшей двухпадежной парадигмы имени сохранились (особенно в ведийском) в склонении некоторых архаичных типов имен, противопоставляющих основу именительного падежа основе косвенных падежей (ср. *ásrk* 'кровь' — род. п. *asnáh* и др.), а также в аналогичном противопоставлении основ местоимений.

Для исторического объяснения инвентаря именных флексий, помимо указанных выше общих тенденций развития именного склонения, следует иметь в виду многочисленные факты взаимовлияния разных типов основ. Наиболее сильное влияние на другие основы оказали основы на *-i*, воздействием которых объясняются флексии типа № 47 (при № 46, отличающемся только отсутствием *i*), и основы на *n-*, воздействием которых можно объяснить флексии типа № 41 (при № 40), № 33 (при № 32), № 27 (при № 22) и др.

Глагол

Класс глагола, в который входят личные формы и пограничные с классом имени неличные формы (инфинитив, причастные и абсолютные образования), характеризуются наличием следующих грамматических категорий, которые могут пересекаться одна с другой (см. табл. 13).

Таблица 13

Категории глагола
(по Jakobsonу)*

	Категории			
	предполагающие участника события		не предполагающие участника события	
	описывающая	связывающая	описывающая	связывающая
неподвижный определитель	(род) число	залог	вид	—
подвижный определитель	лицо	наклонение	время	—

* R. Jakobson, *Shifters, verbal categories and Russian verb*, Harvard, 1957.

Эти категории целесообразно разделить по следующим принципам. Прежде всего существенно деление на категории, в которых содержится информация об участнике события, в том числе и об участнике самого акта речи, и категории, не содержащие такой информации. Другим принципом деления категорий глагола является их классификация на описывающие (*designators*) и связывающие (*connectors*). Описывающей категорией называется такая, которая характеризует лишь одно сообщаемое явление: либо событие, либо его участников; связывающей категорией — такая, которая характеризует одно явление (событие или участника события) по отношению к другому явлению (событию или участникам события). Принцип классификации, который можно использовать не только для глагольных категорий, но и для различения имени и личных местоимений, основан на выделении тех категорий, значение которых нельзя определить без ссылки на самое сообщение. Такие категории называются подвижными определителями (*shifters*), так как значение изменяется в зависимости от конкретного речевого акта. В противоположность им неподвижные определители (*non-shifters*) не содержат ссылки на самое сообщение, поэтому их значение раз навсегда фиксировано и не меняется в зависимости от различных условий акта речи.

Категория рода обнаруживается лишь в тех неличных формах (а именно, в причастиях), которые, хотя и примыкают к глаголу, формально являются именными. Поэтому категория рода не относится к собственно глагольным.

Категория числа глагола образуется точно такими же противопоставлениями граммем, как и в имени. Но для глагола специфично то, что категория числа, как и категория рода в причастиях, содержит дополнительную ссылку на участника события.

Категория лица образуется противопоставлениями трех граммем (первого, второго и третьего лица) по двум дифференциальным признакам: по совпадению и несовпадению участника события с автором речи и по участию или неучастию в акте речи (см. табл. 14,а). Противопоставление по первому признаку имеет место только для граммем с положительным значением второго признака. В противопоставлении по участию и неучастию в акте речи немаркированной является граммама третьего лица.

Категория залога образуется противопоставлением двух граммем (активного и среднего залогов) по одному дифференциальному признаку: обращенности или необращенности события на субъекта — участника события (см. табл. 14,б). Зна-

Граммемы глагола

а) Граммемы лица

	Автор речи	Не автор речи
Участие в акте речи	1-е лицо	2-е лицо
Неучастие в акте речи	3-е лицо	

б) Граммемы залога

Необращенность на субъект	Активный залог
Обращенность на субъект	Средний залог

в) Граммемы наклонения

	Безусловность	Условность
Ненаправленность	изъявительное наклонение	желательное наклонение
Направленность	—	повелительное наклонение

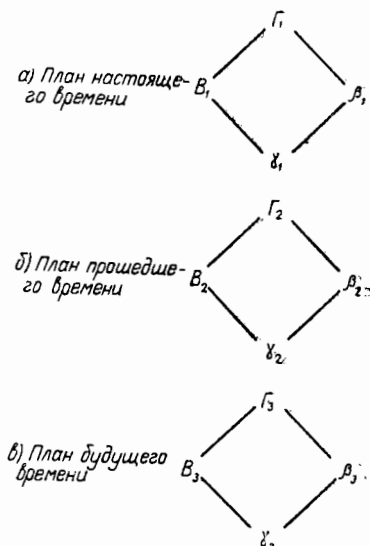
чение этого противопоставления раскрывается в индийских терминах, обозначающих средний (или медиальный) залог как *ātmanepada* — «слово (выражающее отношение) к самому себе», а активный залог как *parasmaipada* — «слово (выражающее отношение) к другому». Это противопоставление отчасти осложнялось наличием особой словообразовательной формы пассива, постепенно входившей в парадигму, хотя на ее образование были наложены значительные ограничения (она допускалась лишь в настоящем времени и в аористе изъявительного наклонения). В санскрите имелись также и другие, описательные способы обозначения пассивности, но и они не дают оснований для вывода о наличии особой граммемы пассивного залога.

Категория наклонения образуется противопоставлениями трех граммем (изъявительного, повелительного и желательного наклонений) по двум дифференциальным признакам (см. табл. 14,в). Один из этих признаков отличает граммему, выражающую безусловную связь события с его участником, от граммем, сигнализирующих условность этой связи. Второй дифференциальный признак различает граммему, характеризующуюся направленностью говорящего на участника события (в том числе и на участника речевого акта), от граммем, лишенных этого признака. Во всех этих противопоставлениях немаркированным является изъявительное наклонение. Различие между противопоставленными изъявительному наклонению желательным и повелительным в определенных контекстах, в частности в 3-м лице императива может устраняться. В ведийском существовала более сложная система, включавшая еще и сослагательное наклонение; однако в классическом санскрите от него остались лишь следы.

Для описания категорий времени и вида целесообразно пользоваться предложенной Ю. Куриловичем универсальной схемой (см. табл. 15), в которой для каждого вре-

Таблица 15.

Соотношение категорий времени и вида.
(по Куриловичу) *

* J. Kuryłowicz, *L'apophonie en indoeuropéen*; Wrocław, 1956.

мени учитываются следующие возможности: нейтральная в видовом отношении форма (Γ), имперфективная форма (B), перфективная форма (β), сложная форма, сочетающая имперфективность с перфективностью (γ). Так, в английском языке *I write*— Γ , *I am writing*— B , *I have written*— β , *I have been writing*— γ . В каждом языке может иметься по одному подобному ромбу для настоящего (см. табл. 15,а) и прошедшего (см. табл. 15,б) времени; целесообразно построить такой ромб и для будущего времени (см. табл. 15,в), хотя оно противопоставляется другим временам в несколько ином плане, чем эти последние друг другу.

В санскрите из этих двенадцати возможностей реализуются шесть, причем в функции Γ_1 и B_1 выступает настоящее время, в функции β_1 и β_2 —аорист, в функции γ_1 и γ_2 —перфект (ранее для γ_2 имелась особая форма плюсквамперфекта, исчезнувшая после ведийского периода), в функции Γ_2 и B_2 —имперфект, в функции Γ_3 и B_3 —будущее время, в функции β_3 и γ_3 —перифрастическое будущее, которое позднее приобретает несколько иное значение.

Таким образом, категории времени и вида образуются противопоставлениями шести граммем (настоящего времени, имперфекта, аориста, перфекта, будущего и перифрастического будущего времени) по трем дифференциальным признакам: перфективности-имперфективности, гипотетичности-негипотетичности (это противопоставление, близкое к противопоставлениям наклонений, позволяет различать граммы, выражающие ожидание, возможность, намерение, результат воспоминания, от граммем, относящихся к реальным событиям), претеритальности-непретеритальности (см. табл. 16). Последнее

Таблица 16

Граммемы вида и времени

	Перфективность	Имперфективность	
		непретеритальность	претеритальность
Негипотетичность	аорист	настоящее время	имперфект
	перфект		
Гипотетичность	будущее перифрастическое	будущее	

противопоставление различает граммы, указывающие на то, что описываемое событие предшествовало акту речи, от грамм, обозначающих совпадение во времени описываемого события с актом речи. Помимо указанных грамм, в некоторых санскритских текстах встречается редкое образование кондиционалиса, относящегося к формам, имеющим гипотетическое значение и близким к наклонению, но структурно связанным с будущим.

Описанные отношения характеризуют систему времен санскрита на наиболее раннем этапе истории этого языка; в дальнейшем произошли существенные изменения, в результате которых аорист и перфект почти полностью перешли в класс претеритальных времен. При этом внутри претеритальных времен едва ли можно говорить о грамматических различиях между имперфектом, аористом и перфектом. Если не считать некоторых архаизмов, сохранившихся в традиционных формулах, то можно сказать, что выбор одного из этих времен при повествовании определялся главным образом стилистическими требованиями. Самое существование трех различных претеритальных времен, слабо противопоставленных грамматически, может быть связано с особым характером санскрита как языка литературы. Показательно, что разные жанры санскритской литературы различались по использованию аориста и перфекта, а также позднее широко распространившегося перифрастического перфекта как стилистических факультативных вариантов основного претеритального времени — имперфекта.

Наряду с описанными собственно грамматическими категориями глагола в санскрите имелась группа полуграмматических категорий, выражавшихся довольно разветвленной системой форм, которые образовали особое производное спряжение. Помимо упомянутых выше форм пассива, к этому спряжению относились формы каузативных, деизидеративных и интенсивных глаголов. По способу выражения этих категорий их следует рассматривать скорее как словообразовательные, чем как морфологические.

Не все граммы глагола могут сочетаться одна с другой в конкретных формах. Основные ограничения сводятся к следующему.

Категория числа наличествует во всех глагольных формах, за исключением части неличных форм: число не выражено в инфинитивных и абсолютных образованиях; нейтрализация различий единственного и множественного числа имеет место в одной из форм повелительного наклонения. Категория лица не выражена в причастиях, инфинитивах и абсолютивах, кото-

рые тем самым выделяются в особый класс неличных форм; в ранних текстах встречаются случаи нейтрализации противопоставления 2-го и 3-го лица единственного числа. Категория залога не выражается только в абсолютных и инфинитивных формах, а также в 3-м лице всех чисел будущего перифрастического времени.

Сочетания граммем наклонения, вида и времени в санскрите подчиняются следующим ограничениям. В повелительном наклонении отсутствуют различия по виду и времени. Гипотетические граммемы, по своему значению близкие к граммемам наклонения, не могут сочетаться с этими последними. Из трех времен, выступающих в санскрите в качестве претеритальных, с граммемой желательного наклонения может сочетаться аорист в качестве претеритальной архиграммемы (см. табл. 17); пересечение граммем желательного наклонения и аориста называется прекативом.

Таблица 17

Соотношение граммем времени и наклонения

Наклонение / Время	Изъявительное	Желательное	Повелительное
Настоящее	+	+	-
Имперфект	+		-
Аорист	+	+	-
Перфект	+		-
Гипотетические	+	-	-

Граммемы наклонения не выражены в неличных формах. Граммемы вида и времени не выражены в инфинитивах и абсолютных; противопоставление имперфекта и аориста нейтрализуется в причастиях.

Чтобы синтезировать конкретную глагольную форму санскрита, надо располагать теми же видами информации, которые нужны для синтеза именных форм, т. е. информацией: 1) о правилах сочетания граммем; 2) о конкретных морфемах, выражающих данное сочетание граммем; 3) о виде отрезка, предшествующего этой конкретной морфеме, т. е. о типе основы, по которому определяется класс спряжения глагола. При комбинациях морфем в глагольных фор-

мах осуществляется перекодирование последовательности морфем по правилам сандхи.

Так же, как и в склонении имен существенно различие тематических основ (на *-a*) и атематических основ. Первые характеризуются колонным ударением и сохранением данного звукового вида корня во всех формах, тогда как вторые отличаются подвижным ударением (ударение на корне в формах единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения активного залога при ударении на окончании в формах двойственного и множественного числа тех же категорий и т. п.). С изменением места ударения связано изменение огласовки основы в атематических глаголах. По месту ударения на корне или основе и по виду нередуцированной основы выделяются сильные формы (формы единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения; единственного числа имперфекта изъявительного наклонения; 1-го лица единственного, двойственного и множественного числа активного и среднего залога повелительного наклонения; 3-го лица единственного числа активного залога повелительного наклонения); прочие формы являются слабыми. Это деление имеет значение для части глаголов.

Для выражения 162 сочетаний граммем, образующих парадигму глагола в санскрите, используется 105 флексий (см. табл. 18), которые могут в ряде форм комбинироваться с выражающими те же граммеы морфемами, находящимися в отрезке, предшествующем флексии — непосредственно или на расстоянии, но в пределах того же слова.

При образовании имперфекта (сочетания граммем XIX—XXXVI), помимо флексий №№ 22—42, используется морфема № 106 (*a-*), называемая аугментом; аугмент помещается перед корнем во всех формах имперфекта. Тот же аугмент выступает во всех формах аориста (сочетания граммем XXXVII—LV); кроме того, в большей части форм аориста (так называемых сигматических) перед флексией имеется особая морфема: № 107 (*-s-*), 108 (*-iṣ*) или 109 (*-siṣ*). В формах желательного наклонения (сочетания граммем CIX—CXXVI) перед флексиями имеется особая морфема № 110 (*-i-*) с алломорфом № 110a (*-yā-*). В прекативе (аорист желательного наклонения, сочетания граммем CXXVII—CXLIV) перед флексиями имеется сочетание морфемы № 110 (с ее алломорфом № 110a во всех сочетаниях граммем, в которых участвует граммама активного глагола) с морфемой № 107 или морфемы № 108 с морфемой № 110 (в среднем залоге прекатива). Эти сочетания морфем предшествуют флексии во всех формах прекатива, кроме тех, которые выражают сочетания граммем CXXXVI, CXXXIX,

Таблица флексий глагола
(личные формы)

№ сочетания граммем	Граммемы					Флексии и их номера
	лицо	число	время	наклонение	зачлог	
I	1	Е	Н	И	А	№ 1 (-mi)
II	2	Е	Н	И	А	№ 2 (-si)
III	3	Е	Н	И	А	№ 3 (-ti)
IV	1	Д	Н	И	А	№ 4 (-vas)
V	2	Д	Н	И	А	№ 5 (-thas)
VI	3	Д	Н	И	А	№ 6 (-tas)
VII	1	М	Н	И	А	№ 7 (-mas)
VIII	2	М	Н	И	А	№ 8 (-tha)
IX	3	М	Н	И	А	№ 9 (-nti), № 10 (-anti), № 11 (-ati)
X	1	Е	Н	И	С	№ 12 (-e)
XI	2	Е	Н	И	С	№ 13 (-se)
XII	3	Е	Н	И	С	№ 14 (-te)
XIII	1	Д	Н	И	С	№ 15 (-vahe)
XIV	2	Д	Н	И	С	№ 16 (-āthe), № 68 (ithe)
XV	3	Д	Н	И	С	№ 17 (-āte), № 69 (-ite)
XVI	1	М	Н	И	С	№ 18 (-mahe)
XVII	2	М	Н	И	С	№ 19 (-dhve)
XVIII	3	М	Н	И	С	№ 20 (-nte), № 21 (-ate)
XIX	1	Е	И	И	А	№ 22 (-m), № 23 (-am)
XX	2	Е	И	И	А	№ 24 (-s)
XXI	3	Е	И	И	А	№ 25 (t)
XXII	1	Д	И	И	А	№ 26 (-va)
XXIII	2	Д	И	И	А	№ 27 (-tam)
XXIV	3	Д	И	И	А	№ 28 (-tām)
XXV	1	М	И	И	А	№ 29 (-ma)
XXVI	2	М	И	И	А	№ 30 (-ta)
XXVII	3	М	И	И	А	№ 31 (-n), № 32 (-an), № 50 (-ur)
XXVIII	1	Е	И	И	С	№ 33 (-i)
XXIX	2	Е	И	И	С	№ 34 (-thās)
XXX	3	Е	И	И	С	№ 35 (-ta)
XXXI	1	Д	И	И	С	№ 36 (-vahi)
XXXII	2	Д	И	И	С	№ 37 (-āthām), № 53 (-ithām)
XXXIII	3	Д	И	И	С	№ 38 (-ātām)
XXXIV	1	М	И	И	С	№ 39 (-mahī)
XXXV	2	М	И	И	С	№ 40 (-dhvam)
XXXVI	3	М	И	И	С	№ 41 (-ata), № 42 (-nta)
XXXVII	1	Е	А	И	А	№ 22 (m), № 23 (-am)
XXXVIII	2	Е	А	И	А	№ 24 (-s), № 43 (-as)
XXXIX	3	Е	А	И	А	№ 25 (-t), № 44 (-at)
XL	1	Д	А	И	А	№ 26 (-va), № 45 (-āva)
XLI	2	Д	А	И	А	№ 27 (-tam), № 46 (-atam)
XLII	3	Д	А	И	А	№ 28 (-tām), № 47 (-atām)
XLIII	1	М	А	И	А	№ 29 (-ma), № 48 (-āmā)

№ счета- ния грам- мем	Граммемы					Флексии и их номера
	ли- цо-	чис- ло	вре- мя	на- кло- не- ние	за- лог	
XLIV	2	М	А	И	А	№ 30 (- <i>ta</i>), № 49 (- <i>ata</i>)
XLV	3	М	А	И	А	№ 31 (- <i>n</i>), № 32 (- <i>an</i>), № 50 (- <i>ur</i>)
XLVI	1	Е	А	И	С	№ 33 (- <i>i</i>)
XLVII	2	Е	А	И	С	№ 34 (- <i>thās</i>), № 51 (- <i>athās</i>)
XLVIII	3	Е	А	И	С	№ 35 (- <i>ta</i>), № 52 (- <i>ata</i>)
XLIX	1	Д	А	И	С	№ 36 (- <i>vali</i>), № 53 (- <i>avahi</i>)
L	2	Д	А	И	С	№ 37 (- <i>āthām</i>), № 53 (- <i>ithām</i>)
LI	3	Д	А	И	С	№ 38 (- <i>ātām</i>), № 54 (- <i>itām</i>)
LII	1	М	А	И	С	№ 39 (- <i>mahi</i>), № 55 (- <i>āmahi</i>)
LIII	2	М	А	И	С	№ 40 (- <i>dhvam</i>), № 56 (- <i>adhvam</i>)
LIV	3	М	А	И	С	№ 42 (- <i>nta</i>), № 57 (- <i>anta</i>), № 41 (- <i>ata</i>)
LV	1	Е	П	И	А	№ 58 (- <i>a</i>), № 58a (- <i>au</i>)
LVI	2	Е	П	И	А	№ 59 (- <i>tha</i>), № 59a (- <i>itha</i>)
LVII	3	Е	П	И	А	№ 60 (- <i>a</i>)
LVIII	1	Д	П	И	А	№ 61 (- <i>va</i>), № 61a (- <i>iva</i>)
LIX	2	Д	П	И	А	№ 62 (- <i>athur</i>)
LX	3	Д	П	И	А	№ 63 (- <i>atur</i>)
LXI	1	М	П	И	А	№ 64 (- <i>ma</i>), № 61a (- <i>ima</i>)
LXII	2	М	П	И	А	№ 65 (- <i>a</i>)
LXIII	3	М	П	И	А	№ 50 (- <i>ur</i>)
LXIV	1	Е	П	И	С	№ 12 (- <i>e</i>)
LXV	2	Е	П	И	С	№ 13 (- <i>se</i>), № 13a (- <i>iṣe</i>)
LXVI	3	Е	П	И	С	№ 66 (- <i>e</i>)
LXVII	1	Д	П	И	С	№ 15 (- <i>vare</i>), № 15a (- <i>ivahe</i>)
LXVIII	2	Д	П	И	С	№ 16 (- <i>āthe</i>)
LXIX	3	Д	П	И	С	№ 17 (- <i>āte</i>)
LXX	1	М	П	И	С	№ 18 (- <i>mahe</i>), № 18a (- <i>imahe</i>)
LXXI	2	М	П	И	С	№ 19 (- <i>dhve</i>), № 19a (- <i>idhve</i>)
LXXII	3	М	П	И	С	№ 67 (- <i>re</i>), № 67a (- <i>ire</i>)
LXXIII	1	Е	Б	И	А	№ 1 (- <i>mi</i>)
LXXIV	2	Е	Б	И	А	№ 2 (- <i>si</i>)
LXXV	3	Е	Б	И	А	№ 3 (- <i>ti</i>)
LXXVI	1	Д	Б	И	А	№ 4 (- <i>vas</i>)
LXXVII	2	Д	Б	И	А	№ 5 (- <i>thas</i>)
LXXVIII	3	Д	Б	И	А	№ 6 (- <i>tas</i>)
LXXIX	1	М	Б	И	А	№ 7 (- <i>mas</i>)
LXXX	2	М	Б	И	А	№ 8 (- <i>tha</i>)
LXXXI	3	М	Б	И	А	№ 9 (- <i>nti</i>)
LXXXII	1	Е	Б	И	С	№ 12 (- <i>e</i>)
LXXXIII	2	Е	Б	И	С	№ 13 (- <i>e</i>)
LXXXIV	3	Е	Б	И	С	№ 14 (- <i>te</i>)
LXXXV	1	Д	Б	И	С	№ 15 (- <i>vare</i>)
LXXXVI	2	Д	Б	И	С	№ 68 (- <i>ithe</i>)
LXXXVII	3	Д	Б	И	С	№ 69 (- <i>ite</i>)
LXXXVIII	1	М	Б	И	С	№ 18 (- <i>mahe</i>)

№ со- чета- ния грам- мам	Граммемы					Флексии и их номера
	ли- цо	чис- ло	вре- мя	на- кло- не- ние	за- лог	
LXXXIX	2	М	Б	И	С	№ 19 (-dhve)
XC	3	М	Б	И	С	№ 20 (-nte)
XC I	1	Е	БП	И	А	№ 70 (-smi)
XC II	2	Е	БП	И	А	№ 2 (-si)
XC III	3	Е	БП	И	А	№ 71 (0)
XC IV	1	Д	БП	И	А	№ 72 (-svas)
X V	2	Д	БП	И	А	№ 73 (-sthas)
XC VI	3	Д	БП	И	А	№ 74 (-au)
XC VII	1	М	БП	И	А	№ 75 (-smas)
XC VIII	2	М	БП	И	А	№ 76 (-stha)
XC IX	3	М	БП	И	А	№ 77 (-as)
С	1	Е	БП	И	С	№ 78 (-he)
С I	2	Е	БП	И	С	№ 13 (-se)
С II	3	Е	БП	И	С	№ 71 (0)
С III	1	Д	БП	И	С	№ 79 (-svahe)
С IV	2	Д	БП	И	С	№ 80 (-sātke)
С V	3	Д	БП	И	С	№ 74 (-au)
С VI	1	М	БП	И	С	№ 81 (-smahe)
С VII	2	М	БП	И	С	№ 19 (-dhve)
С VIII	3	М	БП	И	С	№ 77 (-as)
С IX	1	Е	Н	Ж	А	№ 82 (-yam), № 22 (-m)
С X	2	Е	Н	Ж	А	№ 24 (-s)
С XI	3	Е	Н	Ж	А	№ 25 (-t)
С XII	1	Д	Н	Ж	А	№ 26 (-va)
С XIII	2	Д	Н	Ж	А	№ 27 (-tam)
С XIV	3	Д	Н	Ж	А	№ 28 (-tām)
С XV	1	М	Н	Ж	А	№ 29 (-ma)
С XVI	2	М	Н	Ж	А	№ 30 (-ta)
С XVII	3	М	Н	Ж	А	№ 83 (-yur), № 50 (-ur)
С XVIII	1	Е	Н	Ж	С	№ 84 (-ya)
С XIX	2	Е	Н	Ж	С	№ 34 (-tās)
С XX	3	Е	Н	Ж	С	№ 35 (-ta)
С XXI	1	Д	Н	Ж	С	№ 36 (-va'i)
С XXII	2	Д	Н	Ж	С	№ 85 (-yātām)
С XXIII	3	Д	Н	Ж	С	№ 86 (yātām)
С XXIV	1	М	Н	Ж	С	№ 39 (-mal i)
С XXV	2	М	Н	Ж	С	№ 40 (-dhvam)
С XXVI	3	М	Н	Ж	С	№ 87 (-ran)
С XXVII	1	Е	А	Ж	А	№ 23 (-am)
С XXVIII	2	Е	А	Ж	А	№ 24 (-s)
С XXIX	3	Е	А	Ж	А	№ 25 (-t)
С XXX	1	Д	А	Ж	А	№ 26 (-va)
С XXXI	2	Д	А	Ж	А	№ 27 (-tam)
С XXXII	3	Д	А	Ж	А	№ 28 (-tām)
С XXXIII	1	М	А	Ж	А	№ 29 (ma)
С XXXIV	2	М	А	Ж	А	№ 30 (-ta)
С XXXV	3	М	А	Ж	А	№ 50 (ur)

№ со- чета- ния грам- мем	Граммемы					Флексии и их номера
	ли- цо	чис- ло	вре- мя	на- кло- не- ние	за- лог	
CXXXVI	1	Е	А	Ж	С	№ 84 (-ya)
CXXXVII	2	Е	А	Ж	С	№ 73 (-sthās)
CXXXVIII	3	Е	А	Ж	С	№ 88 (-sta)
CXXXIX	1	Д	А	Ж	С	№ 36 (-vahi)
CXL	2	Д	А	Ж	С	№ 89 (-yāsthām)
CXLI	3	Д	А	Ж	С	№ 90 (-yāsthām)
CXLII	1	М	А	Ж	С	№ 39 (-mahi)
CXLIII	2	М	А	Ж	С	№ 40 (-dhvam)
CXLIV	3	М	А	Ж	С	№ 87 (-ran)
CXLV	1	Е	—	П	А	№ 91 (-āni)
CXLVI	2	Е	—	П	А	№ 92 (0), № 93 (-dhi/-hi), № 94 (-āna), № 113 (-tāt)
CXLVII	3	Е	—	П	А	№ 95 (-tu), № 113 (-tāt)
CXLVIII	1	Д	—	П	А	№ 45 (-āva), № 26 (-va)
CXLIX	2	Д	—	П	А	№ 27 (-tam)
CL	3	Д	—	П	А	№ 28 (-tām)
CLI	1	М	—	П	А	№ 48 (-āma), № 29 (-ma)
CLII	2	М	—	П	А	№ 30 (-ta), № 113 (-tāt)
CLIII	3	М	—	П	А	№ 96 (-ntu), № 97 (-antu), № 98 (-atu)
CLIV	1	Е	—	П	С	№ 99 (-āi)
CLV	2	Е	—	П	С	№ 100 (-sva)
CLVI	3	Е	—	П	С	№ 28 (-tām)
CLVII	1	Д	—	П	С	№ 101 (-āvahai)
CLVIII	2	Д	—	П	С	№ 102 (-āthām), № 53 (-ithām)
CLIX	3	Д	—	П	С	№ 103 (-ātām), № 54 (-itām)
CLX	1	М	—	П	С	№ 104 (-āmahai)
CLXI	2	М	—	П	С	№ 40 (-dhvam)
CLXII	3	М	—	П	С	№ 105 (-ntām), № 47 (-atām)

CXLII, CXLIV; в этих четырех формах флексии предшествует только морфема № 110. В формах будущего времени (сочетания LXXIII—XC) флексиям предшествует морфема № 112 (-sya с алломорфом № 112a -iṣya). В формах будущего перифрастического времени (БП, сочетания граммем XCI—CVIII) флексии предшествует морфема № 111 (-tā) с алломорфом № 111a (-tūr-). В подавляющем большинстве форм перфекта (П, сочетания граммем LVI—LXXII) основа, предшествующая флексии, выступает в редуцированном виде; в классическом санскрите широкое распространение получают также аналитические формы описательного перфекта, образованные сочетанием перфекта одного из вспомогательных глаголов (as-, bhū-, kar-) с формой на *am* спрягаемого глагола.

Спряжение глагола отличается от именного склонения тем, что в нем одному данному сочетанию граммем, как правило, соответствует лишь одна флексия (но не наоборот, так как число флексий значительно меньше числа выражаемых ими сочетаний граммем). В тех же случаях, когда одному сочетанию граммем соответствует две или несколько флексий, выбор требуемой флексии определяется прежде всего проверкой на признак принадлежности к типу тематических или атематических основ.

После такой проверки в тематическом типе для сочетания граммем выбирается флексия: для IX—№ 9, для XIV—№ 68, для XV—№ 69, для XVIII—№ 20, для XIX—№ 22, для XXVII—№ 31, для XXXII—№ 53, для XXXIII—№ 54, для XXXVI—№ 42, для XXXVII—№ 22, для XXXVIII—№ 24, для XXXIX—№ 25, для XL—№ 26, для XLI—№ 27, для XLII—№ 28, для XLIII—№ 29, для XLIV—№ 30, для XLV—№ 31, для XLVII—№ 34, для XLVIII—№ 35, для XLIX—№ 36, для L—№ 53, для LI—№ 54, для LII—№ 39, для LIII—№ 40, для LIV—№ 42, для LXVI—№ 59а, для LVIII—№ 61а, для LXI—№ 64а, для LV—№ 13а, для LXVII—№ 15а, для LXX—№ 18а, для LXXI—№ 19а, для LXXII—№ 67а, для CIX—№ 82, для CXVII—№ 83, для CXLVI—№ 92 или № 113, для CXLVIII—№ 26, для CLI—№ 29, для CLIII—№ 94, для CLVIII—№ 53, для CLIX—№ 54 и для CLXII—№ 105.

Внутри атематических основ производится проверка на некоторые дополнительные признаки. В частности для сочетания IX флексия № 11 выбирается для корневых основ с удвоением (III класс глаголов в традиционной классификации), для остальных атематических основ выбирается флексия № 10; для сочетаний XXVII и XLV флексия № 50 выбирается для III класса глаголов; в том же классе для сочетания с LII выбирается флексия № 93. Для сочетания граммем LIV флексия № 41 выбирается в формах аориста на -s-, на -iṣ- и на -siṣ- (т. е. в сигматических формах); в них же для сочетания XLV выбирается флексия № 50; в формах, условно называемых аористом на sa, выбираются флексии № 57 и 32 соответственно. Для сочетания CXLVI флексия № 94 выбирается для глаголов на *nā* (IX класс древнеиндийских глаголов) в случае, если корень кончается на согласный; для остальных атематических глаголов выбирается флексия № 93, за исключением глаголов на *ni* (V класс) и глаголов на *ni* (VIII класс); в этих двух классах, если корень кончается на гласный, выбирается нулевая флексия № 92. Точно так же в зависимости от того, кон-

чается ли основа на гласный или согласный, из двух вариантов флексии № 93 (-*dhi* и ее алломорф -*hi*) выбирается первый или второй соответственно. Для сочетания LV флексия № 58а выбирается для основ на -*ā* долгое.

Изложенные выше правила позволяют синтезировать личные формы глаголов; для синтеза неличных форм (П — причастий, А — абсолютивов, И — инфинитивов) используются флексии, указанные в табл. 19. После проверки

Таблица 19

Таблица флексий глагола
(неличные формы)

№ сочетания граммем	Тип неличной формы	Граммемы		Флексии и их номера
		время	залог	
CLXIII	П	Н	А	№ 113 (- <i>nt</i>), № 114 (- <i>ant</i>)
CLXIV	П	Н	С	№ 115 (- <i>māna</i>)
CLXV	П	П	А	№ 116 (- <i>vañs</i>)
CLXVI	П	П	П	№ 117 (- <i>ta</i>), № 118 (- <i>ita</i>), № 119 (- <i>na</i>)
CLXVII	А	—	—	№ 120 (- <i>tvā</i>), № 121 (- <i>itvā</i>), № 122 (- <i>ya</i>)
CLXVIII	И	—	—	№ 123 (- <i>tum</i>), № 124 (- <i>itum</i>)

на принадлежность к тематическому типу для него выбирается флексия № 113 для сочетания CLXIII; для сочетания CLXVII флексия № 122 выбирается в приставочных глаголах. Выбор между другими флексиями осуществляется после проверки на некоторые дополнительные условия, а в ряде случаев флексии используются параллельно.

Кроме неличных форм, предусмотренных в табл. 19, встречаются и некоторые другие, менее регулярные и слабо связанные с парадигмой; их флексии в ряде случаев могут быть образованы сочетаниями двух разных флексий, приведенных в табл. 19. Возможно также образование ряда других причастных форм, выражающих различные комбинации граммем времени и залога, в том числе позднее формирующегося пассива. После того как исходные формы причастий синтезированы по данной схеме, они поступают в схему имени, где окончательно синтезируются их формы, выражающие граммемы имени (род, число, падеж — см. табл. 11); при этом некоторые

флексии (в частности, № 116) выступают в нескольких алломорфах).

Изложенные выше принципы спряжения санскритского глагола можно проиллюстрировать на примере парадигмы тематического глагола *budh-* 'просыпаться', 'знать' (см. табл. 20). Выбор флексий в этой парадигме производится прежде всего по признаку принадлежности глагола к тематическому классу в согласии с приведенными правилами. Для тематических глаголов характерно, что в первых лицах, например в сочетаниях I, IV, VII, XIII, XVI, XXII и др., гласный *-a-*, предшествующий окончанию, становится долгим. Основа глагола в разных категориях выступает в двух вариантах: *budh-* и *bodh-*; так, например, ступень *bodh-* в редуцированной основе перфекта *bubódh-* встречается под ударением в формах единственного числа перфекта активного залога (сочетания LV—LVII), тогда как в остальных формах перфекта, где ударение не падает на корень, основа выступает в слабом виде (*bubudh-*). Сходное различие наблюдается и в формах сигматического аориста, где основа выступает в виде *bodh-*, и в соответствующих тем же граммемам (XXXVII—XLV) формах асигматического аориста, образованных от корня в слабом звуковом виде (*budh-*); но в аористе чередование огласовок не связано с ударением, которое всегда падает на аугмент, как и в имперфекте.

Наличие параллельных форм, соответствующих одной и той же граммеме, наблюдается не только в системе аориста, но и в некоторых формах императива (сочетания CXLVI, CXLVII, CLII).

Для объяснения фонетических изменений, которые претерпевают указанные выше морфемы при их комбинации друг с другом в конкретных формах, нужно иметь в виду правила сандхи. Этими правилами в данной парадигме объясняется образование *e* из сочетания тематического *-a-* с *-i-* флексии (сочетания XIV, XV, XXII, XXIII, L, LI, LXXXVI, LXXXVII, CLVIII, CLIX), исчезновение первого из согласных (*-s-*) при комбинации двух согласных на стыке морфем (сочетания XXXVIII, XXXIX, CXXVIII, CXXIX, а также сочетание LIII, где, однако, возможен параллельный вариант *idhvam* из *iṣ-dhvam* с церебрализацией, в которой сохраняется след исчезнувшего согласного *-ṣ-*), церебрализация последующего *t* под влиянием предшествующего *-ṣ-* (XLVII, XLVIII, CXXXVII). Морфонологический характер имеет чередование морфем № 111 (в исходе слова и перед согласным) и № 111a (перед гласным) в формах будущего перифрастического времени (сочетания XCI—CVIII).

Парадигмы спряжения глагола

I <i>bódhāmi</i> (№ 1)	IV <i>bódhāvas</i> (№ 4)	VII <i>bódhāmas</i> (№ 7)
II <i>bódhāsi</i> (№ 2)	V <i>bódhathas</i> (№ 5)	VIII <i>bódhatha</i> (№ 8)
III <i>bódhāti</i> (№ 3)	VI <i>bódhatas</i> (№ 6)	IX <i>bódhanti</i> (№ 9)
X <i>bódhe</i> (№ 12)	XIII <i>bódhāvāhe</i> (№ 15)	XVI <i>bódhāmahe</i> (№ 18)
XI <i>bódhase</i> (№ 13)	XIV <i>bódhethe</i> (№ 68)	XVII <i>bódhadhne</i> (№ 19)
XII <i>bódhate</i> (№ 14)	XV <i>bódhete</i> (№ 69)	XVIII <i>bódhante</i> (№ 20)
XIX <i>ábodham</i> (№ 106—№ 22)	XXII <i>ábodhāva</i> (№ 106—№ 26)	XXV <i>ábodhāma</i> (№ 106—№ 29)
XX <i>ábodhas</i> (№ 106—№ 24)	XXIII <i>ábodhatam</i> (№ 106—№ 27)	XXVI <i>ábodhata</i> (№ 106—№ 30)
XXI <i>ábodhat</i> (№ 106—№ 25)	XXIV <i>ábodhātām</i> (№ 106—№ 28)	XXVII <i>ábodhan</i> (№ 106—№ 31)
XXVIII <i>ábodhe</i> (№ 106—№ 33)	XXXI <i>ábodhāvahi</i> (№ 106—№ 36)	XXXIV <i>ábodhāmahi</i> (№ 106—№ 39)
XXXIX <i>ábodhathās</i> (№ 106—№ 34)	XXXII <i>ábodhethām</i> (№ 106—№ 53)	XXXV <i>ábodhadhvam</i> (№ 106—№ 40)
XXX <i>ábodhata</i> (№ 106—№ 35)	XXXIII <i>ábodhetām</i> (№ 106—№ 54)	XXXVI <i>ábodhanta</i> (№ 106—№ 42)
XXXVII <i>ábudham</i> (№ 106—№ 22)	XL <i>ábudhāva</i> (№ 106—№ 26)	XLIII <i>ábudhāma</i> (№ 106—№ 29)
XXXVIII <i>ábudhas</i> (№ 106—№ 24)	XL <i>ábodhiṣva</i> (№ 106—№ 108—№ 26)	XLIII <i>ábodhiṣma</i> (№ 106—№ 108—№ 29)
XXXIX <i>ábudhat</i> (№ 106—№ 25)	XL <i>ábodhiṣvām</i> (№ 106—№ 108—№ 27)	XLIV <i>ábudhata</i> (№ 106—№ 30)
XLVI <i>ábudhe</i> (№ 106—33)	XL <i>ábodhiṣtām</i> (№ 106—№ 108—№ 28)	XLIV <i>ábodhiṣta</i> (№ 106—№ 108—№ 30)
XLVII <i>ábudhathās</i> (№ 106—№ 34)	XL <i>ábodhiṣtām</i> (№ 106—№ 108—№ 28)	XLV <i>ábudhan</i> (№ 106—№ 31)
		XLV <i>ábodhisur</i> (№ 106—№ 108—№ 50)
		LII <i>ábudhāmahi</i> (№ 106—№ 39)
		LII <i>ábodhiṣmahi</i> (№ 106—№ 108—№ 39)
		LIII <i>ábudhadhvam</i> (№ 106—№ 40)

- ābodhiṣṭhas* (№ 106—№ 108—№ 34)
 XLVIII *ābuhata* (№ 106—№ 35)
ābodhiṣṭa (№ 106—№ 108—№ 35)
- LV *bubōdha* (№ 58)
 LXVI *bubōdhitha* (№ 59a)
 LVII *bubōdha* (№ 60)
- LXIV *bubudhē* (№ 12)
 LXV *bubudhiṣē* (№ 13a)
 LXVI *bubudhē* (№ 66)
- LXXIII *bodhiṣyāmi* (№ 112—№ 1)
 LXXIV *bodhiṣyāsi* (№ 112—№ 2)
 LXXV *bodhiṣyāti* (№ 112—№ 3)
- LXXXII *bodhiṣyē* (№ 112—№ 12)
 LXXXIII *bodhiṣyāse* (№ 112—№ 13)
 LXXXIV *bodhiṣyāte* (№ 113—№ 14)
- XCI *bodhitāsmi* (№ 111—№ 70)
 XCII *bodhitāsi* (№ 111—№ 2)
 XCIII *bodhitā* (№ 111—№ 71)
- C *bodhitdhe* (№ 111—№ 78)
 CI *bodhitāse* (№ 111—№ 13)
 CII *bodhitā* (№ 111—№ 71)
- ābodhiṣāthām* (№ 106—№ 108—№ 37)
 LI *ābuhetām* (№ 106—№ 54)
ābodhiṣātām (№ 106—№ 108—№ 38)
- LVIII *bubudhiā* (№ 61a)
 LIX *bubudhāthur* (№ 62)
 LX *bubudhātūr* (№ 63)
- LXVIII *bubudhiāhe* (№ 15a)
 LXVIII *bubudhāthe* (№ 16)
 LXIX *bubudhāte* (№ 17)
- LXXVI *bodhiṣyāvas* (№ 112—№ 4)
 LXXVII *bodhiṣyāthas* (№ 112—№ 5)
 LXXVIII *bodhiṣyātas* (№ 112—№ 6)
- LXXXV *bodhiṣyāvāhe* (№ 112—№ 15)
 LXXXVI *bodhiṣyēthe* (№ 112—№ 68)
 LXXXVII *bodhiṣyēte* (№ 112—№ 69)
- XCIV *bodhitāsvas* (№ 111—№ 72)
 XCV *bodhitāsthas* (№ 111—№ 73)
 XCVI *bodhitātrau* (№ 111—№ 74)
- CIII *bodhitāsvahe* (№ 111—№ 79)
 CIV *bodhitāsvāche* (№ 111—№ 80)
 CV *bodhitādra:* (№ 111a—№ 74)
- ābodhidhvam* (№ 106—№ 108—№ 40)
 LIV *ābuhanta* (№ 106—№ 42)
ābodhiṣata (106—№ 108—№ 41)
- LXI *bubudhimā* (№ 64a)
 LXII *bubudhā* (№ 65)
 LXIII *bubudhūr* (№ 50)
- LXX *bubudhimāhe* (№ 18a)
 LXXI *bubudhidhvē* (№ 19a)
 LXXII *bubudhirē* (№ 67a)
- LXXIX *bodhiṣyāmas* (№ 112—№ 7)
 LXXX *bodhiṣyātha* (№ 112a—№ 8)
 LXXXI *bodhiṣyānti* (№ 112—№ 9)
- LXXXVIII *bodhiṣyāmahe* (№ 112—№ 18)
 LXXXIX *bodhiṣyadhve* (№ 112—№ 19)
 XC *bodhiṣyānte* (№ 112—№ 20)
- XCVII *bodhitāsmas* (№ 111—№ 75)
 XCVIII *bodhitāstha* (№ 111—№ 76)
 XCIX *bodhitāstras* (№ 111a—№ 77)
- CVI *bodhitādsmahe* (№ 111—№ 81)
 CVII *bodhitāddhve* (№ 111—№ 19)
 CVIII *bodhitāstras* (№ 111a—№ 77)

- CIX *bódheyam* (№ 110—№ 82)
 CX *bódhes* (№ 110—№ 24)
 CXI *tócatet* (№ 110—№ 25)
- CXXVIII *bódheya* (№ 110—№ 84)
 CXXIX *bódhetthas* (№ 110—№ 34)
- CXX *bódheta* (№ 110—№ 35)
- CXXXVII *budhydsam* (110a—№ 107—
 № 23)
 CXXXVIII *budhyds* (№ 110a—№ 107—
 № 24)
 CXXXIX *budhydt* (№ 110a—
 № 107—№ 25)
- CXXXVI *bodhiṣṭyā* (№ 108—
 № 110—№ 84)
- CXXXVII *bodhiṣṭsthas* (№ 108—
 № 110—№ 73)
- CXXXVIII *bodhiṣṭsfā* (№ 108—
 № 110—№ 88)
- CXLV *bódhani* (№ 91)
 CXLVI { *bóaha* (№ 92)
 { *bódhatāt* (№ 113)
 CXLVII { *bódhatu* (№ 95)
- CXII *tótheva* (№ 110—№ 26)
 CXIII *tóchetam* (№ 110—№ 27)
 CXIV *tóchetām* (№ 110—№ 28)
- CXXI *bódhevati* (№ 110—№ 36)
 CXXII *bódheyāthām* (№ 110—
 № 85)
 CXXIII *tóctheyātām* (№ 110—№ 86)
- CXXX *budhydsva* (№ 110a—
 № 107—№ 26)
 CXXXI *budhydstam* (№ 110a—
 № 107—№ 27)
 CXXXII *budhydstām* (№ 110a—
 № 107—№ 28)
- CXXXIX *bodhiṣṭvāhi* (№ 108—
 № 110—№ 36)
- CXL *bodhiṣṭydsthām* (№ 108—
 № 110—№ 85)
- CXL I *bodhiṣṭyastām* (№ 108—
 № 110—№ 90)
- CXLVIII *bódhāva* (№ 26)
 CXLIX *tódhataṃ* (№ 27)
 CL *tódhataṃ* (№ 28)
- CXV *bódhema* (№ 110—№ 29)
 CXVI *bódheta* (№ 110—№ 30)
 CXVII *bódkeyur* (№ 110—№ 83)
- CXXIV *bódhemahi* (№ 110—№ 39)
 CXXV *bódhedhvam* (№ 110—№ 40)
- CXXXVI *tódheran* (№ 110—№ 87)
- CXXXIII *budhydsma* (№ 110a—
 № 107—№ 29)
 CXXXIV *budhydsta* (№ 110a—№ 107—
 № 30)
 CXXXV *budhydsur* (№ 110a—
 № 107—№ 50)
- CXLII *bodhiṣṭmāhi* (№ 108—
 № 110—№ 39)
- CXLIII *bodhiṣṭdhvam* (№ 108—
 № 110—№ 40)
- CXLIV *bodhiṣṭrān* (№ 108—
 № 110—№ 87)
- CL I *tódhāma* (№ 29)
 CL II *tódhata* (№ 30)
 CL III *bódhataāt* (№ 113)
 CL IIII *tódhantu* (№ 96)

- CLIV *bódhai* (№ 99)
 CLV *bóðhasva* (№ 110)
 CLVI *lódhatām* (№ 28)
- CLXIII *bóðhant* (№ 113)
 CLXIV *lódhamāna* (№ 115)
 CLXV *butudhvāt* (№ 116)
 CLXVI *budhitā* (№ 117)
 bodhitā (№ 117)
 butudhārā (№ 119)
 CLXVII *budhitō* (№ 121)
 bodhitōd (№ 121)
 CLXVIII *lódhitum* (№ 124)

- CLVII *lódhāvahai* (№ 101)
 CLVIII *lódhethām* (№ 53)
 CLIX *lódhetām* (№ 54)

- CLX *bóðhāmahai* (№ 104)
 CLXI *lódhadhvam* (№ 40)
 CLXII *lódhanitām* (№ 105)

Замечания исторического характера к описанию морфологии глагола

Глагольная система классического санскрита включала чрезвычайно большое количество симметрично построенных форм, многие из которых носили потенциальный характер и скорее устанавливались древнеиндийскими грамматиками по определенным принципам, чем извлекались из имеющегося языкового материала. Древнеиндийские лингвисты стремились построить максимально полную систему, в которой были бы предусмотрены все возможные комбинации грамматических категорий, включая и позднее оформившиеся как парадигматические образования: пассив, дезидератив, интенсив, каузатив и т. п. Для заполнения всех рядов такой идеальной системы, которые реально могли быть представлены не полностью, а лишь отдельными членами, использовались в значительной мере искусственные комбинации флексий, выделявшихся в реальных формах. Эти рецепты грамматиков использовались позднее авторами сочинений на классическом санскрите.

От симметричной и регулярной системы глагола классического санскрита отличалась ведийская, гораздо менее упорядоченная.

Хотя в ведийском еще не получили развития многие формы (прекатива, описательного перфекта и др.), свойственные классическому санскриту, в то же время ведийский глагол характеризовался наличием целого ряда категорий (в частности, модальных), которые почти полностью отсутствуют в классическом санскрите. К ним относились сослагательное наклонение (конъюнктив), характеризовавшееся особой приметой (-а-), кондиционалис, образовавшийся от основы будущего времени, инъюнктив, формально отличавшийся от имперфекта отсутствием аугмента; в ведийском имелись также особые формы плюсквамперфекта, характеризовавшиеся сочетанием удвоения (как в перфекте) с морфологическими приметами имперфекта. Система ведийского глагола в отличие от классической санскритской характеризовалась неразвитостью временных противопоставлений, что в известной мере компенсировалось богатством способов выражения модальных значений. Показательно, в частности, вневременное употребление форм инъюнктива, которые имеют общее происхождение с целым рядом временных форм классического санскрита (имперфектом, аористом, настоящим временем изъявительного наклонения).

Глагольную систему ведийского языка можно считать промежуточным этапом между двумя индоарийскими системами. Из этих двух систем первая, более ранняя, характеризуется отсутствием временных противопоставлений (и, следовательно, категорий настоящего времени, имперфекта и аориста) и наличием модальных противопоставлений между инъюнктивом, исторически предшествовавшим изъявительному наклонению, желательным, сослагательным и повелительным наклонениями, а возможно, и некоторыми другими модальными формами. Отличие этой доведийской системы от второй, представленной в классическом санскрите, заключается прежде всего в исчезновении инъюктива и замене его изъявительным наклонением и в развитии внутри изъявительного, а позднее и желательного наклонения временных противопоставлений. Ведийская система отличается от двух указанных тем, что в ней еще сохраняется инъюнктив, но уже имеется настоящее время изъявительного наклонения, которое характеризуется особой приметой. Возможно, что эта примета первоначально не имела временного характера. Точно так же ведийские глагольные образования, формально совпадающие с санскритским аористом и имперфектом, по своему месту в системе существенно отличались от них и поэтому в ряде случаев могли пониматься в ином плане: форма, позднее развившаяся в имперфект, могла рассматриваться как сочетание инъюктива с аугментом, который еще оставался самостоятельным словом — временным наречием, тогда как сигматический аорист, как и формы, позднее развившиеся в прекатив и в будущее время, еще оставался словообразовательной, а не парадигматической формой. Отличие ведийской глагольной системы от санскритской заключалось также и в том, что в ведийском перфект еще не был в полной степени включен в один ряд противопоставлений с формами имперфекта, аориста и настоящего времени. Семантика и синтаксическое употребление ведийского перфекта, обозначающего состояние, а не активное действие и поэтому в архаичных примерах не сочетавшегося с прямым дополнением, а также сравнительный анализ флексий перфекта и среднего залога свидетельствуют о первоначальном единстве этих категорий, восходящих в конечном счете к одной общей категории неактивности.

Для наиболее ранней эпохи, реконструируемой сравнительно-исторической грамматикой индоевропейских языков, можно восстановить противопоставление неактивности (пассивности) и активности в глаголе, связанное с аналогичным противопоставлением в древнейшей системе имени. В эту

эпоху формы, позднее развившиеся в формы наклонения, могли иметь иные функции. Для того же периода есть основания предполагать вторичность форм 3-го лица; категория лица в эту эпоху образовалась, по-видимому, противопоставлениями граммем 1-го и 2-го лица. Это находит отражение в особом месте флексий 3-го лица, часть которых может иметь именное происхождение: показатель 3-го лица множественного числа, выделяемый во флексиях № 9, 10, 11, 20, 21, 41, 42, 96, 97 и других, сопоставляется с именным по происхождению показателем причастия № 113, № 114 (ср. параллель в позднейшей истории санскрита, в случае, когда именная форма с морфемой № 111 была вовлечена в парадигму будущего перифрастического и в функции 3-го лица не получила никаких глагольных окончаний).

Все многообразие глагольных флексий санскрита легко может быть сведено к очень небольшому числу исходных элементов, из сочетаний которых образовались все конкретные окончания. Не говоря уже о таких прозрачных случаях, как образование одной флексии от другой путем присоединения дополнительного элемента (типа № 18—18а, 19—19а, 39—55, 36—53, 28—38—54 и т. п.), путем сопоставления флексий удастся доказать сходство окончаний одного и того же лица в различных категориях. Наибольший интерес представляет тождество первых фонем во флексиях № 1, 2, 3, с одной стороны, и № 22, 24, 25, с другой. Это сравнение очень важно для доказательства вторичности форм настоящего времени по сравнению с формами инъюнктива, давшими позднее имперфект; точно так же совпадение первых фонем во флексиях № 13 и 14 с флексиями № 2, 3, и 24, 25 существенно для анализа происхождения форм среднего залога. Параллелизм форм двойственного и множественного числа, обнаруживающийся во флексиях № 4 и 7, 15 и 18, 26 и 29, 36 и 39 и т. п., подтверждает гипотезу о позднем возникновении форм числа в глаголе, как и в имени.

СВЕДЕНИЯ ИЗ СИНТАКСИСА

В качестве исходной модели санскритского предложения может быть описана такая, в которой на первом месте находится форма именительного падежа имени существительного (условно обозначается S^N) или личного местоимения (P^N), на втором — энклитика или группа энклитик (E), на последнем месте — личная форма глагола (V^l); между вторым и последним местами имеется потенциально бесконечный ряд мест, которые могут заполняться более или менее

свободно, хотя и существуют известные ограничения, налагаемые на непосредственно связанные слова (в том числе на слова, связанные непосредственно с личной формой глагола и поэтому к ней примыкающие). Путем трансформаций этой исходной модели могут быть получены другие модели санскритских предложений. Для классического санскрита особое значение имеет трансформация этой исходной модели в другую, где на первом месте находится форма творительного падежа существительного или местоимения (S^i или P^i), а на последнем — неличная форма глагола (V^i). Обозначая трансформацию знаком \rightarrow , можно условно записать данную трансформацию в виде:

- 1) $S^N E^1 (E^2 \dots E^n) \dots V^f \rightarrow S^i E^1 (E^2 \dots E^n) \dots V^i$
- 2) $P^N E^1 (E^2 \dots E^n) \dots V^f \rightarrow P^i E^1 (E^2 \dots E^n) \dots V^i$

В отличие от сходных трансформаций в других языках, в классическом санскрите данной трансформации не препятствует в ряде случаев переходность глагола, ср. такие примеры, как *tauṅā ... nirgacchātā* 'я ... вышел' (тип $P^i \dots V^i$).

Такого рода трансформация характерна именно для классического санскрита; в ведийском она была представлена гораздо реже. Для ведийского характерно преобладание исходной модели, в то время как в классическом санскрите постепенно все шире распространяется вторая модель. С ней связана конфигурация $P^i S^A V^i$ (где S^A — существительное в винительном падеже), получаемая путем трансформации $P^N S^A V^f \rightarrow P^i S^A V^i$. В новоиндийских языках из подобной конфигурации развилась новая эргативная конструкция, типологически сходная с эргативной конструкцией в ряде неиндоевропейских языков Индии и прилегающих областей, а также в иранских языках. В распространении этой конструкции в индоарийских языках можно видеть не только результат внутренней эволюции, но и свидетельство их вовлечения в более обширный языковой союз.

Из исходной модели санскритского предложения могут быть получены различные конфигурации путем свертывания или развертывания ее членов. Так, при свертывании $P^N \rightarrow O$, т. е. при трансформации формы именительного падежа личного местоимения в ноль, осуществляется трансформация $P^N \dots V^f \rightarrow V^f$, т. е. образуется чисто глагольное предложение. Свертыванию $E \rightarrow O$ в классическом санскрите очень часто подвергаются энклитики как наименее обязательный член модели. Существительное может развертываться в сочетании с прилагательным или другим определяющим сло-

вом (A); такое развертывание $S \rightarrow AS$ может осуществляться по отношению к любой падежной форме существительного. Возможность такого развертывания отличает существительные от местоимений. Особый вид развертывания всей модели представляет такое преобразование, в результате которого порождается новый член, относимый ко всей остальной части модели; таким новым членом является абсолютная конструкция (*AbsC*; например, местный самостоятельный или родительный самостоятельный). При преобразовании $S^N \dots V^f \rightarrow AbsC S^N \dots V^f$ абсолютная конструкция обычно ставится на первое место перед существительным. Сами абсолютные конструкции в синхронном плане могут рассматриваться как результат свертывания целых предложений. Глагольная форма (V^f или V^{if}) может развертываться в очень большую группу слов (в том числе существительных в разных падежах), связанных с глаголом.

Второй исходной моделью предложения для классического санскрита целесообразно считать такую, в которой в отличие от первой исходной модели на последнем месте ставится имя (тип $S^N \dots N^N$). В некоторых случаях второе имя можно было бы рассматривать как результат трансформации $S^N \dots V^f \rightarrow S^N \dots N^N$ (в таких примерах, как *devah pramāṇam* 'царь решает'), но в других случаях N^N невыводимо из глагола, и потому эту вторую модель также следует признать исходной. Разные виды N^N имеют различные правила развертывания: в случае, когда N^N практически равно S^N , оно может развертываться так же, как это последнее; в случае, когда N^N равно V^{if} , оно может сохранять некоторые возможности развертывания, присущие V^f . Во второй исходной модели возможно свертывание первого существительного ($S^N \rightarrow O$), благодаря чему осуществляется трансформация $S^N \dots N^N \rightarrow N^N$ (например, *pramāṇam* 'это имеет силу').

Все возрастающая роль в классическом санскрите второй исходной модели привела к возникновению так называемого именного стиля, характерного для большинства вариантов санскрита, за исключением буддийского гибридного санскрита. Решительное вытеснение глагольных конструкций именными, которое можно проследить от древнейших ведийских текстов до поздних санскритских, находится в соответствии с общими тенденциями эволюции индоарийских диалектов, непосредственно отраженными в пракритах, и поэтому свидетельствует о влиянии разговорных языков на санскрит.

С теми же тенденциями связано и необычайно широкое распространение сложных слов в классическом санскрите.

Хотя простейшие типы сложных слов, встречающиеся в ведийском, унаследованы в основном от индоевропейского состояния и отражают черты древнейшего дофлексивного строя, предшествовавшего развитию индоевропейского склонения, их распространение и дальнейшее разрастание объясняется собственно индийскими процессами. Таким образом, воздействие разговорных языков, в значительной мере продвинувшихся по пути от утрачивавшейся флексии к анализу, парадоксальным образом поддержало древнейшие нормы, восходящие к дофлексивному периоду, и дало толчок их дальнейшему развитию. В классическом санскрите этот процесс привел к тому, что сложные слова могут выступать в функции целых синтагм и целых предложений. Отдельные компоненты сложных слов, число которых в составе каждого сложного слова может быть неограниченно велико, могут в морфологически неоформленном виде выражать все те отношения, которые передавались посредством флексий самостоятельными словами.

Следовательно, в санскрите сосуществуют две синтаксические системы: одна — флексивная, вторая — в значительной мере аналитическая; в этой связи следует отметить и развитие разного рода аналитических глагольных конструкций в санскрите, как и в пракритах, где разрушение флексии распространяется также на сферу имени.

Поскольку сложные слова могли являться эквивалентами предложения, из исходных моделей предложения легко могут быть получены модели сложных предложений не только путем совмещения разных моделей, но и путем последовательного преобразования одного из элементов в сложное слово, а этого последнего — в целое предложение. В роли эквивалентов синтагм и предложений выступают не только сложные слова, но и различного рода абсолютные конструкции — падежные, абсолютивные, инфинитивные. Подчинение как таковое, постепенно развивавшееся начиная с ведийского периода, в санскрите выражается очень ограниченным числом средств — относительными, условными, временными и некоторыми другими простейшими связующими элементами. Характерно также и отсутствие в санскрите специальных правил трансформации прямой речи в косвенную, что является явным архаизмом, особенно в языке со столь развитой литературной традицией.

Архаичные черты, постепенно стирающиеся в классическом санскрите, еще достаточно полно отражены в ведийском синтаксисе. В частности, в нем проявляется относительная автономность индоевропейского слова в предложении. Ее сви-

детельствами являются скопление в одном (втором от начала) месте предложения энклитик, связанных с самыми разными элементами предложения; некоторые следы групповой флексии, относящейся к двум словам одновременно; употребление чистой основы (*casus indefinitus*, совпадающий с позднейшим местным падежом) для выражения самых разнообразных отношений; некоторые отступления от строго грамматического согласования. Одним из синтаксических архаизмов является то, что наречия могут выступать в различных функциях (собственно наречий, превербов и предлогов) в зависимости от позиции в предложении.

Богатство синтаксических средств санскрита, как унаследованных от древнейшего состояния, так и сформировавшихся под влиянием пракритов, создавало широкие возможности для синтаксической дифференциации разных жанров санскритской литературы. Эти возможности искусственного литературного языка, а также специально выработанные экспрессивные стилистические средства (повторы, инверсия, эмпфаза) реализовались в конкретных произведениях по-разному в зависимости от требований жанра, метра и других индивидуальных условий.

СВЕДЕНИЯ О СЛОВООБРАЗОВАНИИ И ЛЕКSIКЕ

В санскрите для образования одного слова от другого используются следующие средства: присоединение аффиксов, описанные выше морфонологические средства (изменение места ударения, чередование гласных и согласных), а также редупликация, словосложение.

При словообразовательной аффиксации в классическом санскрите префиксы использовались сравнительно редко, причем их употребление ограничено главным образом глаголами и производными от них именами. Обычно приставки лишь уточняли (преимущественно в пространственном плане) значение основы глагола и только в небольшом числе случаев существенно изменяли его. К числу наиболее употребительных принадлежали приставки со значением: *áti-* 'через', *ádhi-* 'от', 'из', *ánu-* 'вдоль', 'по', 'к', 'у', *abhi-* 'к', 'при', *ava-* 'по направлению вниз', *á-* 'от...до', *upa-* 'к', 'на', *nis-* 'у-', 'вы-', *pári-* 'вокруг', 'пере-', 'кругом', *pra-* 'про', *práti-* 'к', 'по отношению к', *vi-* 'от', 'раз', *sam-* 'с', 'вместе с' и т. д.

Сочетаясь с таким глаголом, как, например, *gam-*, эти приставки дают следующие образования: *adhi-gam-* 'дохо-

дить', 'достигнуть', *anu-gam-* 'следовать за', 'сопровождать', *ara-gam-* 'уходить', *abhi-gam-* 'приходить', 'подходить', 'посещать' (отмечено и переносное значение 'молиться'). *ava-gam-* 'узнавать', 'понимать', *ā-gam-* 'приходить', 'подходить', 'попадать', *upa-gam-* 'подходить', 'приближаться', *nis-gam-* 'уходить', 'выходить', *pari-gam-* 'обходить', 'ходить вокруг', *prati-gam-* 'идти навстречу', *vi-gam-* 'уходить', 'исчезать', *sam-gam-* 'сходиться', 'соединяться', 'встречаться' и др. При помощи сочетания двух или нескольких приставок образуются более сложные комбинации типа *abhi-ā-gam* (откуда *abhyāgam-*) 'приходить', 'являться', *vi-nis-gam* (откуда *vinirgam-*) 'освободиться', 'отказываться' и др.

Относительно небольшая сфера употребления приставок в санскрите (в сравнении с суффиксами) и семантическая прозрачность комбинаций с приставками связаны с тем, что возникновение префиксации как способа словообразования относится к довольно позднему времени. И в самом деле, в ведийских текстах морфемы, из которых в дальнейшем развились приставки, могли, как уже говорилось выше, выступать в тройной роли — наречий, превербов и префиксов, причем конкретная функция их определялась окружением. Иными словами, можно предполагать, что в древнейший период развития индоарийского использование этих морфем, еще являвшихся самостоятельными словами, в качестве превербов было лишь одним из вариантов общего синтаксического значения.

Для того же периода следует предполагать использование носового инфикса в качестве одного из способов словообразования. В санскрите его значение уже стерлось и он служил лишь для формального образования VII класса глаголов: ср.: *yuj-* 'соединять' при *yunákti* 'он соединяет' или *rudh-* 'сдерживать' при *runáddhi* 'он сдерживает' и др.

В санскрите из средств аффиксации наиболее распространенным является словообразование при помощи суффиксов. Каждый класс слов имеет свой набор суффиксов.

Для санскритского имени характерно, что большая часть продуктивных суффиксов так или иначе служит для выражения двух основных семантических сфер — имени действия и имени деятеля, что связано с распространением именного стиля в классическом санскрите. В этот период глагольное значение часто могло выражаться не только глаголами, но и именами действия. Среди суффиксов имен действия более других употребительны такие, как *-ana-*, *-ti-*, *-tu-*, *-tan-* и др. Те же суффиксы весьма широко используются и для

образования глагольных имен с абстрактным значением, особенно важных для философской и религиозной литературы и для некоторых других жанров. Среди суффиксов имен деятеля наряду с более старым типом на *-tar* должны быть отмечены многочисленные тематические суффиксы, из которых особенно продуктивны были образования с элементом *-k-*, выступавшим и в целом ряде других функций. Внутри сфер обозначения имени деятеля и имени действия в более раннюю эпоху существовало противопоставление двух типов, различавшихся тем, что один из них относился к единичному акту действия, а другой — к постоянному занятию, определяемому внутренней способностью к нему. Это семантическое деление отражалось рядом средств, наплававшихся на собственно суффиксальные. К ним принадлежало использование различий в месте ударения и управления, например, «податель благ» — в первом смысле *dātā vāsūnām*, во втором смысле *dāta vasūni*.

Внутри класса именных суффиксов, выполняющих наряду с вышеуказанными и многие другие функции, выделяется набор суффиксов, характеризующих прилагательные. В частности, к ним относятся *-man'*, *-van'*, *-in*, *-ya* и т. д., которые используются для образования прилагательных от соответствующих имен и сообщают некоторые дополнительные признаки (притяжательности, изобилия и т. п.), а также суффиксы *-tama*, *-tara*, *-iṣṭha*, *-yañs*, которые служили для образования степеней сравнения прилагательных. При этом первые два, выражавшие соответственно превосходную и сравнительную степень, были более продуктивны, чем два последующие, выполнявшие те же функции. Первоначальное употребление этих суффиксов не в качестве показателей степеней сравнения отражено еще в ведийских текстах, а в отдельных случаях и в санскрите.

Все многообразие именных суффиксов, встречающихся в санскритских текстах, с исторической точки зрения может быть объяснено различными комбинациями относительно небольшого числа исходных индоевропейских элементов. Из этих элементов основную роль играли *-r-*, *-l-*, *-n-*, *-i-*, *-u-*, *-m-*, *-s-* и элементы *-t-*, *-k-*, *-s-*, которые в древнейших образованиях могут следовать за ними, а в более позднее время и предшествовать им. Между этими элементами в индоевропейском мог выступать принадлежавший одному из них гласный *-e-*, в санскрите давший *-a-*. Возможные типы сочетаний перечисленных элементов и некоторые случаи их конкретной реализации в санскрите указаны в табл. 21.

Схема словообразовательных суффиксов

	<i>r</i>	<i>l</i>	<i>n</i>	<i>i</i>	<i>u</i>	<i>m</i>	<i>s</i>
<i>t</i>	-tar(a)- -rt-	—	-nt-, -tn-, -tan-	-ti- -it-	-tu- -ut-	-tama-	-st-
<i>k</i>	-rk-	—	-pk-	-ik-	-uk-	—	-sk-
<i>s</i>	-sar-	—	-san-	-iṣ-	-uṣ- (-vas-)	-sm-	—

В ведийском языке более полно, чем в санскрите, представлены самые архаичные типы сочетаний этих элементов, а также основообразование при помощи этих элементов, взятых порознь, хотя в этом последнем случае, как и в ряде других, их значение уже выветрилось (имеются в виду гетероклитические основы на *-r/-n-*, основы на *-s-* и др.). Кроме указанных типов основ, в ведийском и реже в санскрите употреблялся особый наиболее древний тип с нулевым суффиксом — так называемые корневые имена. Крайняя степень архаичности форм этого типа имен проявляется в том, что они выражали чистое значение глагольного корня и в этом отношении смыкались с атематическим типом спряжения глаголов.

Несмотря на то что вся история развития древнеиндийского языка свидетельствует о постоянном расширении сферы употребления тематических основ (в частности, сюда относится и тематизация некоторых основ, которые в более ранний период были атематическими), есть основания считать некоторые из тематических основ весьма древними; в таких основах тематический гласный, быть может, некогда относился к корню. Сочетание тематического гласного с последующим ларингальным привело к возникновению суффикса собирательных имен *-ā-*, впоследствии в санскрите ставшего продуктивным в функции показателя женского рода. Точно так же суффиксы *-l-* (в основах типа *devī* «богиня») и *-ū-* (в основах типа *śvaśrū* 'свекровь') можно возвести к сочетанию основ на *i*, *u* с ларингальным. Поэтому для древнейшего периода можно реконструировать особый ларингальный суффикс имен.

Суффиксация имеет первостепенное значение и для глагольного словообразования. По характеру типа основы настоя-

шего времени в санскрите глагол был разделен индийскими грамматиками на 10 классов:

I—тематические гласные на *a* с ударением на корне (по древнеиндийской терминологии—*bhvādi*, т. е. тип, к которому принадлежит *bhū-* 'быть' и другие глаголы такого же рода);

VI—тематические глаголы на *a*, приставляемое в отличие от I класса к слабому виду корня, не несущему ударения (*tudādi*, т. е. тип *tud-* 'ударять');

IV—тематические глаголы на *ya*, присоединяемое к слабому виду корня, несущего ударение (*divādi*, т. е. тип *div-* 'играть');

X—тематические глаголы на *āya* (*curādi*, т. е. тип *cur-* 'воровать', 'красть');

II—атематические, как и все остальные пять классов, корневые глаголы (*adādi*, т. е. тип *ad-* 'есть');

III—глаголы с удвоением корня (*juhotyādi*, т. е. тип *hu-* 'приносить жертву');

V—глаголы, характеризуемые носовым суффиксом *-nu-/no-* (*svādi*, т. е. тип *su-* 'выжимать');

VIII—глаголы с приметой *-u-/o-* (*tanādi*, т. е. тип *tan-* 'тянуть');

IX—глаголы с носовой приметой *-nā-/nī-*, присоединяемой к слабому виду корня (*kryādi*, т. е. тип *krī-* 'покупать');

VII—глаголы с носовым инфиксом *-na-/n-* (*rudhādi*, т. е. тип *rudh-* 'сдерживать', 'препятствовать').

Полупарадигматический характер имеют некоторые производные глаголы, получившие значительное распространение в санскрите. При их образовании используются суффиксы: *-yā-* для пассива, связанного с IV классом глаголов; *-yā-* для некоторых типов интенсивных глаголов с удвоением; *-yā-* обычно с удлинением предшествующего гласного, для образования отыменных глаголов, во многих отношениях связанных с каузативными; *-sa-(-iṣa-)* с ударяемым удвоением корня для образования дезидеративных глаголов, суффиксальный элемент которых связывает их с будущим временем, сигматическими типами аориста и с некоторыми остатками типа основ настоящего времени на *-s-*.

Относительная бедность средств суффиксации в глаголе связана с тем, что ряд архаических типов основ в санскрите, например, глаголы на *s* и на *śk*, давшее *cch*, почти полностью исчез, и осуществилась очень далеко зашедшая унификация глагольных основ путем их тематизации. Характерно, что большинство важных словообразовательных типов в глаголе

связано с очень ограниченным числом одних и тех же элементов, прежде всего *-ya-* и носового элемента. Ограниченность типов суффиксации в глаголе по сравнению с именем в известной степени может рассматриваться как отражение такого же положения в индоевропейском языке, подержанного специально санскритскими тенденциями, обусловившими в конечном счете преобладание имени над глаголом.

Внутренняя реконструкция и сравнение с другими языками показывают, что позднее разделившиеся классы глаголов, например, классы с носовым показателем, некогда представляли собой единый суффиксированный класс (в приведенном примере — с элементом *-n-*). Точно так же все тематические классы глаголов, противопоставлявшиеся атематическим, можно возвести к одному общему источнику. Есть основания думать, что самое это противопоставление в древнейшую эпоху развития общеиндоевропейского языка имело определенное семантическое значение.

Редупликация в санскрите используется главным образом в глаголе. Различные ее типы, часто в сочетании с другими словообразовательными средствами, представлены в настоящем времени глаголов III класса, в ряде глаголов I класса, в подавляющем большинстве перфектных, а ранее и плюсквамперфектных форм, в дезидеративных и интенсивных глаголах.

Как уже говорилось выше, словосложение в санскрите получило весьма широкое распространение и могло использоваться не только для образования новых слов, но и для построения более сложных единиц, функционально равных предложению (*dr̥ṣṭivibhramotpalavanasattrāpāśrayaḥ* 'тот, кто получил убежище под сенью этого леса из лотосов—обольстительность твоих взглядов' или *ārūḍhatrāsadrutalokadattamārgaḥ* 'путь, который ему был открыт бежавшими людьми, охваченными страхом'; показательно, что оба эти примера взяты из «Дашакумарачариты», известной своим искусственно усложненным и изысканным стилем). Это средство широко используется в имени; случаи словосложения в глаголе крайне редки. В зависимости от различных отношений, в которых могут находиться между собой элементы сложного слова, древнеиндийские грамматики различали несколько видов словосложения.

1) *dvandva*—сочетание двух или нескольких равноправных элементов (*mītravaruṇā* 'Митра и Варуна', *devagandharvamanuṣyora garākṣasān* 'богов, гандхарв, людей, змей и демонов');

2) **tatpuruṣa**—сочетание двух или нескольких элементов, из которых последний поясняется теми элементами, которые ему предшествуют (*rathastha*- 'стоящий на колеснице, возница', *vanecara*- 'живущий в лесу'); таким образом, в качестве первого члена может выступать не только основа, но и падежные формы, как, например, форма местного падежа в последнем примере;

3) **karmadhāraya**—сочетание слов, при котором первое определяется вторым [*priyasakha*- 'любимый друг', *punarjanman*- 'новое рождение' ('рождение вновь')]; разница между *tatpuruṣa* и *karmadhāraya* заключается в том, что первый тип может быть трансформирован в падежную конструкцию, а иногда и содержит соответствующую падежную форму, тогда как второй может быть преобразован в сочетание существительного с определяющим его прилагательным (некоторые грамматики рассматривали *karmadhāraya* как особую разновидность *tatpuruṣa*).

4) **dvigu**—сочетание существительного с количественным числительным, определяющим его, в качестве первого члена (*triloka*- 'три мира', *pañcadhātu*- 'пять элементов'); некоторые грамматики рассматривали *dvigu* как особую разновидность *tatpuruṣa*;

5) **bahuvrīhi**—сложное слово 1-го, 2-го или 4-го типа, которое все целиком выступает как прилагательное со значением типа «имеющий...», «исполненный...», «обладающий...» [*rājalakṣman*- 'имеющий отличительные знаки царя' при *rājalakṣman*- 'отличительный знак царя'—тип *tatpuruṣa*; *hiraṇyāratha*- 'имеющий золотую колесницу' при *hiraṇyāratha*- 'золотая колесница'— тип *karmadhāraya*; *trikāla*- 'относящийся к трем временам' (философский термин) при *trikāla*- три времени—тип *dvigu*]. К этому же типу часто относят особые образования *avyayibhāva* с наречным значением (*samakṣām* 'воочию', *yathāvaśām* 'по желанию', *abhipūrvām* 'по очереди' и др.).

Иногда сочетание двух или нескольких слов образует единую лексему, причем сочетающиеся элементы не обладают той степенью семантической независимости, которая сохраняется в перечисленных выше типах словосложения. К таким случаям относятся: *itihāsāḥ* 'сказание' (из *iti ha āsa* 'ведь так было'), *kimvadantiḥ* 'слухи' (из *kim vadanti* 'что говорят?'), *kiṅkara*- 'слуга' (из *kim* 'что' и *kara*- от *kar*- 'делать') и др.

Уже в ведийских текстах отмечено употребление сложных слов в качестве собственных имен; оно продолжается и впоследствии даже тогда, когда появились новые

собственные имена типа прозвищ. Морфологические типы древних собственных имен, как и других типов сложных слов, в основном сводятся к пяти случаям:

1) именная основа+корень, в котором нейтрализуются различия имени и глагола: *Śatru-han-* 'убивающий врагов';

2) наречие+корень, в котором нейтрализуются различия имени и глагола: *Vi-rāj-* 'господствующий повсюду';

3) именная основа+именная основа, причем обе основы могут выступать в ряде разновидностей: *Aśva-pati-* 'хозяин лошадей';

4) числительное+имя: *Catur-aśva-* 'имеющий четырех лошадей';

5) наречие+имя: *Pari-śruta-* 'достолавный'.

Употребление сложных слов в качестве собственных имен, столь полно представленное в санскрите, отражает древнейший индоевропейский тип именования лиц.

Все перечисленные словообразовательные средства создавали необходимые предпосылки для использования в лексике многочисленных параллельных способов выражения. В санскрите этому в значительной степени способствовала искусственность языка многих произведений и исключительное многообразие литературных стилей в зависимости от условий жанра, направления, эпохи.

Стиль многих санскритских текстов, начиная с ведийского периода и особенно позднее, в эпосе и в произведениях «ученой» поэзии и художественной прозы отличается необычайной насыщенностью синонимами. Так, в словарных собраниях, составленных в древней Индии, находится по несколько десятков названий для слона, ртути, золота, несколько десятков названий для обозначения воды и огня (пламени, сияния), более 100 слов для лотоса, 250 слов для названия блудницы и т. д. Некоторые из таких синонимических рядов, привлекавших внимание уже индийских лексикографов, состоят из слов, для которых данное значение является одним из основных. Например, название воды: *ap*, *uda(ka)*, *ambhas*, *vār*, встречающиеся уже в древних текстах, и присоединяющиеся к ним позднее в эпическом и классическом санскрите *vāri*, *jala*, *ambu*, *toya*, *nīra*, *sa'ila*, *pānīya*, *peya*, *pā'thas*, *puškara*, *ki'lāla*, *aṛṇas*, *sala*, *kṣara* и др. Синонимические ряды такого рода могли разрастаться симметричным образом. Так, отмечают, что по образцу слова *payas*, входившего одновременно в синонимические ряды названий молока и названий воды, слово *kṣīra*, первоначально употреблявшееся только в значении «молоко», приобрело второе значение—«вода». Такое взаи-

модействие синонимических рядов в санскрите позволяет осуществить разбивку на семантические поля, что отчасти уже было намечено древнеиндийскими учеными.

Дальнейшее усложнение синонимических цепей происходило за счет включения в них «описывающих» (изобразительных) слов, отличающихся от охарактеризованных выше прозрачностью своей внутренней формы. Отношение между неусложненными и усложненными синонимическими рядами можно рассматривать как своего рода лексическую трансформацию, осуществляемую при сохранении одного и того же референта. Так, в синонимическую цепь названий земли, начатую изолированными непроизводными словами типа *kṣām*, *kṣmā*, включались другие названия земли — *bhū* 'сущая', 'пребывающая', *bhūmi* (от того же корня, что и *bhū*); *pṛthivī* 'широкая', *urvī* 'широкая', *mahī* 'великая', *modinī* 'радующая', *jagati* 'движущаяся', *vasumatī* 'обильная благами', *vasudhā* 'установительница благ', *vasumdhara* 'носительница благ', *dharā* 'несущая', *dharitṛī* 'носительница', *bhūgo'a* 'земной шар', *bhūmaṇḍala* 'земной круг', *bhūloka* 'земной мир' и др. Подобным образом птица, в ведийском обозначаемая непроизводным словом *vī*, называется *pakṣin garūtmant*, 'крылатая', *aṇḍaja* 'рожденная из яйца', *nīḍaja* 'рожденная из гнезда', *nīḍodbhava* 'происходящая из гнезда', *dvija* 'дважды рожденная', *khaga*, *khagata*, *an'ariksaḡa*, *vihaga*, *vihāyā* 'идущая по воздушному пространству', *patatrī* 'летающая' и др. Для названия пчелы существовали слова типа: *madhulih* 'лижущая мед', *madhupāyin*, *madhura* 'пьющая мед', *madhukara*, *madhukṛt* 'делающая мед', *madhumakṣikā* 'медовая муха', *puṣpalih* 'лижущая цветок', *puṣpandhaya* 'сосущая цветок', *bhramara* 'бродящая', *ṣaṭcarana* 'шестиногая' и др.

Такие синонимические ряды образуются вокруг ключевых слов, стоящих в центре целого ряда семантических полей и связывающих лексическую систему санскрита со знаковыми системами древнеиндийской религии, философии, литературы, искусства. С этой точки зрения структура лексической системы (в том числе и употребление ключевых слов в идиомах) много может дать для изучения роли тех или иных явлений в жизни древнеиндийского общества. Так, например, кажущееся странным стереотипное сравнение походки красивой женщины со слоновьей (*gajagāminī* 'обладающая слоновьей походкой'), а также наличие большого числа синонимов для названия слона *gaja*, *mātanga*, *ibha*, *nāga*, *kuñjara*, *vāraṇa*, *kareṇu* или *hastin* 'имеющий

руку', *karin* 'имеющий хобот', *dantin*, *radin*, *dantuva'a* со значением 'клыкастый', *dvipa* и *dvipāyin* 'дважды пьющий', *anekapa* 'пьющий не раз', *padmin* 'лотосный', *lambakarṇa* 'вислоухий', *dīrghavaktra* 'долгоречивый' и др.) находят объяснение в более общем культурно-историческом контексте.

В ведийских и многих других религиозных и философских текстах знаковая система определенного мировоззрения или концепции накладывается на лексическую систему таким образом, что в результате слова начинают употребляться в качестве символов, имеющих множество значений, иногда противоречивых: *raśmi* 'узда' и одновременно 'луч солнца'; *ari* 'враг' и одновременно 'друг', *vṛj-*, употребляемое как для обозначения «притягивания к себе» (бога), так и для «отталкивания от себя» (чего-либо злого) и др. Это усугубляется безудержной образностью стиля, благодаря которой в «Ведах» одно и то же слово может обозначать корову и язык или корову и землю. Если описанные выше случаи представляют умножение значений одного и того же слова в одном и том же тексте, то в других случаях слово умножает сумму своих значений благодаря тому, что в текстах разных школ оно может использоваться в совершенно различных смыслах, сохраняя при этом свою имманентную сущность, например, многообразие значений такого ключевого для ряда систем слова, как *dharma*. Эта удивительная гибкость в использовании лексики сделала возможным необычайно широкое развитие терминологического словаря санскрита, к которому продолжают обращаться и в наши дни.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОБРАЗЕЦ ТЕКСТА*

संस्कृतं नाम दैवी वाग् अन्वाख्याता महर्षिभिः । तद्भवस् तत्समो देशीत्य् अनेकः
प्राकृतक्रमः॥ आभीरादिगिरः काव्येष्वपभ्रंश इति स्मृताः। शास्त्रे तु संस्कृताद्
अन्यद् अपभ्रंशतयोदितम् ॥ श्लेषः प्रसादः समता माधुर्यं सुकुमारता । अर्थव्यक्तिर्
उदारत्वम् अजःकान्तिसमाधयः॥ इति वैदर्भमार्गस्य प्राणा दश गुणाः स्मृताः ।
एषां विपर्ययः प्रायो लक्ष्यते] गौडवर्त्मनि ॥ व्युत्पन्नम् इति गौडीयैर् नातिरूढम्
अपीप्यते । यथानत्यर्जुनाब्जन्मसदृक्षाङ्को बलक्षगुः॥ इत्यनालोच्य वैषम्यम् अर्थालं
कारडम्बरी । अवेक्षमाणा ववृधे पौरस्त्या काव्यपद्धतिः॥ इतीदं नादृतं गौडैर्
अनुप्रासस् तु तत्प्रियः। अनुप्रासाद् अपि प्रायो वैदर्भैर् इदम् ईप्सितम् ॥ अजः
समासभूयस्त्वम् एतद् गद्यस्य जीवितम् । पद्ये ऽप्यदाक्षिणात्यानाम् इदम् एकं
परायणम् ॥ इति पद्ये ऽपि पौरस्त्या बध्नन्त्योजरिवनीर् गिरः। अन्ये [त्वनाकुलं
हृद्यम् इच्छन्त्योजो गिरां यथा ॥ इदम् अत्युक्तिर्-इत्युक्तम् एतद् गौडोपलालितम् ।
प्रस्थानं प्राक् प्रणीतं तु सारम् अन्यस्य वर्त्मनः॥

ТРАНСКРИПЦИЯ

*saṃskṛtaṃ nāma daivī vāg anvākhātā maharṣibhiḥ tadbhavas tatsa
mo deśīty anekāḥ prākṛtakramāḥ ābhīrādīgiraḥ kāvyēṣu apabhraṃśa iti
smṛtāḥ śāstre tu saṃskṛtād anyad apabhraṃśatayoditam śleṣaḥ prasādaḥ
samatā mādhuryaṃ sukumāratā arthavyaktir udāratvam ojaḥkāntīsamādha-
yaḥ iti vaidarbhamārgasya prāṇā daśa guṇāḥ smṛtāḥ eṣāṃ viparyayaḥ
prāyo lakṣyate gaudavartmani vyutpannam iti gaudīyair nātīrūḍham apī-
pīyate yathānātyarjunābjanmasadṛkṣāṅko valakṣaguḥ ity anālocya vaiṣa-
myam arthālaṅkāraḍambarau avekṣamāṇā vavṛdhe paurastyā kāvyapaddha-
tiḥ itīdam nādṛtaṃ gaudair anuprāsas tu tatpṛīyaḥ anuprāsād api prāyo
vaidarbhair idam īpsitam ojaḥ samāsabhūyastoam etad gadyasya jīvitam*

* Отрывок взят из трактата по теории поэзии «Кавьядарша», написанного Дандином.

*padye'py adākṣiṇātyānām idam ekaṃ parāyaṇam iti padye'pi paurastyā
badhnanty ojasvinīr girāḥ anye tv anākulaṃ hr̥dyam icchanty ojo glrāṃ
yathā idam atyuktir ity uktam etad gauḍopalālitam prasthānaṃ prāk praṇī-
taṅ tu sāram anyasya vartmanaḥ.*

БУКВАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

Санскрит по имени божественный язык провозглашен великими-мудрецами происходящий от него подобный-ему местный разнообразный пракритов-вид речь-Абхиров-и-других в поэтических произведениях апабхранша как-известна в шастрах же чем-санскрит иное состоянием-апабхранша названо спаянность ясность единообразие сладость нежность точность-смысла благородство сила-грациозность-гармоничность так стилия-вайдарбха душа десять качеств известны их противоположность обычно наблю-дается в манере гауда анализируемо так последователями-гауда не слишком условно предпочитается как-изгиб-очень-белого-лотоса-подобный-дисклуны так невзирая на-несоответствие-смысла-украшения-аггрупп-слов забота-ющаяся возросла восточная поэтическая-традиция так-это не-принято-во-внимание последователями-гауда аллитерация ведь им-приятна чем-аллитера-ция больше обычно последователями-вайдарбха кто ценимо сила сложных-слов-обилие это прозы жизнь в поэзии же у-людей-не-с-юга это единственная цель так в поэзии-же люди-с-востока употребляют полные-силы слова другие же не-смущающую ищут силу слов чтобы это гипербола так сказанное это последователям-гауда-приятное система ранее приведенная ведь основа другого стилия.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД

«Санскрит — это божественный язык», — так провозгласили великие мудрецы. Классификация пракритов бывает различной: происходящие от санскрита, подобные ему и местные. В поэтических произведениях язык абхиров и других называется апабхранша. А в дидактической литературе название апабхранша распространяется на все, что не санскрит. Спаянность, ясность, единообразие, сладость, нежность, точность смысла, благородство, сила, грациозность, гармоничность — таковы десять качеств, душа стилия вайдарбха. Противоположные им качества обычно встречаются в манере гауда. Последователи гауда предпочитают то, что не слишком условно, так как только это можно анализировать. Пример: «луна с диском, подобным изгибу очень белого лотоса». Восточная поэтическая традиция, не останавливающаяся перед несоответствием и заботящаяся только об украшении смысла и игре слов, вошла в силу. Последователи гауда не считаются с этим: они любят аллитерацию. Последователи же вайдарбха обычно стремятся к этому больше, чем к аллитерации. Обилие сложных слов — это сила, это жизнь прозы. В поэзии же это единственная цель людей, которые происходят не с юга. Так даже в поэзии люди, которые происходят с востока, употребляют полные силы выражения. Другие же стремятся к тому, чтобы сила выражений была мягкой и не вызвала смущения. Последователи гауда охотно употребляют гиперболы. Описанный ранее метод является основой другого стилия.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Пособия

Бюлер Г., *Руководство к элементарному курсу санскритского языка*, Стокгольм, 1923.

Кнауэр Ф. И., *Учебник санскритского языка*, Лейпциг, 1908.

II. Работы общего характера о санскрите и ведийском языке

- Benfey Th., *Vollständige Grammatik der Sanskrit-Sprache*, Leipzig, 1852.
Bloch J., *L'indo-aryen du Vēda aux temps modernes*, Paris, 1934.
Böhtlingk O., *Pāṇini's Grammatik*, Leipzig, 1887.
Burrow T., *The Sanskrit language*, London, 1955.
Edgerton F., *Buddhist Hybrid Sanskrit. Grammar and dictionary*, vol. I—II, New Haven, 1953.
Ghosh B., *Linguistic introduction to Sanskrit*, Calcutta, 1937.
Kielhorn F., *A grammar of the Sanscrit language*, Bombay, 1896.
Macdonell A. A., *A Sanscrit grammar for students*, Oxford, 1926.
Macdonell A. A., *A Vedic grammar*, Strassburg, 1910.
Macdonell A. A., *A Vedic grammar for students*, Oxford, 1955.
Mansion J., *Esquisse d'une histoire de la langue sanscrite*, Paris, 1931.
Müller M., *Sanskrit-Grammatik*, Leipzig, 1868.
Pisani V., *Grammatica del Antico Indiano*, Roma, 1930—1933.
Renou L., *Grammaire de la langue védique*, Paris, 1952.
Renou L., *Grammaire sanscrite*, I—II, Paris, 1930.
Renou L., *Histoire de la langue sanscrite*, Lyon—Paris, 1956.
Renou L., *La grammaire de Pāṇini*, Fasc. I—III, Paris, 1948-1954.
Thumb A., Hauschild R., *Handbuch des Sanskrit*, I—II, Heidelberg, 1953—1958.
Wackernagel J., Debrunner A., *Altindische Grammatik*, Bd I—III, Göttingen, 1896—1954; S. Wackernagel, *Einleitung*, Göttingen, 1957 (ed. L. Renou).
Whitney W. D., *A Sanskrit grammar*, Cambridge, Mass., 1950.

III. Монографии

- Allen W. S., *Phonetics in Ancient India*, Oxford, 1953.
Benveniste E., Renou L., *Vṛtra et Vṛdragha. Étude de mythologie indo-iranienne*, Paris, 1934.
Birwé R., *Griechisch-Arische Sprachbeziehungen im Verbalsystem*, Walldorf-Hessen, 1956.
Bloomfield M., *Rig-Veda Repetitions*, vol. I—III, Cambridge, Mass., 1916.
Bloomfield M., Edgerton F., *Vedic Variants*, vol. I—III, Baltimore, 1930—1934.
Bühler J. G., *Indische Paläographie*, Strassburg, 1896.
Delbrück B., *Altindische Syntax*, Halle, 1888.
Delbrück B., *Das altindische Verbum aus den Hymnen des Rgveda*, Halle, 1874.
Елизаренкова Т. Я., *Аорист в «Ригведе»*, М., 1960.
Ghosh B., *Les formations nominales et verbales en "-p-" du sanskrit*, Paris, 1933.
Gonda J., *La place de la particule négative "na" dans la phrase en vieil indien*, Leyden, 1951.
Gonda J., *Remarks on the Sanskrit Passive*, Leyden, 1951.
Gonda J., *Remarques sur la place du verbe dans la phrase active et moyenne en langue sanscrite*, Utrecht, 1952.
Gonda J., *Sanskrit in Indonesia*, Nagpur, 1952.
Gonda J., *Stylistic Repetition in the Veda*, Amsterdam, 1959.
Gonda J., *The character of the Indo-European moods. With special regard to Greek and Sanskrit*, Wiesbaden, 1956.
Hartmann P., *Nominale Ausdrucksformen im wissenschaftlichen Sanskrit*, Heidelberg, 1955.

- Kuiper F. B. J., *Die indogermanischen Nasalpräsentia*, Amsterdam, 1937.
- Kuiper F. B. J., *Notes on Vedic noun-inflexion*, Amsterdam, 1942.
- Kuiper F. B. J., *Proto-Munda words in Sanskrit*, Amsterdam, 1948.
- Kuiper F. B. J., *Shortening of final vowels in the Rigveda*, Amsterdam, 1955.
- Leumann M., *Morphologische Neuerungen im Altindischen Verbalsystem*, Amsterdam, 1952.
- Liebert G., *Das Nominalsuffix "-ti" im Altindischen*, Lund, 1949.
- Liebert G., *Über das enklitische Pronomen "vah" als Subjektkasus im Rigveda*, Lund, 1950.
- Lindner B., *Altindische Nominalbildung*, Jena, 1878.
- Oertel H., *The syntax of cases in the narrative and descriptive prose of Brahmanas*, Heidelberg, 1926.
- Oertel H., *Zu den Kasusvariationen in der vedischen Prosa*, I—II, München, 1937—1938.
- Oldenberg, H., *Metrische und textgeschichtliche Prolegomena*, Berlin, 1888.
- Pischel R., Geldner K., *Vedische Studien*, Bd I—III, Stuttgart, 1892—1901.
- Renou L., *Études de grammaire sanskrite*, Paris, 1936.
- Renou L., *Études védiques et pāṇinéennes*, t. 1-4, Paris, 1955—1959.
- Renou L., *La valeur du parfait dans les hymnes védiques*, Paris, 1925.
- Renou L., *Monographies sanskrites*, Paris, 1937.
- Renou L., *Terminologie grammaticale du sanskrit*, Paris, 1957.
- Renou L., *Vocabulaire du rituel védique*, Paris, 1954.
- Speyer J., *Sanskrit Syntax*, Leiden, 1886.
- Speyer J., *Vedische und Sanskrit-Syntax*, Strassburg, 1896.
- Thieme P., *Das Plusquamperfektum im Veda*, Göttingen, 1929.
- Thieme P., *Der Fremdling im Rigveda*, Leipzig, 1938.
- Thieme P., *Pāṇini and the Veda*, Allahabad, 1935.
- Thieme P., *Studien zur indogermanische Wortkunde und Religionsgeschichte*, Berlin, 1952.
- Thieme P., *Untersuchungen zur Wortkunde und Auslegung des Rigveda*, Halle, 1949.
- Whitney W. D., *The Roots, Verb-Forms and Primary Derivatives of the Sanskrit Language*, Cambridge, Mass., 1955.

IV. С л о в а р и

- Böhltingk O., *Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung*, I—VII, St. Petersburg, 1879—1889.
- Grassmann H., *Wörterbuch zum Rig-Veda*, Wiesbaden, 1955.
- Mayrhofer M., *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*. Lief. 1—14, Heidelberg, 1953—1960.
- Monier Williams M., *A Dictionary English and Sanskrit*, Delhi-Varanasi-Patna, 1956.
- Uhlenbeck C. C., *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch der altindischen Sprache*, Amsterdam, 1898—1899.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр
От редакции	5
Введение	7
Место санскрита в кругу родственных языков	8
Виды санскрита и их периодизация в соотношении с другими языками Индии	23
Памятники санскрита	31
Графика и фонетика	46
Фонологическая система	51
Замечания исторического характера к описанию фонологиче- ской системы	65
Морфонология	73
Морфология	76
Имя	76
Замечания исторического характера к описанию морфологии имени	92
Глагол	95
Замечания исторического характера к описанию морфологии глагола	114
Сведения из синтаксиса	116
Сведения о словообразовании и лексике	120
Приложения	
Образец текста	130
Библиография	131

Вячеслав Всеволодович Иванов
Владимир Николаевич Топоров

САНСКРИТ

Утверждено к печати
Институтом народов Азии
Академии наук СССР

Редакторы издательства *Д. М. Гольдман* и *И. В. Альтман*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Л. Т. Цигельман*
Корректор *М. И. Штемпель*

Сдано в набор 11/III 1960 г.
Подписано к печати 28/X 1960 г.
А-08504. Формат 60×92¹/₂. Печ. л. 8,5
Усл. п. л. 8,75. Уч.-изд. л. 8,49
Тираж 2300 экз. Зак. 722
Цена 4 руб. С 1/I 1961 г. цена 40 коп.

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография Издательства восточной литературы
Москва, И-45, Б. Кисельный пер., 4

Цена 4 руб.
с 1/1 1961 г. цена 40 коп.